

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

39 2026
ЧАСТЬ III

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 39 (642) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен Конфуций (около 551 г. до н. э. — 479 г. до н. э.), древний китайский мыслитель и философ.

Родился Конфуций около 551 года до нашей эры в царстве Лу. Отец Конфуция Шулян Хэ был храбрым воином из знатного княжеского рода Кун. В первом браке у него родилось девять дочерей, а наследника не было. Во втором браке столь долгожданный мальчик родился, но, к несчастью, был калекой. Тогда в возрасте 63 лет он решился на третий брак, и его женой согласилась стать молодая девушка из рода Янь. Видения, которые посещали ее после свадьбы, предвещали появление великого человека.

Рождению ребенка сопутствовало множество чудесных обстоятельств. По легенде, незадолго до рождения Конфуция его матери, Янь Чжэнцзай, явилось мифическое существо — цилинь (единорог). Оно держало в пасти нефритовую пластину, на которой было начертано пророчество о том, что младенец станет «царем без трона», который спасет приходящую в упадок династию Чжоу. Конфуций родился с заметной впадиной на темени. Согласно китайской физиогномике, такие особенности строения черепа указывали на выдающийся интеллект и связь с высшими силами. Так появился на свет Кун-фу-цзы, или Учитель из рода Кун, известный на Западе под именем Конфуция. Отец Конфуция умер, когда мальчику было три года, и молодая мать вместе с маленьким сыном была вынуждена покинуть дом мужа из-за неприязни старших жен и поселиться в бедности в Цюйфу. Она посвятила свою жизнь воспитанию сына.

Маленький Конфуций был далек от игр, свойственных мальчикам его возраста; главным его развлечением стали беседы с мудрецами и старцами. В возрасте семи лет его отдали в школу, где обязательным было освоение шести умений: выполнять ритуалы, слушать музыку, стрелять из лука, управлять колесницей, писать и считать.

Конфуций родился с потрясающей восприимчивостью к учению, живой ум заставлял его читать и, самое главное, усваивать все знания, изложенные в классических книгах той эпохи, поэтому впоследствии о нем говорили: «Он не имел учителей, но лишь учеников». При окончании школы Конфуций один из всех учащихся сдал самые сложные экзамены со стопроцентным результатом. В 17 лет он уже занимал должность государственного чиновника, хранителя амбаров. «Мои счета должны быть верны — вот единственное, о чем я должен заботиться», — говорил Конфуций. Позже в его ведение поступил и скот царства Лу. «Быки и овцы должны быть хорошо откормлены — вот моя забота», — таковы были слова мудреца. «Не беспокойся о том, что не занимаешь высокого поста. Беспокойся о том, хорошо ли служишь на том месте, где находишься».

Одним из кульминационных моментов в его жизни стало приглашение благородного правителя посетить сто-

лицу Поднебесной. Это путешествие позволило Конфуцию в полной мере осознать себя наследником и хранителем древней традиции (таким считали его и многие современники). Он решил создать школу, основанную на традиционных учениях. Конфуций хотел видеть своих учеников «целостными людьми», полезными государству и обществу, поэтому учил их различным областям знания, основанным на разных канонах.

Слава о нем распространилась далеко за пределы соседних царств. Вскоре он занял пост министра правосудия — в те времена самую ответственную должность в государстве.

Он сделал так много для своей страны, что соседи стали опасаться быстрого развития государства усилиями одной личности. Клевета и наветы привели к тому, что правитель Лу перестал внимать советам Конфуция. Мудрец оставил свой высокий пост и отправился в путешествие по стране, наставляя правителей и нищих, князей и пахарей, молодых и стариков. Везде, где он проходил, его умоляли остаться, однако он неизменно отвечал: «Мой долг распространяется на всех людей без различия, ибо я считаю всех, кто населяет землю, членами одной семьи, в которой я должен исполнять священную миссию наставника».

Для Конфуция знание и добродетель были неразделимы, и поэтому жизнь в соответствии со своими философскими убеждениями являлась неотъемлемой частью самого его учения. Философия была для него не моделью идей, выставляемых для человеческого осознания, но системой заповедей, неотъемлемых от поведения философа.

Конфуций не любил говорить о себе и весь свой жизненный путь описал в нескольких строчках: «В 15 лет я обратил свои помыслы к учению. В 30 лет я обрел прочную основу. В 40 лет я сумел освободиться от сомнений. В 50 лет я познал волю Неба. В 60 лет я научился отличать правду от лжи. В 70 лет я стал следовать зову моего сердца и не нарушал ритуала».

Умер мудрец в 479 году до нашей эры; свою смерть он предсказал ученикам заранее. Однажды ранним утром Конфуций проснулся и направился к двери, напевая: «Большая гора должна разрушиться, сильное течение должно пресечься, мудрый человек должен завянуть, как растение». Один из учеников, услышав пение, появился перед ним. Учитель рассказал ему сон, который, по его мнению, предвещает скорую смерть. Затем он посветовал: «Не нашлось ни одного умного правителя, который захотел бы стать моим учеником. Пора мне умереть».

Он слег в постель и через неделю тихо скончался. Говорят, что его последними словами было: «Кто после моей смерти возьмет на себя труд продолжать мое учение?»

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Ефимов П. С.

Лжесвидетельство: проблемы
законодательного регулирования..... 137

Ефимов П. С.

Место лжесвидетельства в системе
преступлений против правосудия..... 139

Жеватова Р. Р.

Трансформация доказывания
и распределения бремени
в административном судопроизводстве 141

Иванов М. Д.

Правовой режим имущества должника
в период между наложением ареста
и прекращением права собственности:
проблемы реализации и защиты прав сторон... 143

Ивашина М. Е.

История становления и развития
принципа добросовестности в российском
гражданском праве 147

Кашкарова О. С.

Пляжи как объект федерального
государственного контроля (надзора)
за безопасностью людей на водных объектах 149

Костин Д. М.

Медиация в системе примирительных
процедур 152

Костин Д. М.

Медиация в исполнительном производстве:
проблемы применения и направления
совершенствования законодательства 155

Костин Д. М.

Правовой статус профессионального
медиатора в Российской Федерации:
проблемы квалификации, ответственности
и саморегулирования 158

Кузьмина Д. А.

Основания криминализации статьи 128.1 УК
РФ «Клевета»..... 161

Курбонов С. С.

Полномочия органов прокуратуры в сфере
образования и порядок их осуществления..... 164

Макарова Е. В.

Уголовная ответственность за нарушение
миграционного законодательства
в современных условиях: анализ
правоприменения 167

Миронова Н. А.

Соотношение понятий «принудительный
труд» и «рабский труд» в международном
и национальном праве 172

Монгуш А. Х.

Правовые и организационно-
методические основы участия прокурора
в административном судопроизводстве 175

Монгуш А. Х.

Процессуальный статус прокурора
в административном судопроизводстве:
актуальные проблемы и направления
совершенствования..... 178

Мотыкайло И. И.

Внесудебное банкротство граждан:
доступность процедуры и баланс интересов
кредиторов 180

Немцева З. Л., Викторова М. А.

Конституционно-правовое значение
таможенного регулирования в механизме
защиты государственного суверенитета 182

Нехорошева Н. В.

Проблемы исполнения договора поставки для
государственных и муниципальных нужд..... 189

Новикова А. А.

Коррупция в сфере государственного
управления: понятие, причины
и предупреждение 191

Петрова М. В.

Особенности оперативно-розыскной
деятельности при расследовании уголовных
дел о взяточничестве..... 194

Пось С. И.

Оскорбление представителя власти:
соотношение уголовно-правового
и административно-правового подходов 196

Радыгина Е. П.

Пределы изменения обвинения на стадии
предварительного следствия: проблемы
правоприменения 199

Радыгина Е. П.

Пределы изменения обвинения на стадии
предварительного следствия 201

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Лжесвидетельство: проблемы законодательного регулирования

Ефимов Павел Сергеевич, студент
Ульяновский государственный университет

В статье рассматриваются возможные направления совершенствования уголовно-правовой нормы, устанавливающей ответственность за лжесвидетельство. Необходимость обращения к данной проблеме связана с тем, что предоставление заведомо ложных сведений способно затрагивать различные общественные отношения и существенно влиять на результаты производства по уголовным, гражданским и иным делам. При этом последствия такого поведения могут выходить далеко за пределы интересов отдельных участников процесса. Актуальность исследования выражается в выявлении особенностей объективных и субъективных признаков рассматриваемого состава преступления.

Ключевые слова: лжесвидетельство, правосудие, корыстный мотив, санкция, закон.

Perjury: problems of legislative regulation

Yefimov Pavel Sergeevich, student
Ulyanovsk State University

This paper examines potential avenues for improving the criminal law provision establishing liability for perjury. Addressing this issue is essential because the submission of knowingly false information can affect various social relations and significantly influence the outcomes of criminal, civil, and other proceedings. Moreover, the consequences of such conduct may extend far beyond the interests of the individual participants in the proceedings. The relevance of the study lies in identifying the specific characteristics of the objective and subjective elements of the criminal offense in question, the nuances of legal classification.

Keywords: perjury, administration of justice, mercenary motive, sanction, law.

Анализ проблемы привлечения к уголовной ответственности за предоставление недостоверных свидетельских показаний необходимо предварить исследованием базовых аспектов, природы и причин законодательного запрета данного деяния. Феномен лжи сопровождает человечество на протяжении всей его истории, проявляясь в разнообразных контекстах: от повседневных ситуаций до политических интриг, от попыток утаить информацию до решения бытовых вопросов. По нашему мнению, способность к искажению действительности и передаче заведомо не соответствующей реальности информации глубоко укоренена в человеческой природе. Данное явление требует тщательного правового регулирования, поскольку его последствия могут существенно повлиять на справедливость правосудия и безопасность общества в целом. Именно поэтому законодательное закрепление ответственности за ложные показания приобретает особую значимость в системе уголовного права.

Так А. А. Козулева понимает под ложью преднамеренную неправду вообще; не только умышленно неверное показание против другого человека, но еще непременно вред другому [4]. Данная позиция заслуживает частичного одобрения. На наш взгляд, важным аспектом выступает акцент на умышленном характере искажения фактов, когда субъект осознает недостоверность передаваемых им сведений. В этом контексте особое значение имеет толкование Верховного Суда Российской Федерации касательно понятия ложной информации в рамках статей 207.1 и 207.2 Уголовного кодекса РФ. Согласно позиции высшей судебной инстанции, заведомо ложной информацией признается любая совокупность данных (включая сведения, сообщения и прочие формы передачи информации), которая: изначально не соответствует реальным фактам; распространялась лицом, достоверно знавшим о её недостоверности. Такое определение позволяет четко разграничить умышленное искажение инфор-

мации от иных форм распространения недостоверных сведений [7].

В то же время ложь может нести за собой различные негативные последствия. В связи с этим вопросом времени являлось создание определенного правового механизма противодействия лжи, самых опасных ее форм, в том числе и при дачи заведомо ложных показаний. Ключевым таким механизмом стала уголовно-правовая охрана дачи правдивых показаний, то есть обоснованность криминализации деяния.

Однако криминализация выступает одновременно и как результат деятельности законодателя, и как потребность общества, основанная на различных показателях [6]. Криминализацией следует считать определенную совокупность предпосылок, которые с уверенностью позволяют говорить о том, что то или иное деяние является именно преступным, то есть обоснованным будет принятие решение о принятии такой нормы, а высокой будет эффективность ее применения.

Статья 307 УК РФ предусматривает ответственность за заведомо ложные показания свидетеля или потерпевшего, заключение или показания эксперта, показания специалиста, а также за заведомо неправильный перевод в суде или в ходе досудебного производства. Объективная сторона состава характеризуется формальным характером, что исключает необходимость доказывания общественно опасных последствий для квалификации деяния. Структура состава носит сложный альтернативный характер, предусматривая различные формы преступного поведения, совершаемые разными субъектами.

Следует отметить, что диспозиция ст. 307 УК РФ относится к числу бланкетных. Хотя при этом следует заметить, что в науке уголовного права существует и смежный термин «бланкетная форма изложения элементов уголовно-правовой нормы», под которой понимают такой способ, когда общее правило лишь указывается, а также устанавливается ответственность за его нарушение, в то время как содержание правила содержится в другом нормативно-правовом акте [3]. Анализ состава преступления, предусмотренного ст. 307 УК РФ, демонстрирует необходимость обращения к смежному законодательству для толкования ключевых понятий. Уголовный закон устанавливает наказуемость лжесвидетельства, однако не раскрывает такие важные дефиниции, как показания, заключение, а также процессуальные статусы свидетеля, потерпевшего, эксперта, специалиста и переводчика.

Рассматривая объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 307 УК РФ, отметим некоторые проблемы, связанные с диспозицией основного состава. В настоящее время преступление имеет место в суде либо в ходе досудебного производства. Однако в редакции до 2019 году диспозиция данного состава предусматривала вместо термина «досудебное производство» термин «предварительное расследование». Данные изменения были внесены Федеральным законом от 2 декабря 2019 № 410-ФЗ [2]. Несомненно, это связано с приня-

тием Федерального закона от 4 марта 2013 года № 23-ФЗ, внесшего большие изменения в части проведения доследственной проверки в порядке ст. 144–145 УПК РФ [1]. В частности, был расширен перечень следственных и процессуальных действий, которые могут проводиться в ходе этой проверки, в том числе и возможность проводить судебную экспертизу. Также как указывается в пояснительной записке к законопроекту при проведении проверки по сообщению о преступлении заведомо ложное заключение или показания эксперта, заведомо ложные показания специалиста имеют не меньшую общественную опасность, чем при расследовании или судебном рассмотрении уголовного дела, поскольку создают условия как для необоснованного уголовного преследования невиновных, так и незаконного отказа в возбуждении уголовного дела

Субъективная сторона и субъект преступления формируют субъективные признаки состава преступления. Учёное сообщество единодушно признаёт, что лжесвидетельство совершается исключительно с прямым умыслом, что подтверждается как названием, так и диспозицией статьи 307 УК РФ. При этом виновные лица полностью осознают общественную опасность своих действий и целенаправленно стремятся к их совершению. Ключевым признаком субъективной стороны выступает заведомость, часто используемый в уголовном законодательстве термин, который подчёркивает умышленный характер деяния. Такое законодательное решение необходимо для чёткого разграничения интеллектуального и волевого компонентов психического отношения преступника к совершаемому правонарушению, что имеет важное значение для правоприменительной практики. Однако как справедливо указывает Н. И. Пикуров, данный признак не только усиливает общественную опасность деяния, но и создает дополнительные сложности в доказывании, в частности, необходимо доказать осведомленность лица о таком признаке [5]. Применительно к лжесвидетельству необходимо установить, что лицо, сообщившее ложные сведения, сделавшее неверное заключение или перевод, действительно имело умысел на такие действия. В свою очередь, исключает уголовную ответственность добросовестное заблуждение о неверности их показаний, заключения или перевода в силу различных обстоятельств.

Таким образом, субъективная сторона лжесвидетельства представлена прямым умыслом, о чем свидетельствует применение законодателем понятия «заведомости». Вместе с тем, заведомость предполагает не только повышенную общественную опасность, но и необходимость доказывания данного факта. Также как было установлено анализом судебной практики, к уголовной ответственности не могут быть привлечены лица, чьи показания не относятся к предмету доказывания по уголовному делу, что требует, на наш взгляд, законодательного закрепления. Субъект преступления, предусмотренного ст. 307 УК РФ — специальный, то есть вменяемое физиче-

ское лицо, достигшее 16 лет и обладающее специальным процессуальным статусом свидетеля, потерпевшего, эксперта, специалиста или переводчика.

В итоге, под лжесвидетельством в уголовном праве следует понимать особую, общественно опасную форму лжи, за которую, в предусмотренном уголовным законом порядке наступает уголовная ответственность. Анализ позволяет выделить ряд предпосылок, которые говорят о необходимости криминализации лжесвидетельства: общественная опасность лжесвидетельства; распространенность; соразмерность положительных и отрицательных последствий; процессуальная осуществимость; отсутствие норм, эффективно регулирующих данные отношения методами других отраслей права; исторические традиции и общественное мнение. анализ объективных признаков лжесвидетельства показывает, что непосредственным объектом выступает нормальная деятельность органов правосудия — суда, прокуратуры, следствия и дознания. При этом дополнительным объектом могут вы-

ступать права и законные интересы личности. Предмет преступления образуют показания, заключения эксперта и специалиста, а также переводы. Их особая правовая природа заключается в обязательной процессуальной форме: доказательства должны быть надлежащим образом закреплены. субъективная сторона лжесвидетельства характеризуется прямым умыслом, что подтверждается использованием термина «заведомо» в законодательстве. Данный признак не только усиливает общественную опасность деяния, но и требует обязательного доказывания этого обстоятельства. Анализ судебной практики показывает, что к ответственности не привлекаются лица, чьи показания не входят в предмет доказывания по уголовному делу. По нашему мнению, этот аспект нуждается в законодательном закреплении. Субъект преступления по ст.307 УК РФ является специальным — это вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста и обладающее одним из процессуальных статусов: свидетеля, потерпевшего, эксперта, специалиста или переводчика.

Литература:

1. Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ (ред. от 28.12.2013) О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // Российская газета. № 48. 2013; № 295. 2013.
2. Федеральный закон от 02.12.2019 № 410-ФЗ О внесении изменений в статью 307 Уголовного кодекса Российской Федерации // Российская газета. № 273. 2019.
3. Ермакова, Е. В. Бланкетность в уголовном праве / Е. В. Ермакова // Вестник Самарского юридического института. — 2010. — № 2. — С. 17.
4. Козулева, А. А. Эволюция понимания и определения истины и лжи в историко-философском познании / А. А. Козулева // Сибирский юридический вестник. — 2007. — № 3. — С. 68–72.
5. Пикуров, Н. И. «Заведомость» как элемент конструкции уголовно-правовой нормы: проблемы квалификации преступлений / Н. И. Пикуров // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. — 2024. — № 4 (117). — С. 66–74.
6. Шеслер, А. В. Криминализация и декриминализация как направления правотворческой политики // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 2 (46). С. 132–139.
7. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.04.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 6.

Место лжесвидетельства в системе преступлений против правосудия

Ефимов Павел Сергеевич, студент
Ульяновский государственный университет

Глава 31 Уголовного кодекса Российской Федерации посвящена группе преступлений против правосудия. Преступления указанной группы посягают на нормальное функционирование всей системы правоохранительных органов, препятствуют осуществлению правосудия. Несомненно, подобных преступлений совершается существенно меньше, нежели кражи, мошенничества, преступления против личности, но именно в ходе расследования, например, краж, собирается основной доказательственный материал, в том числе показания свидетелей, потерпевшего, свидетеля или очевидца, дается заключение эксперта или специалиста. Именно для этого законодатель предусмотрел возможность уголовной ответственности участника уголовного судопроизводства за дачу заведомо-ложных показаний, заключения. Данный состав преступления в науке уголовного права часто именуется лжесвидетельством в широком его понимании.

Ключевые слова: лжесвидетельство, правосудие, корыстный мотив, санкция, закон.

The place of perjury in the system of crimes against justice

Yefimov Pavel Sergeevich, student
Ulyanovsk State University

Chapter 31 of the Criminal Code of the Russian Federation addresses a group of crimes against the administration of justice. Crimes in this category undermine the proper functioning of the entire law enforcement system and obstruct the administration of justice. Undoubtedly, such crimes are committed far less frequently than theft, fraud, or crimes against the person; however, it is precisely during the investigation of offenses such as theft that the primary body of evidence is gathered—including testimony from witnesses and victims, as well as expert or specialist opinions. It is precisely for this reason that the legislator has provided for the possibility of criminal liability for participants in criminal proceedings who give knowingly false testimony or expert opinions. In the study of criminal law, this offense is often referred to as perjury in the broad sense of the term.

Keywords: perjury, administration of justice, mercenary motive, sanction, law.

В современном уголовном процессе показания свидетелей являются важнейшим доказательством, способным наиболее полно восстановить картину преступления. Они связывают воедино все значимые факты и позволяют в полном объеме установить обстоятельства, подлежащие доказыванию. По этой причине заведомо ложные показания свидетелей препятствуют вынесению законного, обоснованного и справедливого приговора.

Вопрос криминализации неразрывно связан с определением объекта преступного посягательства, в особенности определения видового объекта. В настоящее время состав лжесвидетельства находит свое отражение в главе 31 УК РФ «Преступления против правосудия». В настоящее время в данную главу включены составы преступлений, предусмотренные ст. 294–316 УК РФ. Для определения сущности этих преступлений необходимо понять, что представляет собой такое правовое явление как правосудие. Для этого обратимся к некоторым положениям Основного закона. Часть 1 статьи 19 Конституции Российской Федерации (далее — Конституция РФ) [1] указывает, что все равны перед законом и судом. При этом из ст. 45 и 46 Основного закона РФ следует, что каждому гарантируется государственная и судебная защита его прав и свобод. Каждый вправе защищать свои права и свободы только теми способами, которые не запрещены законом. Саму же судебную защиту необходимо рассматривать с точки зрения права лиц на судебную защиту, предусмотренную как Конституцией РФ, так и единством норм материального и процессуального права, а также непосредственно деятельность судов по восстановлению нарушенных прав. Лишь в случае единства этих элементов может быть достигнута цель судебной защиты.

Как указано в ч. 1 ст. 118 Конституции РФ, правосудие в Российской Федерации осуществляется исключительно судом. Е. В. Пластинина пишет схожим образом, что правосудие следует рассматривать как средство гарантирования конституционного права на судебную защиту, обеспечения реальности ее получения, опосредованное наличием законодательно установленных процедур [3]. Анализ конституционных положений позволяет го-

ворить о том, что именно суд является единственным субъектом осуществления правосудия. Однако уголовно-правовое понятие правосудия как видового объекта главы 31 УК РФ следует понимать несколько шире. Проанализируем мнения ученых по этому вопросу. Например, А. А. Камардина пишет, что нельзя отождествлять такие термины как судопроизводство, которое включает в том числе и досудебное производство по уголовному делу, и правосудие, под которой автор понимает исключительно государственную деятельность суда по рассмотрению уголовного дела по существу [2]. В данном случае автор раскрывает именно узкое значение термина «правосудие» как исключительную деятельность суда. Х. Д. Хачаров же пишет, что преступления против правосудия охватывают либо деятельность органов дознания, предварительного следствия и прокуратуры, либо осуществление функций правосудия самим судом [4]. В данном случае такой вывод при рассмотрении именно преступлений против правосудия представляется наиболее верным. Все остальные правоохранительные органы следует считать органами, содействующими осуществлению правосудия. Следует также согласиться и с мнением Е. Р. Абдрахмановой, справедливо считающей, что «в уголовном праве правосудие понимается не только как специфическая деятельность суда, но и деятельность органов, способствующих ему в этом, — органов прокуратуры, предварительного расследования, органов, исполняющих вступившие в законную силу приговоры и решения. Такая позиция законодателя обусловлена тем, что без деятельности указанных органов осуществление правосудия судом было бы практически невозможно» [5]. Правосудие невозможно представить без деятельности правоохранительных органов, в частности следственных, дознавательных и прокурорских структур. В этом контексте уголовное судопроизводство фактически отождествляется с понятием правосудия, поскольку эти институты неразрывно связаны между собой. Судебный процесс характеризуется тем, что вынесение приговора невозможно без предварительного сбора доказательств правоохранительными органами. Единственным исключением являются дела частного

обвинения, где заявитель обращается непосредственно в суд, и участие правоохранительных структур не является обязательным элементом осуществления правосудия. Деятельность органов правосудия и правоохранительных органов образует единую систему, где каждый элемент играет важную роль в обеспечении справедливого судебного разбирательства.

Таким образом, правосудие можно понимать как в широком, так и в узком смысле. В узком смысле понятие правосудия закреплено в Основном законе РФ, под которым следует понимать исключительно деятельность суда. Однако для определения видового объекта главы 31 УК РФ под правосудием следует понимать всю деятельность правоохранительных органов, которые также содействуют осуществлению правосудия, и на нормальное функционирование которых посягает лицо при совершении преступления, предусмотренного рассматриваемой главой УК РФ.

Состав преступления, предусматривающий уголовную ответственность за заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод посягает на нормальное осуществление правосудия в целом. Однако проблема преступлений, связанных с уголовно-правовой ложью, особенно в сфере судопроизводства связана с тем, что не всегда является очевидным, говорит ли участник процесса достоверную информацию или же по какой-либо причине сообщает правоохранительным органам или суду ложную информацию. Доказательства независимо от вида судопроизводства оцениваются с точки зрения относимости, допустимости, достоверности и в своей совокупности — достаточности. Сообщая ложные показания или составляя ложное заключение, лица мешают нормальному функционированию правоохранительных органов, тем самым препятствуют вынесению законного, обоснованного и мотивированного решения.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 11. — Ст. 1416.
2. Камардина, А. А. О понятии и сущности правосудия в уголовном судопроизводстве / А. А. Камардина // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2014. — № 3 (164). — С. 12–19.
3. Пластинина, Е. В. Правовые аспекты понятия «Доступ к правосудию» / Е. В. Пластинина // Марийский юридический вестник. — 2013. — № 10. — С. 1–5.
4. Хачаров, Х. Д. Особенности уголовно-правовой характеристики преступлений против правосудия // Правовая безопасность в пенитенциарной системе: понимание, структура, обеспечение: материалы Международной научно-практической конференции, Самара, 28 апреля 2012 года / Под общей редакцией А. Ф. Галузина, Р. А. Ромашова. — Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2012. С. 225–233.
5. Абдрахманова, Е. Р. Уголовно-правовая охрана деятельности исправительно-трудовых учреждений. Ульяновск, 1996. С. 33.

Трансформация доказывания и распределения бремени в административном судопроизводстве

Жеватова Регина Раилевна, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются изменения, происходящие в институте доказывания и распределении бремени доказывания в административном судопроизводстве на фоне реформирования процессуального законодательства. Особое внимание уделяется тому, как постепенно смещается акцент: от классической состязательной модели к более активному участию суда, что обусловлено публично-правовой природой рассматриваемых споров. Анализируются возникающие противоречия между традиционными принципами гражданского процесса и особенностями административных дел, вытекающих из публичных правоотношений.

Ключевые слова: административное судопроизводство, доказывание, бремя доказывания, публичные правоотношения, КАС РФ, состязательность, активная роль суда, стандарт доказывания.

Современное административное судопроизводство находится в стадии заметных изменений как на институциональном, так и на функциональном уровне. Вы-

деление административного процесса в самостоятельную отрасль, отличную от гражданского судопроизводства, неизбежно привело к переоценке ключевых правовых ин-

ституты. Одним из центральных среди них остается доказывание, поскольку именно через него реализуется задача установления фактических обстоятельств дела [4].

Особенность административных споров заключается в их публично-правовой природе: одной из сторон, как правило, выступает субъект, обладающий властными полномочиями, а предметом рассмотрения становится проверка законности реализации этих полномочий [3, с. 12]. В таких условиях традиционная модель распределения бремени доказывания, характерная для частноправовых конфликтов, оказывается недостаточно эффективной. Это обуславливает необходимость формирования иных подходов, учитывающих неравенство сторон и специфику публичных интересов [10, с. 45].

Принцип состязательности, являясь базовым для судебного процесса в целом, в административных делах реализуется иначе, чем в гражданском судопроизводстве. Суд здесь не ограничивается ролью пассивного арбитра, а, напротив, принимает более активное участие в установлении фактических обстоятельств. Такая трансформация связана с необходимостью обеспечить защиту прав граждан в спорах с публичной властью, где формальное равенство сторон отсутствует.

Статистические данные подтверждают возрастающее значение административного судопроизводства и одновременно указывают на существующие проблемы в сфере доказывания. Количество рассматриваемых судами административных дел ежегодно увеличивается [2]. При этом заметная доля решений выносится в пользу заявителей именно из-за того, что административные ответчики не представляют достаточных доказательств законности своих действий. Значительное число судебных актов отменяется вышестоящими инстанциями по причинам, связанным с неправильным распределением бремени доказывания [2].

Актуальность рассматриваемой проблематики обусловлена рядом факторов. Прежде всего, в судебной практике отсутствует единый подход к применению норм, регулирующих распределение обязанностей по доказыванию. Также сохраняется теоретическая неопределенность в вопросе о пределах активной роли суда, которая, с одной стороны, необходима, а с другой — может вступать в противоречие с принципами состязательности и диспозитивности. Дополнительное значение имеет и фактор цифровизации: развитие электронного правосудия влияет на способы формирования доказательственной базы и требует пересмотра традиционных критериев оценки доказательств.

С учетом отраслевой специфики требует уточнения и само понятие доказывания. В административном процессе оно представляет собой регламентированную законом деятельность участников и суда, направленную на установление фактов, имеющих значение для разрешения дела. При этом в круг доказываемых обстоятельств входят не только факты, связанные с материальными правами и обязанностями, но и вопросы, касающиеся наличия полномочий у органа власти и соблюдения процедур их реализации.

Бремя доказывания в административном судопроизводстве имеет двойственную природу. С одной стороны, действует общее правило о том, что каждое лицо должно обосновать те обстоятельства, на которые оно ссылается. С другой стороны, законодатель устанавливает специальное исключение: обязанность подтвердить законность оспариваемых решений и действий возлагается на орган публичной власти. Такое распределение, по сути, формирует механизм «обратного» бремени доказывания, направленный на защиту более слабой стороны — гражданина.

Одной из ключевых тенденций развития является отказ от прямого переноса моделей доказывания из гражданского и арбитражного процессов в административную сферу [1, с. 176]. На практике все более отчетливо проявляется идея активного участия суда в сборе доказательств. В случаях, когда представленных сторонами материалов недостаточно, суд вправе самостоятельно истребовать необходимые сведения. Это существенно меняет традиционное представление о роли судьи и сближает отечественную модель с континентальной системой, где действует принцип официального установления обстоятельств дела.

Еще одним направлением развития является постепенная дифференциация стандартов доказывания. В зависимости от категории дела суды фактически применяют различные требования к степени подтвержденности обстоятельств. Это объясняется разнообразием публично-правовых споров и невозможностью использования единого универсального стандарта. Несмотря на отсутствие прямого закрепления таких различий в законе, они активно формируются в судебной практике.

Значительные изменения наблюдаются и в подходах к распределению бремени доказывания по отдельным категориям дел. В частности, по спорам, связанным с решениями органов власти, суды все чаще требуют от административных ответчиков обоснования не только формальной законности, но и фактической обоснованности, разумности и соразмерности принятых решений.

Вместе с тем усиление роли суда в процессе доказывания вызывает дискуссии относительно соблюдения принципа беспристрастности. С одной стороны, активность суда необходима для устранения объективного неравенства сторон, с другой — существует риск подмены им одной из сторон процесса. В этой связи в практике выработывается подход, согласно которому суд оказывает содействие в собирании доказательств лишь тогда, когда у участника отсутствует реальная возможность получить их самостоятельно [8, с. 32].

Цифровизация судопроизводства также оказывает существенное влияние на развитие института доказывания. Расширяется перечень допустимых доказательств, включая электронные документы, переписку и материалы из сети Интернет. Однако это порождает новые проблемы, связанные с оценкой достоверности таких сведений и отсутствием единых критериев их проверки.

Анализ судебной практики показывает, что одной из наиболее распространенных причин отмены судебных ре-

шений остается неправильное распределение бремени доказывания [6]. Нередко суды первой инстанции продолжают руководствоваться подходами, характерными для гражданского процесса, возлагая на заявителя обязанность доказывать незаконность действий органа власти. Преодоление данной тенденции является важной задачей развития административного судопроизводства.

Отдельного внимания заслуживает вопрос доказывания в приказном производстве. Упрощенный порядок рассмотрения дел снижает требования к объему проверяемых обстоятельств на первоначальной стадии [9]. Однако при поступлении возражений со стороны должника спор переходит в обычный процесс, где обязанность доказывания вновь возлагается на публичный орган в полном объеме. Таким образом, наблюдается своеобразная «пере-

распределяемость» доказательственной нагрузки в зависимости от стадии процесса.

В целом можно сделать вывод, что трансформация института доказывания в административном судопроизводстве носит комплексный характер. Она направлена на повышение эффективности защиты прав граждан в сфере публичных правоотношений и проявляется в усилении роли суда, гибкости стандартов доказывания, перераспределении доказательственной нагрузки в пользу заявителя и адаптации к условиям цифровой среды. Вместе с тем сохраняется проблема неоднородности судебной практики, что во многом связано с сочетанием в административном процессе различных правовых моделей. Это обуславливает необходимость дальнейшего развития законодательства и уточнения подходов на уровне высших судебных инстанций.

Литература:

1. Афанасьев, С. Ф., Баулин, О. В., Лукьянова, И. Н. [и др.]. Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс. Административное судопроизводство / под ред. М. А. Фокиной. — 2-е изд., перераб. и доп. — М: Статут, 2019. — 656 с.
2. Гражданский процесс: учебник / под ред. М. К. Треушникова. — 7-е изд. — М: Городец, 2021.
3. Данные судебной статистики по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений за 2022–2023 гг. [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. — URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 15.03.2024).
4. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (в ред. действующей на момент использования) // М: Эксмо, 2024. — 256 с.
5. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). — М: Проспект, 2023. — 64 с.
6. Муравьева, Д. А. Административное судопроизводство: вопросы теории и практики / Д. А. Муравьева // Образование. Наука. Научные кадры. — 2023. — № 4. — С. 40–46.
7. О применении судами норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2016 г. № 21 (ред. от 09.07.2020) // Российская газета. — 2016.
8. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2023): утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 15 ноября 2023 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2024. — № 2.
9. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению административных дел за 12 месяцев 2023 года: форма № 1-АП // Архив Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. — Москва, 2024.
10. Стахов, А. И. Характерные особенности доказывания по судебным административным делам в условиях состязательности участников разрешаемого дела / А. И. Стахов // Административное право и процесс. — 2023. — № 8. — С. 38–44.

Правовой режим имущества должника в период между наложением ареста и прекращением права собственности: проблемы реализации и защиты прав сторон

Иванов Максим Дмитриевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Онищенко Ирина Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Западный институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Вологда)

Настоящая статья посвящена комплексному исследованию правового режима имущества должника, на которое наложен арест, а также анализу проблем, возникающих на этапе возникновения данной меры принудительного исполнения и окончательным прекращением права собственности должника. В статье рассматриваются как теоретические ас-

пекты, так и практические трудности, связанные с реализацией арестованного имущества, а также защиты прав всех заинтересованных сторон.

Ключевые слова: обеспечительные меры, арестованное имущество, ограничение распоряжения, исполнение судебных актов, права должника, защита прав кредиторов, правовой пробел.

Институт ареста имущества должника традиционно изучается в доктрине гражданского и исполнительного права как эффективная обеспечительная мера, направленная на сохранность имущества и гарантию интересов кредитора [13].

Правовая регламентация последствий наложения ареста в некоторых аспектах не учитывает сложный и противоречивый характер отношений, возникающих в период с момента введения ограничений до момента прекращения права собственности на имущество.

Данный временной промежуток образует особый правовой режим, который действующим законодательством не выделен в качестве самостоятельного правового института, а его содержание раскрывается из совокупности норм материального и процессуального права.

Правовая природа и содержание ограничений, налагаемых арестом, образуют на практике правовую группу проблем, связанных с неопределенностью объема правомочий должников.

1) Проблема неопределенности правомочий должника в период ареста имущества.

Законодатель не дает однозначного ответа об объеме правомочий собственника в отношении арестованного имущества. В статье 209 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) закрепляется основной перечень его правомочий, таких как владение, пользование и распоряжение, однако арест, налагаемый в рамках статьи 80 Федерального закона «Об исполнительном производстве», чаще всего влечет запрет на распоряжение, а также пользование имуществом.

Таким образом, правовой режим арестованного имущества характеризуется существенной неопределенностью объема правомочий должника. Отсутствие в законодательстве четких критериев, позволяющих разграничить допустимые действия собственника, от действий, нарушающих запрет распоряжения, порождает к произвольному толкованию ограничений со стороны судебных приставов.

Как следствие, должник лишается возможности эффективно управлять своим имуществом в течение длительного периода между арестом и реализацией арестованного имущества, что не только нарушает законные интересы кредитора, но и приводит к ухудшению состояния имущества и снижению его ликвидности, что в дальнейшем негативно отражается на интересах взыскателя.

2) Проблема бремени содержания арестованного имущества.

Данный факт приобретает значение в связи с определением того, кто несет расходы на содержание имущества в период между арестом и реализацией. Законодательство

исходит из того, что согласно статье 210 ГК РФ бремя содержания имущества несет его собственник [1].

Также в Письме ФНС России от 25.10.2019 № БС-4-21/21862@, разъясняется, что если арестованное имущество реализовано на торгах, то обязанность по уплате налога на имущество, в частности транспортного налога, переходит к новому собственнику с момента реализации, а не с момента снятия с регистрационного учета [4].

Однако это правило действует лишь после состоявшейся реализации. В промежуточный период, когда на имущество наложен арест, но оно еще не продано, должник продолжает нести бремя его содержания, к которому можно отнести коммунальные платежи, налоги, охрану, даже если фактически он им не может пользоваться.

3) Проблема риска утраты арестованного имущества.

Верховный Суд Российской Федерации в определении от 12.12.2014 № 309-ЭС14-2903 указал, что в случае утраты имущества после его ареста и изъятия судебным приставом-исполнителем взыскатель вправе требовать возмещения ущерба за счет средств Российской Федерации. При этом взыскатель не обязан доказывать вину судебного пристава — достаточно самого факта утраты [7].

Вместе с тем на практике это создает дополнительную нагрузку на судебную систему и не всегда позволяет оперативно восстановить права сторон.

Это обусловлено тем, что взыскатель, утративший арестованное имущество, вынужден инициировать отдельное судебное разбирательство о возмещении ущерба за счет средств Российской Федерации. При этом вина судебного пристава-исполнителя не подлежит доказыванию, предметом такого разбирательства становится не установление противоправности действий, а лишь подтверждение самого факта утраты имущества и определения размера убытков. Это приводит к увеличению судебных дел, но не приводит к возврату конкретного имущества, заменяя его денежной компенсацией, что увеличивает сроки фактического восстановления нарушенных прав взыскателя.

4) Проблема длительного срока между арестом и реализацией имущества.

В статье 87 Федерального закона «Об исполнительном производстве» устанавливается, что реализация арестованного имущества должна осуществляться в срок, не превышающий двух месяцев со дня передачи имущества на реализацию. При этом если имущество не реализовано в течение одного месяца, цена снижается на 15 %, а через месяц имущество предлагается взыскателю [2].

В Постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 19.11.2014 по делу № А-27-2016/2014

указано, что если Росимущество или привлеченная им специализированная организация не обеспечивает сохранность принятого на реализацию арестованного имущества, его утрата влечет обязанность по возмещению убытков на основании статей 15–16 ГК РФ, а также данное правовое основание отражено в статье 1069 ГК РФ.

Суд отметил, что факт передачи имущества специализированной организации не снимает с Росимущества обязанности по контролю за его сохранностью и своевременной реализацией [6].

Судебная практика также демонстрирует, что длительное нахождение имущества в статусе «переданного на реализацию» создает основания для его отзыва судебным приставом. Так, в решении Арбитражного суда Республики Хакасия от 26.05.2025 по делу № А74–2090/2025 суд признал законным отзыв имущества с реализации, поскольку истекли сроки его реализации, а признанные недействительными торги повлекли за собой отсутствие необходимости в процедуре реализации имущества [8].

Суд указал, что в силу пункта 4.3 Соглашения от 30.04.2015 № 0001/13/01–12/65 «О взаимодействии Федеральной службы судебных приставов и Федерального агентства по управлению государственным имуществом по вопросам организации продажи имущества, арестованного во исполнение судебных решений или актов органов, которым предоставлено право принимать решения об обращении взыскания на имущество» при истечении сроков реализации либо наступлении иных оснований, в том числе вступлении в законную силу судебного акта о недействительности торгов, судебный пристав обязан отозвать имущество с реализации.

Следовательно, отзыв имущества в данном случае является не обоснованным действием судебного пристава, а его обязанностью, что подтверждает законность оспариваемого решения и демонстрирует на вынужденный характер прекращения процедуры реализации имущества [5].

Таким образом, длительность процедуры реализации не только влечет утрату ликвидности имущества, но и создает риск его утраты, а также необходимость отзыва имущества с реализации и повторного проведения процедур, что затягивает исполнение судебного акта и нарушает баланс интересов сторон. Кроме того, длительный арест блокирует хозяйственную деятельность должника, что создает трудности для предприятий.

5) Проблема коллизии уголовного ареста и процедуры банкротства.

Одной из наиболее сложных проблем является соотношение арестов, наложенных в рамках уголовного судопроизводства и процедуры банкротства. С одной стороны, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации позволяет налагать арест на имущество для обеспечения гражданского иска или конфискации [14].

С другой стороны, в статьях 126 и 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» предусматривается, что все имущество должника включается

в конкурсную массу и реализуется в рамках дела о банкротстве [3].

До недавнего времени в судебной практике превалировал подход, исключающий возможность реализации имущества должника на торгах в деле о банкротстве, если на него наложен арест в порядке уголовно-процессуального законодательства. Следователи отказывались снимать аресты, а суды общей юрисдикции не вмешивались в уголовный процесс [9].

Ситуация изменилась после принятия Определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда от 24.10.2024 № 302-ЭС23–10298(2), в котором указано, что имущество осужденного должника, на которое наложен арест в обеспечение требований потерпевших, подлежит включению в конкурсную массу и реализации арбитражным управляющим.

Требования потерпевших удовлетворяются в порядке, установленном Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» [10].

6) Проблема защиты прав добросовестных приобретателей.

Правовая неопределенность возникает в ситуации, когда должник после наложения ареста, до наложения ареста, до официального уведомления совершает сделку по отчуждению имущества с лицом, не знавшим об установленном ограничении.

Суды принимают позицию, что сделки с арестованным имуществом являются ничтожными, если они нарушают установленный запрет. Однако защита добросовестного приобретателя, который не имел доступа к реестру ограничений или не был уведомлен надлежащим образом, остается проблематичной.

Например, в решении Приволжского районного суда г. Казани от 08.06.2021 по делу № 2а-1928/2021 суд признал незаконным бездействие судебного пристава-исполнителя, выразившееся в ненаправлении должнику копии постановления о возбуждении исполнительного производства и копии постановления о наложении ареста.

Суд указал, что судебный пристав-исполнитель не имел права применять меры принудительного исполнения, поскольку должник был лишен возможности добровольно погасить задолженность. Также было признано незаконным направление акта о наложении ареста с нарушением срока, установленного частью 7 статьи 80 Федерального закона «Об исполнительном производстве» [11].

Однако признание бездействия пристава незаконным не всегда влечет признание сделки с арестованным имуществом действительной. Возникает конфликт между динамикой гражданского оборота и статикой исполнительного производства, который требует дополнительного нормативного урегулирования, поскольку даже при допущенных приставом нарушениях интересы добросовестного приобретателя часто остаются без защиты, если арест был официально зарегистрирован.

7) Проблема снятия ареста и восстановления прав должника.

В случае если основания для ареста прекратились, например, в связи с отменой обеспечительных мер, заключением мирового соглашения или прекращением исполнительного производства, снятие ареста на практике часто затягивается.

Согласно Соглашению ФССП и Росимущества от 30.04.2015 № 0001/13/01–12/65 судебный пристав обязан вынести постановление об отзыве арестованного имущества с реализации и направить его в Росимущество, которое в течение трех рабочих дней обязано вернуть имущество [5].

Однако на практике информация о снятии ареста не всегда оперативно вносится в реестры, что ограничивает хозяйственную деятельность должника в течение длительного времени.

Кроме того, вопрос о моменте прекращения права собственности должника при реализации арестованного имущества также не всегда решается однозначно.

Как разъяснил Верховный Суд Российской Федерации, обращение взыскания на имущество является основанием для прекращения права собственности, однако обязанности по уплате налогов у прежнего собственника прекращаются только с момента фактической реализации [12].

Проведенное комплексное исследование правового режима имущества должника в период между наложением ареста и прекращением права собственности позволяет сделать вывод, что действующее законодательство Российской Федерации не содержит целостной, непротиворечивой и системной модели регулирования отношений, складывающихся на данном промежуточном этапе.

Образование особого самостоятельного правового режима законодательно не определено, а его содержание раскрывается через разрозненные нормы процессуального и материального права, что порождает множественные коллизии и правовые пробелы. Создается повышенная правовая неопределенность для всех участников исполнительного производства — должника, взыскателя, судебных приставов, специализированных организаций, добросовестных приобретателей и публичных образований.

Особое внимание приобретает коллизия уголовно-процессуального ареста и процедуры банкротства, разрешенная Верховным Судом Российской Федерации, однако требующая системного нормативного закрепления.

Не менее значимой является проблема защиты прав добросовестных приобретателей, которые, не зная о наложенном аресте, не могут полагаться на совершение сделки, что вступает в противоречие с принципами гражданского оборота.

Кроме того, процедура снятия ареста после прекращения его оснований занимает много времени, а вопрос прекращения права собственности и налоговые обязательства должника не всегда разрешаются однозначно, что создает риски для всех участников исполнительного производства.

Устранение выявленных противоречий требует комплексного подхода, направленного на урегулирование коллизионных аспектов процедуры взыскания задолженности.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2007. — № 41. — Ст. 4849.
3. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 43. — Ст. 4190.
4. Письмо ФНС России от 25.10.2019 № БС-4–21/21862@ «Об исчислении транспортного налога в случае уничтожения транспортного средства или реализации арестованного транспортного средства в рамках исполнительного производства до снятия его с регистрационного учета предыдущим владельцем». — Текст: электронный. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72810908/> (дата обращения: 09.09.2026).
5. Соглашение от 30.04.2015 № 0001/13/01–12/65 «О взаимодействии Федеральной службы судебных приставов и Федерального агентства по управлению государственным имуществом по вопросам организации продажи имущества, арестованного во исполнение судебных решений или актов органов, которым предоставлено право принимать решения об обращении взыскания на имущество при истечении сроков реализации либо наступлении иных оснований, в том числе вступление в силу судебного акта о недействительности торгов, судебный пристав обязан отозвать имущество с реализации». — Текст: электронный. — URL: <https://sudact.ru/law/soglashenie-fssp-rossii-n-000113-rosimushchestva-n/> (дата обращения: 09.09.2026).
6. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 19.11.2014 по делу № А-27–2016/2014. — Текст: электронный. — URL: <https://www.law.ru/article/28248-arest-imushchestva-doljnika> (дата обращения: 09.09.2026).
7. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 12.12.2014 № 309-ЭС14–2903. — Текст: электронный. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70721218/> (дата обращения: 09.09.2026).
8. Решение Арбитражного суда Республики Хакасия от 26.05.2025 по делу № А74–2090/2025. — Текст: электронный. — URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/F1EFQKiNVUYU/#4> (дата обращения: 08.09.2026).

9. Верховный суд определил судьбу арестованных активов в банкротстве // Право.ру: [сайт]. — Текст: электронный. — URL: <https://pravo.ru/story/261074/#1> (дата обращения: 10.09.2026).
10. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 24.10.2024 № 302-ЭС23-10298(2) по делу № А33-8660/2021. — Текст: электронный. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/410517384/> (дата обращения: 10.09.2026).
11. Решение Приволжского районного суда г. Казани от 08.06.2021 по делу № 2а-1928/2021. — Текст: электронный. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/HYFhRzGvb2Jn/#3> (дата обращения: 10.09.2026).
12. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 12.07.2017). — Текст: электронный. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71617296/> (дата обращения: 10.09.2026).
13. Арест имущества должника // Катион-право: [сайт]. — Текст: электронный. — URL: <https://www.law.ru/article/28248-arest-imushchestva-doljnika> (дата обращения: 09.09.2026).
14. Конституционный суд уточнит судьбу арестованного имущества в банкротстве // RUSBANKROT: [сайт]. — Текст: электронный. — URL: <https://rusbankrot.ru/legislative-news/konstitutsionnyy-sud-utochnit-sudbu-arestovanogo-imushchestva-v-bankrotstve/> (дата обращения: 10.09.2026).

История становления и развития принципа добросовестности в российском гражданском праве

Ивашина Мария Евгеньевна, студент магистратуры

Северо-Западный институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Вологда)

В статье автор рассматривает историю становления и развития принципа добросовестности в российском гражданском праве. Автор анализирует основные этапы формирования данной правовой категории: дореволюционный период, советский этап и современный период развития гражданского законодательства.

Ключевые слова: принцип добросовестности, эволюция принципа добросовестности, реформа гражданского законодательства.

Принцип добросовестности в современном российском гражданском праве занимает центральное место в механизме правового регулирования частно-правовых отношений. В последние годы значение данного принципа существенно возросло, что обусловлено как реформированием гражданского законодательства, так и активным развитием судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. Добросовестность перестала рассматриваться как абстрактная нравственная категория, она превратилась в полноценный юридический инструмент, оказывающий непосредственное влияние на возникновение, осуществление, защиту и прекращение гражданских прав.

Вместе с тем современное понимание принципа добросовестности сформировалось не одномоментно. Его становление прошло длительный исторический путь, включающий дореволюционный этап, советский период и современный этап развития российского гражданского права.

В дореволюционной России принцип добросовестности не был закреплен в виде самостоятельного общего начала гражданского законодательства, однако отдельные его проявления присутствовали как в законодательстве, так и в правовой доктрине. Цивилисты отмечали, что осу-

ществление гражданских прав должно соответствовать их социальному назначению и не может использоваться исключительно во вред другим лицам [1]. И. А. Покровский рассматривал добросовестность как необходимое условие существования устойчивого гражданского оборота, основанного на взаимном доверии участников [2].

Существенное значение для реализации принципа добросовестности имел Свод законов Российской Империи, принятый во 2-й половине XIX века благодаря масштабным реформам Александра II [3]. В указанном документе понятие добросовестности частично раскрыто в статье 1539. Эта статья описывает принцип добросовестности при толковании договоров. Суть её в том, что, если текст договора неясен или двусмысленен, его нужно интерпретировать так, чтобы он соответствовал «действительному намерению сторон, руководствуясь принципами доброй совести и разумности». Задача данной статьи — выяснить истинное намерение сторон и обеспечить справедливое исполнение договора. Также в статье 86 упоминается принцип добросовестности: «Сделки должны быть изъясняемы по точному их смыслу, по доброй совести и намерению лиц, их совершающих».

Несмотря на отсутствие прямого нормативного закрепления рассматриваемого принципа, законодатель

устанавливает в Своде законов Российской Империи конструкции, основанные на необходимости честного и разумного поведения участников гражданских отношений. В частности, устанавливает институт добросовестного владения, предполагающий защиту лица, которое не знало и не должно было знать о незаконности приобретения имущества. Данные положения закона заложили основы для последующего развития принципа добросовестности.

Однако в дореволюционный период отсутствовала общая норма о добросовестности, что не позволяло сформировать единообразный механизм применения данной категории. Добросовестность преимущественно рассматривалась как морально-этическое требование, а не как самостоятельный принцип права. Тем самым, можно резюмировать, что в дореволюционный период в отечественном гражданском праве добросовестность как правовой принцип находилась в зачаточном состоянии.

После Октябрьской революции 1917 года развитие гражданского права в России происходило в условиях существенного изменения социально-экономического строя. Советская правовая система исходила из приоритета публичных интересов, большинство имущественных отношений находилось под жестким государственным контролем, а институт частной собственности имел ограниченное значение. Как отмечает М. В. Саудаханов, в условиях плановой экономики и государственной монополии на средства производства категория добросовестности теряла свое классическое значение [4]. С приходом советской власти начался период затишья в развитии принципа добросовестности вследствие относительно слабого развития частного имущественного оборота.

Однако в советский период категория добросовестности не была полностью исключена из гражданско-правового регулирования. Гражданский кодекс РСФСР 1922 года содержал отдельные положения, ориентированные на защиту добросовестного участника гражданского оборота. Однако добросовестность не рассматривалась как универсальный принцип частного права.

Более выраженное развитие соответствующий принцип получил в ГК РСФСР 1964 года. Так, статья 5 указанного закона предусматривала, что гражданские права охраняются законом, за исключением случаев, когда они осуществляются в противоречии с их назначением в социалистическом обществе в период строительства коммунизма [5]. Данная статья регламентирует один из видов злоупотребления правом, гражданское правонарушение, которое по объективной стороне его состава характеризуется осуществлением гражданских прав в противоречии с их назначением в социалистическом обществе. Фактически данная норма стала образцом для современного запрета злоупотребления правом.

Таким образом, советская доктрина традиционно рассматривала добросовестность преимущественно через призму добросовестного исполнения обязанностей и ответственности поведения участников интересам государства

и общества. При этом сама категория добросовестности носила скорее вспомогательный характер.

Тем не менее именно в этот период были заложены предпосылки для последующего развития идеи добросовестности как механизма ограничения формального осуществления субъективных прав.

Современный этап развития принципа добросовестности связан с принятием части первой Гражданского кодекса Российской Федерации в 1994 году.

Так, статья 10 ГК РФ закрепила запрет злоупотребления правом, а также недопустимость осуществления гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу. Кроме того, законодатель использовал категорию добросовестности применительно к защите добросовестного приобретателя, приобретательной давности, представительству и ряду иных институтов.

Однако длительное время принцип добросовестности не имел статуса самостоятельного основного начала гражданского законодательства. Ситуация кардинально изменилась в ходе реформы гражданского законодательства 2012–2013 годов.

Федеральным законом от 30 декабря 2012 года № 302-ФЗ в статье 1 ГК РФ было прямо закреплено положение о том, что при установлении, осуществлении и защите гражданских прав, а также при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. Одновременно законодатель установил запрет на извлечение преимуществ из незаконного или недобросовестного поведения.

Указанные изменения стали одним из наиболее значимых этапов развития российского гражданского права. Добросовестность стала окончательно признана универсальным принципом гражданско-правового регулирования, распространяющим свое действие практически на все институты частного права, она превратилась из вспомогательной категории в самостоятельный критерий оценки поведения субъектов гражданских правоотношений.

Особую роль в развитии принципа добросовестности сыграла судебная практика. Важнейшее значение имеет Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [6]. Верховный Суд указал, что оценка добросовестности поведения участников гражданских правоотношений осуществляется исходя из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны и содействующего ей в получении необходимой информации.

Фактически Верховный Суд РФ сформировал объективный стандарт добросовестного поведения, существенно расширив возможности применения данной категории в судебной практике.

Таким образом, принцип добросовестности прошел длительный и непростой путь развития в российском гра-

жданском праве. Возникнув как преимущественно нравственная категория, он постепенно трансформировался в один из фундаментальных принципов современного частного права.

На различных исторических этапах содержание и значение добросовестности изменялись в зависимости от

особенностей социально-экономического устройства государства и уровня развития гражданского оборота. Однако именно современный этап характеризуется превращением добросовестности в универсальный правовой механизм, оказывающий влияние практически на все сферы гражданско-правового регулирования.

Литература:

1. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права в 2 т. Том 1. Общая часть/ Г. Ф. Шершеневич. — Москва: Издательство Юрайт, 2025.— 148 с.
2. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права / И. А. Покровский. — 8-е изд. — Москва: Статут, 2020. — 351 с.
3. Свод законов Российской империи. Том десятый. Часть I. Законы гражданские. 1857. — 304 с.
4. Саудаханов М. В. Эволюция права частной собственности: сравнительное исследование // Вестник экономической безопасности. 2021. № 4. С. 51–54.
5. Гражданский кодекс РСФСР: утв. Верховным Советом РСФСР 11 июня 1964 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964. № 24.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Пляжи как объект федерального государственного контроля (надзора) за безопасностью людей на водных объектах

Кашкарова Ольга Сергеевна, студент магистратуры

Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Екатеринбург)

В статье проводится сравнительно-правовой анализ требований к пляжам, содержащихся в федеральном законодательстве. Ключевыми федеральными законами в этой сфере являются: от 3 февраля 2025 г. № 4-ФЗ «О безопасности людей на водных объектах» [4] (далее — Закон № 4-ФЗ) и Федеральный закон от 24 ноября 1996 года № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» [5] (далее — Закон № 132-ФЗ). Оба закона содержат требования к пляжам, однако регулируют их с принципиально разных позиций — Закон № 4-ФЗ — с точки зрения безопасности жизни и здоровья отдыхающих, Закон № 132-ФЗ — с точки зрения классификации объектов туристской индустрии. Именно этот дуализм порождает ряд системных противоречий, требующих доктринального осмысления и законодательного разрешения.

Ключевые слова: федеральный государственный контроль надзор за безопасностью людей на водных объектах, обязательные требования, пляжи правовое регулирование.

Beaches as an object of federal state control (supervision) over the safety of people on water bodies

Kashkarova Olga Sergeevna, master's degree student

Ural Institute of Management — a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation (Ekaterinburg)

The article conducts a comparative legal analysis of the requirements for beaches contained in federal legislation. Legal regulation of the use of beaches in the Russian Federation is carried out at the junction of several branches of legislation: water, sanitary and epidemiological, tourist and legislation on the safety of people on water bodies. Key federal laws in this area are: dated February 3, 2025 No. 4-FZ «On the safety of people on water bodies» (hereinafter — Law No. 4-ФЗ), which entered into force on September 1, 2025 and Federal Law No. 132-FZ dated November 24, 1996 «On the basics of tourist activities in the Russian Federation» (as amended by 04.07.2026) (hereinafter — Law No. 132-ФЗ). Both laws contain requirements for beaches, but regulate them from fundamentally different positions: Law No. 4-FZ — from the point of view of the safety of life and health of vacationers, Law No. 132-FZ — from the

point of view of the classification of objects of the tourism industry. It is this dualism that generates a number of systemic contradictions that require doctrinal understanding and legislative resolution.

Keywords: *federal state control supervision over the safety of people on water bodies, mandatory requirements, beaches legal regulation.*

По данным МЧС России в 2025 году на водных объектах зарегистрировано 3135 происшествий, в результате которых погибло 2491 человек, травмировано 5408 человек, спасено 2044 человека [6].

Основными причинами гибели людей на водных объектах являются:

- купание в необорудованных местах;
- нахождение в состоянии алкогольного опьянения;
- отсутствие контроля за детьми со стороны родителей [7].

Указанные причины гибели людей на водных объектах указывают на главные проблемы в области безопасности людей на водных объектах и позволяют сформулировать детерминирующие факторы — дефицит пляжей, специально оборудованных для купания, люди используют необорудованные места, поскольку альтернатива отсутствует и пренебрежение правилами безопасности (купание в состоянии алкогольного опьянения).

В 2025 году на учете в Государственной инспекции по маломерным судам МЧС России состояло 3309 пляжей, специально оборудованных для купания [6].

Проблемы в области обустройства береговых линий и пляжей, недостатки профилактической (предупредительной) работы с населением, нарушения правил пользования маломерными судами, согласно Стратегии в области развития гражданской обороны, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, обеспечения пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах на период до 2030 года, утвержденной указом Президента Российской Федерации от 16 октября 2019 г. № 501 (далее — Стратегия), создают угрозу безопасности людей на водных объектах [8].

В качестве прогнозно-плановых значений индикаторов (показателей) рассматриваются в области обеспечения безопасности людей на водных объектах:

- снижение количества происшествий на водных объектах не менее чем на 20 процентов по сравнению с показателем 2019 года;
- снижение числа погибших на водных объектах не менее чем на 18 процентов по сравнению с показателем 2019 года.

При этом одной из задач Стратегии в области развития обеспечения безопасности людей на водных объектах является формирование эффективного механизма оценки применения законодательства Российской Федерации и реализации документов стратегического планирования, поддержка и стимулирование фундаментальных и прикладных научных исследований в области безопасности людей на водных объектах.

Сформулированный в Стратегии императив научного сопровождения и оценки применения законода-

тельства приобретает особую актуальность применительно к правовому режиму пляжей — сферы, где, как было описано выше, наблюдается устойчивая корреляция между недостатком оборудованных мест отдыха и гибелью людей на воде. Дальнейшее исследование требует обращения к первоисточникам — нормативным положениям, непосредственно устанавливающим требования к пляжам.

Статьей 12 Закона № 4-ФЗ определены обязательные требования безопасности людей на водных объектах при использовании пляжей, такие как водолазное обследование и очистка дна, требования к оборудованию и содержанию пляжа, в том числе зоны купания детей и лиц, не умеющих плавать, глубиной не более 1,2 метра, информирование посетителей пляжа.

Таким образом, Закон № 4-ФЗ формирует минимальный императивный стандарт безопасности, обязательный для всех пляжей независимо от их категории, ведомственной принадлежности или туристской ценности.

Закон № 132-ФЗ регулирует пляжи через механизм классификации объектов туристской индустрии. Согласно статье 5, классификация пляжей проводится аккредитованными организациями в соответствии с Правилами классификации, утвержденными уполномоченным федеральным органом исполнительной власти. Качество таких особенностей можно выделить требования о соответствии водного объекта санитарным правилам и условиям безопасного для здоровья населения использования водного объекта для купания, классификация действует три года с даты включения сведений в реестр, установлены основания для отказа и приостановления классификации, ведение единого реестра объектов классификации в сфере туристской индустрии.

В Правилах классификации горнолыжных трасс и пляжей, утвержденных Приказом Минэкономразвития России от 09 января 2024 года № 9 (далее — Правила классификации пляжей) детализированы требования к категориям пляжей, которые состоят из 5 разделов.

При этом ряд из них содержит требования для обеспечения безопасности людей на водных объектах, например:

1. В разделе требований по обеспечению безопасности пляжей указаны следующие критерии:

- наличие пункта медицинской помощи;
- наличие легкодоступных стоек (щитов) с навешенными на них спасательными кругами и «спасательными концами Александра» — средствами для оказания помощи утопающим на береговой части пляжа не далее 5 метров от воды через каждые 50 метров;
- наличие спасательных постов (станций);
- наличие средств связи с медицинскими, спасательными, надзорными и правоохранительными органами;

– наличие санитарно-эпидемиологического заключения уполномоченного федерального органа исполнительной власти в сфере государственного санитарно-эпидемиологического надзора о соответствии водного объекта санитарным правилам и условиям безопасного для здоровья населения использования водного объекта для купания.

2. Раздел требования по информированию посетителей.

3. В прочих требованиях:

- перед началом купального сезона — очистка дна акватории пляжей от стекла, острых камней и других опасных предметов;
- оборудование участков акватории для купания детей и для лиц, не умеющих плавать, с глубинами не более 1,3 м;
- обозначение участков для купания линией поплавков, закрепленных на тросах или другим доступным способом;
- наличие стендов с материалами по профилактике несчастных случаев на воде и стендов с указанием температуры воды и воздуха.

Таким образом, хотя требования ст. 12 Закона № 4-ФЗ и подзаконного акта, принятого на основании Закона № 132-ФЗ — Правил классификации пляжей относятся к разным, при этом пересекающимся, предметам ведения, вместе с тем, в целях обеспечения безопасности людей на водных объектах требования по безопасности должны быть едины и согласованы. Императивными в области безопасности людей на водных объектах являются требования, установленные Законом № 4-ФЗ, а также должны ими стать (после принятия) требования безопасности людей на водных объектах, утвержденные федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики, нормативно-правовому регулированию, а также по надзору и контролю в области обеспечения безопасности людей на водных объектах — МЧС России.

Кроме того, пляж одновременно выступает объектом в сфере обеспечения безопасности людей на водных объектах (предмет Закона № 4-ФЗ), объектом туристской индустрии (предмет Закона № 132-ФЗ), водным объектом и земельным участком (предмет Водного и Земельного кодексов). При этом на уровне федерального законодательства понятие — пляж не закреплено. Вместе с тем, в Правилах классификации пляжей, указано, что классификация пляжей осуществляется в отношении пляжей, соответствующих пункту 46 национального стандарта Российской Федерации ГОСТ Р 57617–2017 «Объекты отдыха, развлечения, культуры и спорта на открытой водной поверхности и их инфраструктура. Термины и определения», утвержденного и введенного в действие приказом Росстандарта от 17 августа 2017 г. N 913-ст. Согласно, которого пляж — участок побережья естественного или искусственного водоема с прибрежными водами (акваторией), оборудованных и пригодный для организованного отдыха, купания и приема оздоровительных и профилактических процедур.

Решение выявленных проблем требует комплексных изменений в Водный кодекс РФ, Закон № 4-ФЗ и Закон

№ 132-ФЗ, направленных на формирование единого правового режима пляжа как объекта, одновременно обеспечивающего безопасность людей, санитарно-эпидемиологическое благополучие и доступность для всех категорий отдыхающих.

Наличие системных дефектов в Законе № 4-ФЗ были выявлены еще на стадии принятия законопроекта Винокуровым В. А. и Сташковым Р. С. в статье «Критический анализ отдельных норм Федерального закона «О безопасности людей на водных объектах» [2]. Цель их работы была обратить внимание должностных лиц, причастных к подготовке проектов федеральных законов, на выявленные правовые и организационные проблемы. Которые так и остались во вступившем в силу Законе № 4-ФЗ.

Одной из работ, предшествовавшей принятию Закона № 4-ФЗ, является статья В. А. Зокоева и К. М. Иванова «О совершенствовании правового регулирования безопасности людей на водных объектах в Российской Федерации» [3]. Авторы анализируют действовавшее на тот момент законодательство, выявляют правовые пробелы в регулировании безопасности и обосновывают необходимость единообразного применения терминов при правовом регулировании вопросов безопасности людей на водных объектах. Именно этот вывод непосредственно предвосхищает проблему отсутствия легального определения понятия «пляж», выявленную в настоящем анализе.

Е. Н. Абанина в статье «Правовое регулирование обеспечения безопасности жизни людей на водных объектах в субъектах Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ» [1] проводит анализ регионального законодательства Приволжского федерального округа и прямо указывает, что оно «характеризуется наличием пробелов, противоречий и иных дефектов». Автор особо отмечает, что «в связи с отсутствием единого понимания пляжа на федеральном уровне отсутствует единый подход и в региональных правилах», и приводит примеры различных определений: в Пермском крае и Ульяновской области пляж понимается как «участок побережья с прилегающей акваторией», в других регионах — как «участок береговой линии». Е. Н. Абанина обосновывает необходимость дополнения статьи 50 Водного кодекса РФ определением понятия пляжа, учитывающим «особенности двойного статуса объекта».

Для реализации государственной политики в области обеспечения безопасности людей на водных объектах, установления единого подхода и синхронизации требований по обеспечению безопасности людей на водных объектах и классификационных категорий пляжей необходимо:

1. МЧС России реализовать свои полномочия в соответствии с подпунктом «е» пункта 4 части 2 статьи 4 Закона № 4-ФЗ и утвердить требования безопасности людей на водных объектах.

2. Минэкономразвития России привести в соответствие с требованиями по обеспечению безопасности людей на водных объектах Правила классификации пляжей и устранить противоречия, а именно:

2.1. Дополнить подпункт «г» пункта 4 словами «информацией об учете пляжа, как объекта государственного надзора Государственной инспекцией по маломерным судам МЧС России» [9].

2.2. Требования к категориям пляжей:

- дополнить наличием акта водолазного обследования дна;
- заменить параметры глубины участков акватории для купания детей и для лиц, не умеющих плавать не более 1,2 м.

3. На уровне федерального законодательства, ввести единое понятие — пляж.

4. Абзац 5 части 13 статьи 5 Закона № 132-ФЗ после слов «купания» дополнить словами «либо мотивированного представления должностного лица федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на осуществление федерального государственного контроля (надзора) в области безопасности людей на водных объектах».

Литература:

1. Абанина Е. Н. Правовое регулирование обеспечения безопасности жизни людей на водных объектах в субъектах Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ / Е. Н. Абанина. — DOI 10.33184/pravgos-2024.4.1 // Правовое государство: теория и практика. — 2024. — № 4. — С. 7–13.
2. Винокуров В. А., Сташков Р. С. Критический анализ отдельных норм Федерального закона «О безопасности людей на водных объектах» / В. А. Винокуров, Р. С. Сташков // Транспортное право и безопасность. 2025. N 1 (53). С. 18–25.
3. Зокоев В. А., Иванов К.М «О совершенствовании правового регулирования безопасности людей на водных объектах в Российской Федерации» // Ленинградский юридический журнал, 2021, № 2(64). С. 130–142 DOI: 10.35231/18136230_2021_2_130.
4. Федеральный закон от 03.02.2025 № 4-ФЗ «О безопасности людей на водных объектах» // [Электронный ресурс] – https://rg.ru/documents/2025/02/05/fz4.html?ysclid=mu12v61599157149&utm_referrer=https%3A%2F%2Fya.ru%2F (дата обращения: 14.09.2026).
5. Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» // [Электронный ресурс] – https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462/?ysclid=mu8j5e1m39901984268 (дата обращения: 14.09.2026).
6. Государственный доклад о состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2025 году // [Электронный ресурс] —<https://mchs.gov.ru/dokumenty/8309?ysclid=mu8j72qkqe502779149> (дата обращения: 14.09.2026).
7. Распоряжение МЧС России от 29.12.2025 N 1163 «Об утверждении Программы профилактики рисков причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям по федеральному государственному контролю (надзору) за безопасностью людей на водных объектах на 2026 год» // [Электронный ресурс] – <https://44.mchs.gov.ru/glavnoe-upravlenie/sily-i-sredstva/gosudarstvennaya-inspekciya-po-malomernym-sudam/normativno-pravovye-akty/rasporyazhenie-mchs-rossii-ot-29-12-2025-n-1163-ob-utverzhdenii-programmy-profilaktiki-riskov-prichineniya-vreda-ushcherba-ohranyaemym-zakonom-cennostyam-po-federalnomu-gosudarstvennomu-kontrolyu-nadzoru-za-bezopasnostyu-lyudey-na-vodnyh-obektah-na-2026-god?ysclid=mu8jau9i34870687759> (дата обращения: 14.09.2026).
8. Указ Президента РФ от 16 октября 2019 г. № 501 «О Стратегии в области развития гражданской обороны, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, обеспечения пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах на период до 2030 года» // [Электронный ресурс] – <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72771784/?ysclid=mu8ksnkmrd289724943> (дата обращения: 14.09.2026).
9. Постановление Правительства Российской Федерации от 01.07.2025 г. № 991 «Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) за безопасностью людей на водных объектах» // [Электронный ресурс] – <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202507030020?ysclid=mu9fld2pb7963068317> (дата обращения: 14.09.2026).

Медиация в системе примирительных процедур

Костин Дмитрий Михайлович, студент магистратуры

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Санкт-Петербург)

Статья посвящена определению места медиации в системе примирительных процедур, закрепленных в российском праве.

Ключевые слова: медиация, примирительные процедуры, урегулирование спора, посредничество, судебное примирение, медиатор, медиативное соглашение, гражданский процесс.

Mediation in the system of conciliation procedures

The article is devoted to determining the place of mediation within the system of conciliation procedures established under Russian law.

Keywords: *mediation, conciliation procedures, dispute settlement, intermediary procedure, judicial conciliation, mediator, mediated settlement agreement, civil procedure.*

Развитие современного процессуального законодательства Российской Федерации свидетельствует о последовательном расширении правовых средств, направленных на урегулирование спора без вынесения судебного решения по существу. Такая тенденция отражает изменение представлений о назначении правосудия: при сохранении его основной функции по защите нарушенных или оспариваемых прав все более значимым становится содействие достижению правового мира между участниками конфликта. Именно в этом контексте особую актуальность приобретает исследование медиации как элемента системы примирительных процедур.

Законодательное закрепление примирительных процедур в процессуальном законодательстве позволяет рассматривать их в качестве самостоятельной группы правовых средств, объединенных общей целью — прекращением конфликта на основе согласованного волеизъявления сторон. При этом в доктрине и правоприменительной практике по-прежнему сохраняется дискуссионность относительно содержания понятия примирительных процедур, критериев их классификации и места медиации в данной системе. Указанное обстоятельство придает рассматриваемой проблематике не только прикладное, но и существенное теоретическое значение.

Под примирительными процедурами целесообразно понимать урегулированные законом либо не противоречащие ему способы согласования позиций сторон, направленные на добровольное урегулирование правового конфликта посредством достижения взаимоприемлемого результата. В качестве родовых признаков таких процедур могут быть выделены добровольность участия сторон, диспозитивный характер поведения участников, ориентация на компромиссное завершение спора и отсутствие разрешения конфликта посредством императивного властного предписания. В указанном смысле примирительные процедуры образуют более широкую категорию, включающую переговоры, посредничество, в том числе медиацию, судебное примирение, а также иные допустимые законом формы урегулирования спора [1].

Медиация занимает в данной системе особое место, поскольку сочетает общие свойства примирительных процедур и признаки, позволяющие квалифицировать ее как самостоятельный правовой институт. В соответствии с законодательным определением медиация представляет «собой способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях

достижения ими взаимоприемлемого решения» [5, п. 2 ст. 2]. Тем самым законодатель акцентирует внимание не только на цели процедуры, но и на ее субъектном и функциональном своеобразии, выраженном в обязательном участии нейтрального посредника.

Именно участие медиатора является основным критерием разграничения медиации и переговоров. Если переговоры предполагают непосредственное взаимодействие сторон либо их представителей без обязательного участия независимого третьего лица, то медиация строится вокруг фигуры посредника, который не обладает властными полномочиями по разрешению спора, но организует коммуникацию сторон, способствует выявлению их действительных интересов и помогает выработать приемлемую модель урегулирования. Следовательно, медиация не может быть сведена к расширенной форме переговоров, поскольку обладает собственной процедурной структурой и иным способом достижения согласованного результата.

Не менее значимым является разграничение медиации и судебного примирения. Несмотря на общую направленность на урегулирование спора без вынесения решения по существу, указанные процедуры различаются по субъектному составу, организационной модели и степени процессуальной интеграции. Судебное примирение осуществляется в рамках судебного процесса с участием судебного примирителя и в значительной степени связано с задачами судопроизводства. Медиация же, напротив, сохраняет внешнюю по отношению к юрисдикционной деятельности природу: даже в тех случаях, когда она используется после возбуждения дела в суде, ее содержание определяется не судебным усмотрением, а соглашением сторон и принципами добровольности, нейтральности и конфиденциальности [2].

Сказанное позволяет сделать вывод о сложной правовой природе медиации. По своему основанию она является частноправовой процедурой, поскольку возникает на базе автономии воли сторон, реализуется в договорной форме и направлена на достижение согласованного результата без вынесения обязательного властного акта. Одновременно медиация обладает и выраженным процессуальным значением, если применяется в связи с уже возникшим судебным спором. В такой ситуации ее результат способен повлиять на движение дела, форму завершения судебного разбирательства и порядок дальнейшего исполнения достигнутых договоренностей. Следовательно, медиацию следует рассматривать как

межотраслевой институт, находящийся на стыке частного правового и процессуального регулирования.

Особенности места медиации в системе примирительных процедур особенно наглядно проявляются через анализ ее принципов. «Процедура медиации проводится при взаимном волеизъявлении сторон на основе принципов добровольности, конфиденциальности, сотрудничества и равноправия сторон, беспристрастности и независимости медиатора» [5, ст. 3]. В совокупности данные принципы обеспечивают качественное отличие медиации как от судебного разбирательства, основанного на состязательности и властном разрешении спора, так и от обычных переговоров, где не всегда гарантируется баланс процессуальных возможностей сторон и профессиональное управление коммуникацией.

Организационный аспект медиации предполагает наличие определенной правовой и институциональной среды, без которой данная процедура не может быть эффективно реализована. Речь идет, прежде всего, о соглашении сторон на проведение медиации, выборе медиатора, определении правил процедуры, обеспечении надлежащих условий для конфиденциального обсуждения спорной ситуации, а также возможности привлечения организаций, осуществляющих деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации. Указанные элементы позволяют характеризовать медиацию как формально организованную, но одновременно гибкую процедуру, не сводимую к жесткой регламентации процессуального типа.

Вместе с тем организационная гибкость медиации не означает правовой неопределенности. Напротив, эффективность данной процедуры во многом зависит от точности согласования ее основных параметров: предмета обсуждения, объема полномочий посредника, порядка проведения встреч, допустимости участия представителей, правил фиксации достигнутых договоренностей. Недостаточная определенность этих элементов способна негативно сказаться на доверии к процедуре и, как следствие, препятствовать расширению практики ее применения.

Процессуальное значение медиации проявляется в том, что она может использоваться как до обращения в суд, так и после возбуждения гражданского, арбитражного либо административного дела. В последнем случае медиация встраивается в систему судебной защиты не как конкурирующий механизм, а как дополнительный способ урегулирования правового конфликта. Суд, разъясняя сторонам право на использование примирительных процедур, тем самым выполняет не только функцию разрешения спора, но и функцию содействия его мирному урегулированию. Однако содержание самой процедуры по-прежнему остается за пределами судебного усмотрения, что позволяет сохранить ее автономный характер [3].

Существенное значение имеет правовая форма результата медиации. Достигнутые в ходе процедуры договоренности могут оформляться по-разному в зависимости

от стадии спора, характера правоотношения и намерений сторон. В одних случаях результат медиации приобретает характер гражданско-правового соглашения, в других — воплощается в мировом соглашении, утверждаемом судом, либо получает нотариальную форму. Разнообразие вариантов правового оформления свидетельствует о высокой адаптивности медиации к различным видам правовых конфликтов, однако одновременно ставит вопрос о единообразии требований к юридической силе и исполнимости медиативных соглашений.

Особое место в этом механизме занимает нотариальное удостоверение медиативного соглашения. Возможность придания соглашению нотариальной формы существенно повышает практическую значимость медиации, поскольку усиливает гарантии исполнимости достигнутого результата и способствует снижению риска повторного конфликта по поводу исполнения согласованных условий. В данном аспекте медиация выходит за пределы исключительно коммуникативной процедуры и приобретает значение юридического инструмента окончательного урегулирования спора [4].

Несмотря на нормативное закрепление медиации и включение ее в систему примирительных процедур, практика ее применения в Российской Федерации пока не может быть признана в полной мере устойчивой. Ограниченное распространение медиации обусловлено совокупностью факторов: недостаточной информированностью участников оборота о ее возможностях, отсутствием сложившейся правовой культуры обращения к посредническим способам урегулирования споров, неоднородностью профессиональной подготовки медиаторов, а также недостаточно тесной связью между судебной системой и медиативной инфраструктурой.

Представляется, что дальнейшее развитие медиации должно осуществляться не по пути формального расширения случаев ее обязательного использования, а посредством совершенствования организационного и процессуального обеспечения. Организационный компонент включает развитие профессионального сообщества медиаторов, укрепление роли организаций, обеспечивающих проведение процедуры, создание устойчивых информационных и консультационных механизмов при судах и иных правоприменительных институтах. Процессуальный компонент предполагает более последовательное согласование положений специального законодательства о медиации с нормами процессуальных кодексов, регулируемыми последствия обращения сторон к примирительным процедурам и формы закрепления достигнутого результата.

Таким образом, медиация в системе примирительных процедур представляет собой самостоятельный и сложный по своей правовой природе институт. Ее нельзя отождествлять ни с переговорами, ни с судебным примирением, поскольку она характеризуется особым субъектным составом, специальными принципами, договорной основой и специфическим механизмом выработки

согласованного решения. В системе примирительных процедур медиация выполняет связующую функцию между частноправовой автономией сторон и процессуальной задачей достижения правового мира. Именно поэтому пер-

спективы развития данного института связаны прежде всего с повышением качества его организационного и процессуального обеспечения, а не с усилением элемента принуждения к примирению.

Литература:

1. Борисова Е. А. От альтернативного разрешения споров к примирительным процедурам: путь длиной в 25 лет (коротко о главном) // Вестник гражданского процесса. 2025. N 4. С. 162–171. URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=160446&cacheid=4236453EBC7D33A06A63782F35EFC0C6&mode=splus&rnd=s32aFHVgohDi7TOt#1lrgFHVk3TNKJnZl> (дата обращения: 18.04.2026).
2. Михайлова Е. В. Медиация и судебное примирение: проблема соотношения // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. N 8. С. 23–28. URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=150534&cacheid=31661C2099288C1C1D4C2CAACD2CCB21&mode=splus&rnd=s32aFHVgohDi7TOt#8JAJFHVtN1S9suDJ> (дата обращения: 18.04.2026).
3. Момотов В. В. Примирительные процедуры в цивилистическом процессе: законодательные новеллы и перспективы дальнейшего развития // Lex Russica. 2024. Т. 77. № 5. С. 9–21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primiritelnye-protsedury-v-tsivilisticheskom-protssesse-zakonodatelnye-novelly-i-perspektivy-dalneyshego-razvitiya/viewer> (дата обращения: 18.04.2026).
4. Соломеина Е. А., Шереметова Г. С. Порядок нотариального удостоверения медиативного соглашения: процедурные условия // Нотариальный вестник. 2024. N 4. С. 5–14. URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=11154536&cacheid=4F3E8E400661881A1056754D8CC34D6A&mode=splus&rnd=s32aFHVgohDi7TOt#r9rlFHVW7gAW3GRD1> (дата обращения: 18.04.2026).
5. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ (дата обращения: 18.04.2026).

Медиация в исполнительном производстве: проблемы применения и направления совершенствования законодательства

Костин Дмитрий Михайлович, студент магистратуры

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Санкт-Петербург)

Рассматриваются особенности применения медиации после возбуждения исполнительного производства и проблемы сочетания добровольного урегулирования спора с государственным принуждением к исполнению.

Ключевые слова: медиация, исполнительное производство, медиативное соглашение, мировое соглашение, судебный пристав-исполнитель, исполнительный документ, исполнительский сбор, примирение.

Mediation in enforcement proceedings: problems of application and directions of improvement of legislation

Kostin Dmitry Mikhailovich, master's degree student

North-West Branch of the Russian State University of Justice after V. M. Lebedev (St. Petersburg)

The article examines mediation after enforcement proceedings have been initiated and the interaction between voluntary dispute resolution and state coercion.

Keywords: mediation, enforcement proceedings, mediated settlement agreement, settlement agreement, bailiff, enforcement document, enforcement fee, conciliation.

Исполнительное производство является стадией, на которой правовой спор уже разрешен, а государство обеспечивает реализацию требования, закрепленного ис-

полнительным документом. Вместе с тем вынесение судебного решения не всегда прекращает фактический конфликт между взыскателем и должником. Именно на

стадии исполнения стороны нередко наиболее объективно оценивают имущественное положение должника, перспективы реального взыскания и экономические последствия дальнейшего применения мер принудительного исполнения.

В связи с этим медиация способна выполнять самостоятельную функцию и после возбуждения исполнительного производства. На рассматриваемой стадии ее предметом является уже не разрешение первоначального спора, а преимущественно согласование порядка исполнения существующей обязанности: сроков и графика платежей, способа исполнения, передачи имущества и иных условий, не противоречащих закону и правам третьих лиц.

В научной литературе отмечается, что возможности примирения в исполнительном производстве используются ограниченно, в том числе вследствие особенностей регулирования исполнительского сбора и отсутствия специального механизма медиации [1]. При этом возможность применения самой процедуры медиации на стадии принудительного исполнения в доктрине признается, однако подчеркивается необходимость ее более четкой законодательной интеграции в исполнительное производство [2].

Действующее законодательство создает отдельные предпосылки для примирения. Согласно ч. 1 ст. 50 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [6] (далее — Закон № 229-ФЗ) стороны до окончания исполнительного производства вправе заключить мировое соглашение или соглашение о примирении, утверждаемое в судебном порядке. После его утверждения исполнительное производство прекращается на основании п. 3 ч. 2 ст. 43 указанного закона.

Однако непосредственно проведение медиации после возбуждения исполнительного производства Закон № 229-ФЗ практически не регулирует. Закон предусматривает конечный результат примирения, но не определяет правовой режим периода, когда взыскатель и должник уже обратились к медиатору, а соглашение еще не достигнуто или не утверждено судом.

Особое значение имеет вопрос о последствиях обращения сторон к медиации для совершаемых исполнительных действий. Согласно ст. 38 Закона № 229-ФЗ судебный пристав-исполнитель вправе отложить исполнительные действия по заявлению взыскателя либо по собственной инициативе на срок не более десяти дней. Специального основания для отложения исполнительных действий в связи с проведением медиации законодательство не содержит.

Несогласованность регулирования наглядно проявилась в деле № А33–3328/2025 [7]. Взыскатель и должник начали переговоры в период срока для добровольного исполнения, сообщили об этом судебному приставу, заключили мировое соглашение и обратились за его судебным утверждением. Несмотря на это, возник вопрос о взыскании исполнительского сбора. Арбитражный суд Красноярского края и Третий арбитражный апелляционный суд учли направленность поведения сторон на добро-

вольное урегулирование и признали взыскание исполнительского сбора неправомерным [8].

Данная практика показывает, что действующее законодательство не обеспечивает сторонам предсказуемого режима примирения после возбуждения исполнительного производства. Общего десятидневного отложения может оказаться недостаточно даже для судебного утверждения уже достигнутого мирового соглашения.

Представляется целесообразным закрепить в Законе № 229-ФЗ специальное основание для отложения исполнительных действий в связи с проведением медиации. Такое отложение должно допускаться по совместному заявлению взыскателя и должника и предоставляться на ограниченный срок, например, до тридцати дней.

При этом обращение к медиации не должно автоматически приводить к отмене ареста имущества, запрета регистрационных действий и иных обеспечительных мер. Они должны сохраняться, если их отмена создает риск невозможности последующего исполнения. Такой подход позволит предотвратить использование медиации исключительно как способа затягивания исполнения или вывода имущества.

Требуется законодательного решения и вопрос об исполнительском сборе. Если взыскатель и должник приступили к медиации до истечения срока добровольного исполнения, а взыскатель согласен с временным прекращением активных исполнительных действий, применение исполнительского сбора в период такой процедуры способно фактически снижать заинтересованность должника в примирении. В связи с этим на время специального отложения исполнительных действий целесообразно приостанавливать и течение оставшейся части срока добровольного исполнения.

Отдельной проблемой является форма результата медиации. Если исполнительное производство основано на судебном акте, достигнутая договоренность может быть оформлена как мировое соглашение и утверждена судом. ГПК РФ и АПК РФ непосредственно регулируют утверждение мирового соглашения, заключенного в процессе исполнения судебного акта.

Однако исполнительное производство может возбуждаться и на основании несудебного исполнительного документа. Данный вопрос особенно важен для медиации, поскольку нотариально удостоверенное медиативное соглашение само обладает силой исполнительного документа. Часть 5 ст. 12 Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [9] (далее — Закон № 193-ФЗ) предусматривает наличие силы исполнительного документа у нотариально удостоверенного соглашения, достигнутого в результате внесудебной медиации, а п. 3.1 ч. 1 ст. 12 Закона № 229-ФЗ относит такие соглашения к исполнительным документам. На двойственный характер медиативного соглашения справедливо обращается внимание и в современной литературе [3].

Возникает вопрос: каким образом оформить новый компромисс сторон, если исполнительное производство уже возбуждено на основании нотариально удостоверенного медиативного соглашения?

Сходная проблема рассматривалась в деле № А03–12844/2024. Исполнительное производство было возбуждено на основании исполнительной надписи нотариуса. Суд первой инстанции отказал в принятии заявления об утверждении мирового соглашения, поскольку исполнялся не судебный акт. Седьмой арбитражный апелляционный суд отменил данный судебный акт, указав, что положения ст. 43 и 50 Закона № 229-ФЗ предоставляют сторонам исполнительного производства право на примирение независимо от разновидности исполнительного документа [10].

Такая позиция представляется обоснованной, однако необходимость системного толкования свидетельствует о пробеле законодательного регулирования. В связи с этим ст. 153.10 ГПК РФ [11] и ст. 141 АПК РФ [12] целесообразно дополнить возможностью утверждения мирового соглашения, заключенного при исполнении не только судебного акта, но и иного исполнительного документа.

Вторая модель взаимодействия медиации и исполнительного производства возникает тогда, когда само нотариально удостоверенное медиативное соглашение служит основанием принудительного исполнения. Эта конструкция существенно усиливает практическую ценность медиации, поскольку для принудительного исполнения соглашения не требуется предварительное обращение с иском.

Одновременно упрощенный доступ к принудительному исполнению требует дополнительных гарантий. В. В. Ярков обращает внимание не только на перспективы взаимодействия нотариата и медиации, но и на возможные риски злоупотреблений при придании договоренностям исполнительной силы [5].

Характерным примером является дело № А43–35746/2022 [13]. Нотариально удостоверенное медиативное соглашение было предъявлено судебному приставу, после чего произведено взыскание. При последующем судебном рассмотрении суды установили противоправность исходных правоотношений и признали недействительными как основную сделку, так и связанное с ней медиативное соглашение [14]. В 2025 году соответствующие выводы были поддержаны судом кассационной инстанции.

Этот пример подтверждает необходимость сохранения судебного контроля за нотариально удостоверенными медиативными соглашениями, если имеются основания полагать, что исполнительный документ используется для обхода закона либо причинения вреда третьим лицам.

В законодательстве уже развивается подобный превентивный подход. Статья 59.1 Основ законодательства РФ о нотариате [15] предусматривает обязательное участие профессионального медиатора при удостоверении медиативного соглашения, а для соглашений, связанных

с неисполнением договора займа, устанавливает дополнительные требования к подтверждению факта передачи денежных средств или других вещей.

Вместе с тем остается неурегулированным срок предъявления нотариально удостоверенного медиативного соглашения к исполнению. Статья 21 Закона № 229-ФЗ устанавливает сроки для различных исполнительных документов, однако медиативное соглашение непосредственно в ней не названо. Закон № 193-ФЗ специального срока также не содержит. На данную проблему обращают внимание А. Г. Невоструев и О. А. Сегал [3].

Представляется целесообразным непосредственно закрепить в ст. 21 Закона № 229-ФЗ трехлетний срок предъявления нотариально удостоверенного медиативного соглашения к исполнению, исчисляемый со дня окончания установленного соглашением срока добровольного исполнения обязательства.

Особого определения требует и роль судебного пристава-исполнителя. Несмотря на наличие зарубежного опыта более активного участия должностных лиц исполнительной системы в примирении [4], возложение функций медиатора непосредственно на пристава представляется необоснованным. Медиатор должен быть независим и беспристрастен, тогда как судебный пристав обладает государственно-властными полномочиями и применяет меры принуждения к должнику.

Следовательно, функция пристава должна заключаться не в проведении медиации, а в содействии ее использованию: разъяснении сторонам соответствующей возможности, рассмотрении совместного заявления об отложении исполнительных действий и реализации последствий достигнутого соглашения.

Таким образом, российское законодательство допускает применение результатов медиации в исполнительном производстве, однако пока не формирует целостного механизма ее проведения непосредственно после возбуждения исполнительного производства.

В целях совершенствования законодательства представляется необходимым:

1. Закрепить в Законе № 229-ФЗ право взыскателя и должника обратиться к медиации после возбуждения исполнительного производства.
2. Предусмотреть специальное отложение исполнительных действий по совместному заявлению сторон на период медиации, например, до тридцати дней, с сохранением необходимых обеспечительных мер.
3. Установить последствия обращения к медиации для срока добровольного исполнения и исполнительского сбора, предусмотрев приостановление течения оставшейся части данного срока на период специального отложения.
4. Дополнить ГПК РФ и АПК РФ правилами об утверждении мирового соглашения при исполнении не только судебного акта, но и иных исполнительных документов.
5. Установить в ст. 21 Закона № 229-ФЗ срок предъявления нотариально удостоверенного медиативного соглашения к исполнению.

6. Сохранить разграничение функций медиатора и судебного пристава-исполнителя, возложив на последнего только обязанность содействовать использованию примирительных механизмов.

Реализация указанных предложений не предполагает отказа от принципа обязательности исполнительного документа. Медиация в исполнительном производстве

должна рассматриваться как дополнительный механизм согласования реально исполнимого порядка исполнения уже установленной обязанности. Ее законодательная интеграция способна одновременно обеспечить интерес взыскателя, снизить конфликтность между сторонами и повысить вероятность фактического исполнения требований исполнительного документа.

Литература:

1. Гальперин М. Л. Принуждение к миру: есть ли стимулы к примирению в исполнительном производстве? // Вестник гражданского процесса. 2026. Т. 16. № 1. С. 45–60.
2. Малюшин К. А. Медиация и исполнительное производство: актуальные возможности и перспективы развития // Нотариус. 2025. № 4. С. 7–10.
3. Невоструев А. Г., Сегал О. А. Медиативное соглашение как исполнительный документ // Нотариус. 2024. № 1. С. 52–56.
4. Ярков А. А. Медиация в исполнительном производстве: зарубежный опыт проведения // Администратор суда. 2023. № 4. С. 51–53.
5. Ярков В. В. Медиация в нотариальной деятельности: возможности и опасности // Вестник гражданского процесса. 2025. Т. 15. № 4. С. 18–27.
6. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // СЗ РФ. 08.10.2007 № 41. Ст. 4849. (ред. от 04.08.2026).
7. Решение Арбитражного суда Красноярского края от 25.04.2025 по делу № А33–3328/2025.
8. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 11.08.2025 по делу № А33–3328/2025.
9. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // СЗ РФ. 02.08.2010. № 31. Ст. 4162 (ред. от 26.07.2019).
10. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 30.09.2024 № 07АП-7429/24 по делу № А03–12844/2024.
11. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СЗ РФ. 18.11.2002 № 46. Ст. 4532 (ред. от 04.08.2026).
12. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // СЗ РФ. 29.07.2002 № 30. Ст. 3012 (ред. от 15.12.2025).
13. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 26.12.2024 № 01АП-3383/23 по делу № А43–35746/2022.
14. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 25.04.2025 № Ф01–809/2025 по делу № А43–35746/2022.
15. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462–1) // РГ. 13.03.1993 № 49 (ред. от 04.08.2026).

Правовой статус профессионального медиатора в Российской Федерации: проблемы квалификации, ответственности и саморегулирования

Костин Дмитрий Михайлович, студент магистратуры

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Санкт-Петербург)

Исследуется правовой статус профессионального медиатора в Российской Федерации с позиции достаточности установленных законодательством квалификационных требований, механизмов ответственности и саморегулирования.

Ключевые слова: медиация, профессиональный медиатор, квалификация медиатора, профессиональная ответственность, саморегулирование, реестр медиаторов, профессиональная этика, медиативное соглашение.

The legal status of a professional mediator in Russian Federation: problems of qualification, liability and self-regulation

Kostin Dmitry Mikhailovich, master's degree student
North-West Branch of the Russian State University of Justice after V. M. Lebedev (St. Petersburg)

The legal status of a professional mediator in the Russian Federation is examined in terms of qualification requirements, professional liability and self-regulation.

Keywords: mediation, professional mediator, mediator qualification, professional liability, self-regulation, mediator registry, professional ethics, mediated settlement agreement.

Эффективность медиации определяется не только качеством ее законодательного регулирования, но и профессиональными характеристиками лица, организующего взаимодействие сторон. Медиатор не разрешает спор властным решением, однако результат проведенной им процедуры способен иметь существенные юридические последствия: медиативное соглашение может быть утверждено судом в качестве мирового, а в предусмотренных законом случаях — приобрести силу исполнительного документа.

Поэтому требования к профессиональному медиатору должны обеспечивать баланс между гибкостью медиации и необходимостью гарантировать участникам надлежащее качество профессиональной деятельности.

Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [6] (далее — Закон № 193-ФЗ) различает профессиональных и непрофессиональных медиаторов. Для осуществления деятельности на профессиональной основе лицо должно достигнуть двадцатипятилетнего возраста, иметь высшее образование и получить дополнительное профессиональное образование по вопросам применения процедуры медиации. После передачи спора на рассмотрение суда или третейского суда проводить медиацию вправе только профессиональный медиатор.

Таким образом, законодатель связывает профессиональный статус преимущественно с формальными критериями возраста, образования и дополнительной подготовки. Однако содержание профессиональной компетентности раскрывается значительно слабее.

Н. И. Минкина обращает внимание на недостаточную определенность организации подготовки профессиональных медиаторов и необходимость более детального регулирования ее форм и содержания [3]. П. М. Воронцов также рассматривает оптимизацию образовательных требований как одно из ключевых направлений реформирования статуса медиатора [1].

Профессиональный стандарт «Специалист в области медиации (медиатор)» [7] содержит более подробные требования, в том числе применительно к специализированным направлениям деятельности. Однако Закон № 193-ФЗ непосредственно не устанавливает дифференцированных требований в зависимости от сложности и категории разрешаемых конфликтов.

В этом проявляется первая проблема — формальный характер минимального квалификационного порога. Наличие высшего образования и документа о дополнительном профессиональном образовании еще не гарантирует владения необходимыми правовыми, психологическими и коммуникативными навыками.

В то же время обязательное юридическое образование для всех медиаторов представляется избыточным. Междисциплинарная природа медиации предполагает сочетание правовых знаний с психологией конфликта и переговорными технологиями. Поэтому в Законе № 193-ФЗ целесообразно закрепить не конкретную базовую специальность, а минимальное обязательное содержание профессиональной подготовки: основы материального и процессуального законодательства, правовой режим медиативного соглашения, психологию конфликта, переговорные технологии, профессиональную этику, предотвращение конфликта интересов и практическую подготовку.

Для семейных, корпоративных, банкротных и иных сложных категорий споров могут предусматриваться дополнительные требования к специализации профессионального медиатора.

Второй существенной проблемой является отсутствие единого федерального реестра профессиональных медиаторов. Действующее законодательство предусматривает государственный реестр саморегулируемых организаций (далее — СРО) и реестры членов отдельных СРО, однако не существует единой системы, позволяющей участнику спора, суду или нотариусу достоверно проверить профессиональный статус конкретного медиатора.

Особенно значимой такая проверка становится в случаях, когда результат медиации предполагается нотариально удостоверить и использовать как исполнительный документ.

В судебной практике уже встречаются ситуации, когда проверка профессионального статуса медиатора приобретает непосредственное юридическое значение. Так, в решении Первомайского районного суда г. Ижевска от 27.11.2025 по делу № 2–8/2025 [8] среди обстоятельств, связанных с удостоверением медиативных соглашений, рассматривались вопросы подтверждения соответствия медиатора требованиям Закона № 193-ФЗ.

Необходимость формирования единого реестра признается и на государственном уровне. Распоряжением

Правительства РФ от 23.12.2025 № 3999-р [9] предусмотрена подготовка в 2026–2027 гг. законодательных изменений, включающих создание единого реестра медиаторов.

Представляется, что включение в такой реестр должно подтверждать право лица осуществлять профессиональную медиацию. В открытой части реестра целесообразно указывать сведения о профессиональной подготовке, специализации, членстве в профессиональном объединении и действующем статусе медиатора.

Третьей проблемой является ответственность профессионального медиатора. Статья 17 Закона № 193-ФЗ устанавливает лишь общее правило о возмещении вреда, причиненного в результате осуществления деятельности по проведению медиации, в соответствии с гражданским законодательством.

Такого регулирования недостаточно для формирования полноценного профессионального статуса. Закон не определяет круг профессиональных проступков, соотношение гражданско-правовой и дисциплинарной ответственности, а также последствия нарушения медиатором принципов конфиденциальности, независимости и беспристрастности.

При этом медиатор не должен отвечать за результат самой процедуры. Он не принимает решение по существу спора и не гарантирует достижение либо последующее исполнение соглашения. Основанием ответственности должны выступать собственные виновные нарушения профессиональных обязанностей: разглашение конфиденциальных сведений, сокрытие конфликта интересов, сообщение недостоверных сведений о квалификации, нарушение беспристрастности либо существенное отступление от обязательных профессиональных стандартов.

Представляется необходимым дополнить Закон № 193-ФЗ системой профессионально-дисциплинарной ответственности, предусматривающей предупреждение, дисциплинарное взыскание, временное приостановление профессионального статуса и, в наиболее серьезных случаях, исключение из реестра с правом судебного обжалования соответствующего решения.

В научной литературе рассматривается также возможность страхования профессиональной ответственности медиатора [4]. Однако введение обязательного страхования для всех случаев медиации способно необоснованно повысить стоимость процедуры. Более оправдан дифференцированный подход, при котором дополнительные финансовые гарантии предусматриваются, например, при проведении медиации по имущественным спорам значительной стоимости либо при последующем придании соглашению исполнительной силы.

Особое место в регулировании статуса медиатора занимает саморегулирование. В отличие от вопросов квалификации и ответственности, соответствующая организационная модель уже предусмотрена Законом № 193-ФЗ. Статья 18 регулирует создание саморегулируемых организаций медиаторов, а ст. 19 предоставляет им право устанавли-

вать условия членства, вести реестры, принимать профессиональные стандарты и кодексы этики, осуществлять контроль и применять меры дисциплинарного воздействия.

Следовательно, проблема заключается не в отсутствии СРО, а в факультативности участия в системе саморегулирования. Закон не связывает профессиональный статус медиатора с обязательным членством в СРО. В результате профессиональные стандарты и дисциплинарный контроль распространяются прежде всего на лиц, добровольно вошедших в соответствующую организацию.

Возникает противоречие: законодатель предусматривает развитые полномочия СРО по контролю качества профессиональной деятельности, но одновременно допускает осуществление профессиональной медиации вне такого контроля.

Вместе с тем введение безусловного обязательного членства в СРО для каждого медиатора также представляется спорным, поскольку может создавать дополнительные организационные и финансовые барьеры.

В связи с этим целесообразна дифференцированная модель профессионального допуска. Включение в единый федеральный реестр должно быть обязательным для всех профессиональных медиаторов. Членство в СРО следует установить в качестве дополнительного требования как минимум для лиц, проводящих медиацию по спорам, уже переданным в суд, а также процедуры, результат которых предполагается нотариально удостоверить с последующим приданием соглашению исполнительной силы.

При такой модели государство устанавливает минимальные требования к квалификации и обеспечивает ведение единого реестра, а профессиональное сообщество конкретизирует стандарты деятельности, принимает этические правила, организует повышение квалификации и осуществляет дисциплинарный контроль.

Актуальность такого подхода подтверждается обсуждаемыми направлениями реформирования законодательства. В числе перспектив развития медиации на государственном и научном уровне рассматриваются единые профессиональные стандарты, совершенствование подготовки медиаторов, формирование реестра и развитие механизмов саморегулирования [1].

На основании проведенного анализа представляется целесообразным:

1. Дополнить ст. 16 Закона № 193-ФЗ требованиями к минимальному содержанию профессиональной подготовки медиатора, включающими правовую, психологическую, коммуникативную, этическую и практическую составляющие.

2. Установить периодическое повышение квалификации профессиональных медиаторов, а для отдельных категорий сложных споров — дополнительную специализированную подготовку.

3. Создать единый федеральный реестр профессиональных медиаторов, включение в который должно подтверждать право на осуществление профессиональной медиации.

4. Конкретизировать ст. 17 Закона № 193-ФЗ, предусмотрев наряду с гражданско-правовой ответственностью профессионально-дисциплинарную ответственность за нарушение конфиденциальности, беспристрастности, правил о конфликте интересов и обязательных профессиональных стандартов.

5. Предусмотреть систему дисциплинарных мер — от предупреждения до временного приостановления статуса и исключения из реестра с возможностью судебного обжалования.

6. Связать единый реестр с существующей системой саморегулирования, предусмотрев обязательное членство в СРО для отдельных видов профессиональной медиации, характеризующихся повышенной юридической значимостью результата.

Таким образом, недостатки правового статуса профессионального медиатора состоят не в полном отсутствии законодательного регулирования, а в несогласованности его отдельных элементов. Квалификационные требования, профессиональная ответственность и саморегулирование существуют как относительно самостоятельные механизмы и пока не образуют единой системы профессионального допуска и контроля.

Перспективной представляется модель: профессиональная подготовка — единый реестр — профессиональные стандарты — саморегулирование — ответственность. Ее реализация позволит повысить проверяемость квалификации медиаторов и доверие к институту медиации, сохранив при этом присущую данной процедуре гибкость.

Литература:

1. Воронцовский П. М. Вопросы оптимизации требований, предъявляемых к профессиональному медиатору // Гражданское право. 2026. № 2. С. 20–23.
2. Минкина Н. И. Медиация как институт современного российского общества // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 10. С. 55–67.
3. Минкина Н. И. Правовая основа подготовки профессиональных медиаторов в России: опыт прошлого и перспектива будущего // Юрист. 2024. № 5. С. 61–66.
4. Михайлова А. С. К вопросу о повышении качества деятельности медиаторов в контексте развития внутреннего и въездного туризма в России // Туризм: право и экономика. 2025. № 3. С. 25–29.
5. Попова Н. И. Проблемы правового регулирования и практики применения законодательства о медиации в Российской Федерации // Юрист. 2024. № 7. С. 59–66.
6. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // СЗ РФ. 02.08.2010. № 31. Ст. 4162.
7. Приказ Минтруда России от 15.12.2014 № 1041н (ред. от 12.12.2016) «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист в области медиации (медиатор)» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 27.07.2015. № 30.
8. Решение Первомайского районного суда г. Ижевска Удмуртской Республики от 27.11.2025 по делу № 2–8/2025 (УИД 18RS0002–01–2021–010718–61) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 25.09.2026).
9. Распоряжение Правительства РФ от 23.12.2025 № 3999-р «Об утверждении Плана мероприятий по реализации Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года» // СЗ РФ. 05.01.2026. № 1 (часть II). Ст. 103.

Основания криминализации статьи 128.1 УК РФ «Клевета»

Кузьмина Дарья Александровна, студент
Сибирский юридический университет (г. Омск)

В научных кругах вопросы, касающиеся темы клеветы не утихают уже несколько лет и продолжают активно обсуждаться в научной среде. Такой интерес довольно оправдан, ведь клевета по праву считается одним из интереснейших видов правонарушений. Правовая природа статьи о клевете позволяет законодателю регулярно производить с ней различные преобразования, усложняя при этом процесс применения для исполнителя.

Следует отметить, что введение уголовной статьи за клевету, также, не имеет единой истории. В декабре 2011 года Федеральным законом № 420-ФЗ статьи 129 и 130 УК РФ утратили силу [1]. Клевету (как и оскорбление) перевели в разряд административных правонарушений: в КоАП РФ появились статьи 5.60 (клевета) и 5.61 (оскорбление). На данном этапе мы можем судить о том, что судебной практики за предыдущие года было крайне

мало, в связи с чем законодатель, посчитав данное деяние не столь общественно опасным, переводит его в разряд административных правонарушений. Но уже в 2012 году (закон № 141-ФЗ) клевету вернули в Уголовный кодекс — в виде статьи 128.1 УК РФ, которая осталась без изменения до сегодняшнего дня [2 ст. 137].

Предлагаем рассмотреть ст. 128.1 УК РФ с точки зрения принципов криминализации, чтобы понять, насколько обоснованным было введение уголовной ответственности за такие деяния.

В теории уголовного права под **принципами криминализации** понимают научно обоснованные критерии, которые помогают оценить, нужно ли признавать то или иное деяние преступным, а также насколько это целесообразно и допустимо. Необходимо отметить, что единого понятия «принципов криминализации», как и категоричного закреплённого перечня таких принципов законодателем не предусмотрено. В данном случае мы можем лишь обратиться к мнению правоведов, которые предлагают свое видение по данному вопросу.

Считаем, наиболее подходящей классификацию принципов криминализации, предложенную В. Н. Кудрявцевым и В. В. Луневым. В данном подходе акцентируется внимание на комплексном, а не формальном подходе к криминализации. [3. с. 767] Авторы предлагают анализировать не только сам факт опасности деяния, но и его распространённость и возможные последствия для общества. Считаем, что при подобной позиции совершения ошибок, в случае, когда под влиянием общественного резонанса или политических соображений в закон включаются нормы, которые либо не нужны, либо вредны, сводятся к минимуму.

По учению В. Н. Кудрявцева и В. В. Лунева, выделяются следующие принципы криминализации:

- 1) общественная опасность деяния;
- 2) широкая распространённость деяния;
- 3) положительные последствия криминализации должны превышать ее отрицательные последствия;
- 4) отсутствие противоречий в случае криминализации с Конституцией РФ, нормами международного права и действующим законодательством;
- 5) криминализация не должна противоречить нормам нравственности;
- 6) предполагаемая норма не должна получиться такой, что ее нельзя (или проблемно) будет применять по разным причинам.
- 7) криминализации не должно быть, если с таким деянием можно успешно бороться иными, более мягкими мерами.

Рассмотрим ст. 128.1 УК РФ, опираясь на первый, предложенный принцип, и, по нашему мнению, один из основополагающих — общественная опасность деяния. Самый очевидный и банальный способ для того, чтобы определить несет ли такое деяние, как клевета, общественную опасность, это теоретически полностью легализовать данное действие и ответить себе на вопрос, способно ли

оно причинить достаточно большой вред (ущерб) охраняемым уголовно-правовым объектам, нарушаются ли в данном случае чьи-то права? Наш ответ однозначно положительный, клевета является социально значимым нарушением личных границ. Распространение ложных сведений о лице, которые будут порочить его честное имя, могут иметь такие последствия, как, например, увольнение с работы. Так, Трудовой Кодекс РФ в статье 81 содержит право работодателя на увольнение сотрудника в одностороннем порядке в случае, если работник, выполняющий воспитательные функции, совершил аморальный проступок, несовместимый с продолжением данной работы [4 с.131]. Тогда, мы можем смело говорить о том, что ложь, которая будет порочить честь и достоинство человека, осуществляющего воспитательные функции, может привести к отстранению от работы и лишению возможности продолжать свой труд. Такой факт, доказывает необходимость закрепления данного положения на законодательном уровне, с реальной угрозой наказания.

Далее, обратимся к статье 3 Федерального Закона «О Статусе судей», содержание которой гласит, что судья при исполнении своих полномочий, а также во внеслужебных отношениях должен избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти, достоинство судьи или вызвать сомнение в его объективности, справедливости и беспристрастности [5. с. 34]. Данные положения, касающиеся социальной стороны жизни человека, преступник, совершая противоправные действия причиняет жертве моральный вред, то есть нравственные страдания. На наш взгляд такие права и свободы гражданина максимально подвержены нарушению со стороны преступника, а последствия могут носить совершенно разный характер, например, умалить авторитет, и как следствие стать препятствием устройства на работу.

Таким образом, сомнений в том, что в современном мире одно из главенствующих ценностей в жизни человека занимает честное имя, честь и достоинство, честность перед самим собой и окружающим, не остается.

Далее, второй принцип криминализации — широкая распространённость деяния. Статью, предусматривающую ответственность за клевету трудно назвать молодой, ведь практика по ст. 128.1 УК РФ имеет свое начало еще в 2012 году. Изучив судебную практику за 2013 год по части 1 статьи 128.1 УК РФ (клевета без отягчающих признаков) установлено, что осуждено было всего 11 человек, притом в связи с тем, что статья только получила свое право на существование, в расчет идут дела, возбуждённые по этой норме в её первоначальной редакции. Изучив судебную практику за другие года, мы приходим к выводу, что по всем частям статьи 128.1 УК РФ суды выносят заметно больше оправдательных приговоров, чем обвинительных. Например, за первое полугодие 2025 года на всю Россию осудили всего около 27 человек, тогда как оправдали примерно 104. За тот же период 41 дело о клевете прекращено в связи с примирением сторон. Больше, чем число осуждённых за полгода. Ещё по 28 делам про-

изводство прекратили за отсутствием состава преступления. Такое положение дел, вызывает удивление, при том, что с 18 июня 2025 года (после вступления в силу Федерального закона от 7 июня 2025 г. № 146-ФЗ) клевета без отягчающих обстоятельств (часть 1 статьи 128.1 УК РФ) была переведена из дел частного обвинения в дела частно-публичного обвинения. Это значит, что теперь государство само инициирует такие дела, а не только потерпевший. Из-за этого многие дела, которые раньше могли быть прекращены при примирении сторон, теперь доходят до суда. Такие изменения, наоборот, должны провоцировать рост осужденных по статье о клевете, но мы становимся свидетелями лишь того, что данная норма не работает в части наказания виновных. Таким образом, по нашему мнению, рассматриваемая нами статья не отвечает принципу широкого распространения деяния, так как судебной практики крайне мало, а уголовных дел, по которым есть осужденные и того меньше.

Следующий принцип обращает нас к положительным и отрицательным сторонам введения рассматриваемой нами статьи в разряд уголовно наказуемых. К положительным аспектам мы безоговорочно отнесли бы, защиту фундаментальных благ личности — защита чести, достоинства и репутации. Чёткое разграничение с гражданско-правовой защитой может рассматриваться как с положительной стороны, так и с отрицательной. Для уголовного преследования необходимо доказать заведомую ложность, в то время как для гражданского иска по схожей норме достаточно доказать лишь порочащий характер сведений и их несоответствие действительности. Таким образом, мы можем отметить, что закон не дублирует, а лишь дополняет гражданско-правовые механизмы защиты, что несомненно, является плюсом для более детального и всестороннего разрешения вопроса. Однако, на практике бывает сложно отграничить клевету от оскорбления. Ошибка в таком разграничении может привести к неправильной квалификации и несправедливому решению. Тогда схожесть норм в различных нормативно правовых актах мы все же отнесли к отрицательной стороне введения нормы о клевете в разряд уголовно наказуемых.

Полагаем, для каждого человека — его репутация, его честное имя является одним из самых важных и значимых нематериальных ценностей. В подтверждение тому, мы можем обратиться к высшему закону государства — Конституции РФ, в которой закреплено положение о том, что достоинство личности охраняется государством [6. ст. 25]. Ничто не может быть основанием для его умаления. Действительно, клевета умаляет достоинство личности, ведь распространение заведомо ложных сведений, которые порочат честь, подрывают репутацию и создают у окружающих искажённое, негативное представление о человеке, могут нанести лицу, подверженному оговору большой урон, причем не только психологический, но и физический, такие действия причиняют нравственные страдания и наносят ущерб чести и достоинству лич-

ности. Также в Конституции РФ содержатся положения о неприкосновенности частной жизни, личной тайны и тд. На наш взгляд, клевета также может нарушать и положения о частной жизни, ведь когда человек распространяет ложную информацию о человеке, он посягает на его частную жизнь в том числе. Таким образом, рассматриваемая нами статья о клевете не только не противоречит действующему законодательству, высшему закону государства, а продолжает нормы, содержащиеся в иных нормативных актах, конкретизируя и дополняя их.

Уже на данном этапе, становится ясно, что честь и достоинство личности, на которое посягает преступник посредством клеветы затрагивает очень важную сторону жизни человека, а потому вопроса о социальной значимости статьи, закреплённой в Уголовном Кодексе Российской Федерации, предусматривающей ответственность за клевету, не возникает, ровно как и вопроса о том, что криминализация такого деяния не противоречит нормам нравственности морали, а наоборот имеет своей негласной целью поддержание нравственности среди населения. Но, несмотря на то, что запрет на клевету олицетворяет главные аспекты этики, основанные на идеалах добра, справедливости, долга и чести, которые проявляются в отношении к людям и природе, необходимо сказать и противоречивости данной статьи. Например, к этичности и моральности можно отнести и такую базовую потребность человека, как свобода слова, которая может нарушаться в той степени, где начинает действовать уголовная ответственность за клевету. Свобода слова гарантирует каждому человеку право беспрепятственно выражать свои мысли, убеждения и мнения. Это фундаментальное право, которое является основой демократического общества. Однако, по нашему мнению, свобода слова, будучи правом, не может быть абсолютной, поскольку слово обладает огромной силой воздействия на сознание и поведение людей.

Далее, необходимо изучить статью о клевете с точки зрения того, не является ли норма такой, что ее нельзя или проблемно, будет применять по разным причинам. В первую очередь обратимся к формулировке статьи 128.1 УК РФ «Клевета, то есть распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию, ...» слова «честь», «достоинство», «репутация», автоматически приводят правоприменителя в замешательство, необходимости обращения для правильной квалификации к другим источникам, а значит как следствие разночтению статьи, ведь законодательно не закреплён исчерпывающий перечень того, что именно понимать под размытыми формулировками законодателя. Профессор Н. А. Колоколов отмечал, что диспозиция статьи перегружена оценочными категориями («порочащий характер», «подрыв репутации»). Это затрудняет объективную оценку перспектив дела, как для потерпевшего, так и для суда. [7. с. 141] Далее, интерес вызывает формулировка «заведомо ложные сведения», которая свидетельствует о необходимости доказывания

того факта, что человек распространяющий информацию заведомо знал о их ложности, что на практике представляется практически невозможным. Таким образом, по нашему мнению, именно статья о клевете, получилась такой, что ее проблемно применять на практике, в связи с неразъясненностью формулировок, сложностью в доказывании и противоречивости.

В статье «Клевета по ст. 128.1 УК РФ: проблемы объекта, предмета и субъективной стороны» Аллы Котенковой, поднимается дискуссионный вопрос: может ли достоинство (внутренняя самооценка человека) быть объектом клеветы? [8] Часть исследователей считает, что нет — ведь клевета направлена на изменение мнения окружающих, а не на внутреннюю самооценку потерпевшего. Мы согласны с мнением о том, что клевета влияет на мнение окружающих и затрагивает куда больший круг

общественных отношений, чем самооценка потерпевшего. Должна ли быть уголовная ответственность за наговоры со стороны, если с таким деянием можно успешно бороться иными, более мягкими мерами? При идеальном устройстве общества, любое преступление могло бы быть сдержанно более мягкими мерами, а уголовный кодекс и вовсе потерял бы свою актуальность. По нашему мнению, вопрос о необходимости существования статьи о клевете УК РФ риторичен, на сегодняшний день общество живет по принципу — разрешено все, что не запрещено законом, и только лишь угроза наказания, причем сурового наказания, сдерживает преступные умыслы человека. Статья о клевете закрывает важный правовой пробел. Проблема не в том, что клевета «не должна называться», а в том, что закон даёт несколько инструментов, и выбор зависит от ситуации.

Литература:

1. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 07.12.2011 N 420-ФЗ (последняя редакция).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 128.1.
3. Курс российского уголовного права. Общая часть / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М.: Спарк, 2001. 767 с.
4. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 25.05.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2026. — № 1 (ч. I). — Ст. 81.
5. Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-I «О статусе судей в Российской Федерации» (ред. от 28.12.2025) // [Официальный источник в справочно-правовой системе] — 34 с.
6. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. [с учетом поправок, внесенных Законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2014. — № 31. — Ст. 21
7. Чередниченко Е. Е. Клевета и оскорбление: уголовно-правовой анализ (проблемы теории и практики). М.: Юрлитинформ, 2010. 141 с.
8. Котенкова, А. (2026). Клевета по ст. 128.1 УК РФ: проблемы объекта, предмета и субъективной стороны [Материал] // Закон.ру. — URL: zakon.ru

Полномочия органов прокуратуры в сфере образования и порядок их осуществления

Курбонов Собир Султонович, самостоятельный исследователь (г. Ташкент, Узбекистан)

В статье рассматриваются полномочия органов прокуратуры Республики Узбекистан по надзору за исполнением законодательства об образовании и порядок их реализации. Анализируются нормы Закона «О прокуратуре» о предмете надзора, полномочиях прокурора, а также их соотношение с государственным контролем в образовании.

Ключевые слова: прокурорский надзор, образование, права обучающихся, несовершеннолетние, государственный контроль.

Образование в Узбекистане закреплено как приоритет государственной политики. Стратегия «Узбекистан — 2030», принятая 11 сентября 2023 года, назвала создание новой системы образования одним из пяти

приоритетов, наряду с экономическим ростом, здравоохранением и социальной защитой. Указом Президента от 16 февраля 2026 года № УП-21 реформы выведены на новый этап, а прежний Указ о Стратегии утратил силу [1].

В тот же день Указом Президента № УП-22 утверждена Государственная программа по реализации Стратегии «Узбекистан — 2030», закрепившая персональную ответственность каждого министерства, ведомства и региона за достижение измеримых показателей [2].

В этих условиях прокурорский надзор нужен не только для выявления нарушений, он должен гарантировать, что реформы проводятся в рамках закона, а права обучающихся, их родителей и работников образования защищены. Специальных норм о полномочиях прокуроров именно в образовательной сфере закон о прокуратуре не содержит, однако, как будет показано ниже, узбекская доктрина и ведомственная практика уже выработали подходы к восполнению этого пробела.

Закон «О прокуратуре» не выделяет образование в отдельную сферу надзора. Оно охватывается двумя направлениями деятельности, перечисленными в ст. 4:

- надзор за исполнением законов министерствами, ведомствами, органами самоуправления граждан, общественными объединениями, предприятиями, учреждениями, организациями, хокимами и другими должностными лицами;
- надзор за исполнением законов, направленных на обеспечение прав и свобод гражданина [3].

Образовательные организации, органы управления образованием и хокимияты подпадают под первое направление как поднадзорные субъекты. Право на образование относится ко второму. Такая конструкция, по сути, дает прокурору «общий надзор» в образовании без специальных гарантий и особенностей. Российские авторы, напротив, рассматривают предмет надзора за соблюдением права на образование как проверку соблюдения поднадзорными органами конституционного права на образование. Приказ Генерального прокурора РФ от 13.12.2021 № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов» относит образование к одному из направлений более широкого предмета надзора за правами несовершеннолетних в целом, а не выделяет его как самостоятельный объект [4].

В Узбекистане действует структурно похожий подход: надзор за образованием реализуется не как отдельное направление деятельности прокуратуры, а как составная часть более широкого надзора за законодательством о несовершеннолетних, урегулированного ведомственным приказом Генерального прокурора.

Параллельно существует система государственного контроля. Закон «Об образовании» посвящает контролю главу 4 «Организация образовательной деятельности и осуществление ее контроля», где, в частности, предусмотрены мониторинг в системе образования и государственный контроль в области образования [5]. Основной формой государственного контроля Закон называет аттестацию образовательных организаций, направленную на оценку деятельности организаций и определение содержания, уровня и качества подготовки кадров в соответствии с государственными образовательными стандартами.

Таким образом, прокуратура действует наряду с ведомственным контролем и государственным контролем качества образования, не заменяя их.

Предметом надзора является исполнение законов поднадзорными субъектами и соответствие принимаемых ими актов Конституции и законам. В образовании это правовые акты министерств, хокимов и руководителей образовательных организаций: приказы о приеме, отчислении, оплате услуг, режиме работы. По статье 22 прокурор вправе беспрепятственно входить на территорию и в помещения организаций, иметь доступ к документам, проводить проверки, требовать решения, распоряжения, приказы и иные документы, а также устные и письменные объяснения. Он также вправе требовать от руководителей государственных органов проведения проверок и ревизий подведомственных организаций и выделения специалистов для ведомственных и вневедомственных проверок. Последнее особенно важно для образования: прокурор привлекает специалистов уполномоченных органов и инспекций к оценке качества, лицензионных требований и стандартов.

Проверка проводится на основании заявлений и иных сообщений о нарушениях, а также исходя из состояния законности (ст. 21). Требования прокурора, предъявленные в пределах компетенции, обязательны для исполнения, а обжалование не приостанавливает их исполнения (ст. 6).

Статья 23 запрещает вмешательство прокурора непосредственно в хозяйственную и иную деятельность, а также подмену органов ведомственного управления и контроля. В образовании это означает, что прокурор не оценивает качество преподавания и не принимает организационных решений вместо министерства или руководителя организации, но проверяет законность их решений. Эта грань в практике не всегда очевидна и является предметом обсуждения (см. раздел 5).

Специальная регламентация существует, но не выделяет образование как самостоятельный предмет. В отличие от того, что можно было бы предположить исходя из общих норм закона, в Узбекистане действует ведомственный акт, регулирующий надзор за правами несовершеннолетних: **приказ Генерального прокурора Республики Узбекистан от 11.09.2017 г. № 139 «О повышении эффективности деятельности по надзору за исполнением законодательства о несовершеннолетних»** [6]. Приказ устанавливает в качестве задач прокуратуры укрепление законности, обеспечение верховенства закона, защиту прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних, предупреждение и профилактику безнадзорности, беспризорности, правонарушений и преступности среди несовершеннолетних, выявление и устранение способствующих этому причин и условий, совершенствование форм и методов надзора. Он прямо охватывает сферу образования несовершеннолетних наряду со здравоохранением, социальной защитой, духовным и физическим развитием, защитой детей-сирот, а также законностью на стадии доследственной проверки и предварительного следствия.

Таким образом, узбекская модель структурно повторяет российскую (приказ Генпрокуратуры РФ № 744): образование не выделено в самостоятельный предмет надзора, а включено в более широкий надзор за правами несовершеннолетних. Это не отсутствие регламентации, как можно было бы заключить из одного лишь текста законов, а осознанный выбор конструкции — и именно эта конструкция становится предметом критики в узбекской доктрине.

Узбекские правоведы прямо указывают на проблему, вытекающую из описанной выше конструкции: отсутствие законодательного определения предмета надзора в сфере несовершеннолетних приводит к отсутствию единообразия в организации деятельности прокуратуры. Эта позиция перекликается с выводом российского автора А. С. Арутюняна о том, что отсутствие самостоятельного направления надзора за исполнением законов о несовершеннолетних препятствует обеспечению эффективного надзора за исполнением соответствующих нормативных актов. М. Бобоумарова, солидаризируясь с этой критикой, предлагает не ведомственное, а законодательное решение: включить в статью 4 Закона «О прокуратуре» надзор за исполнением законодательства о несовершеннолетних в качестве самостоятельного основного направления деятельности прокуратуры, а внутри него — отдельным элементом выделить надзор за исполнением законодательства в учреждениях общего среднего, среднего специального и профессионального образования [7]. Это отличается от простого издания ведомственного приказа (который, как показано выше, уже существует) — речь идет об изменении самого закона.

М. Бобоумарова формулирует ключевой для узбекской литературы тезис: гарантии, применяемые к несовершеннолетним школьного и студенческого возраста, должны определяться исходя из их **особого правового статуса**, а не общего режима надзора. Основанием для этого принципа служат международные документы: Конвенция ООН о правах ребенка, Факультативный протокол к ней о торговле детьми, детской проституции и детской порнографии, Конвенция МОТ № 182 о наихудших формах детского труда, Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия, Африканская хартия прав и благополучия ребенка. Автор также ссылается на опыт скандинавских стран (Норвегия, Швеция, Дания), где прокуроры, по ее данным, обладают широкими полномочиями по защите несовершеннолетних именно в силу признания их особого правового статуса.

Оценка роли прокурорского надзора в постсоветских странах в западной литературе носит более скептиче-

ский характер, чем в российской и узбекской доктрине, — причем скепсис касается не отдельных недостатков, а самой конструкции «общего надзора», на которой построена и статья 4 узбекского Закона «О прокуратуре». Классическая работа Гордона Б. Смита «The Soviet Prosecution and the Supervision of Administration» (1978) показывает, что функция общего надзора — проверка прокурором законности актов органов управления вне рамок уголовного процесса — исторически уникальна для российской имперской и советской традиции и не имеет прямого аналога в западных правовых системах, где надзор за законностью административных актов возложен на суды или специализированные административные органы [8]. Питер Х. Соломон-мл. в статье «Post-Soviet criminal justice: The persistence of distorted neo-inquisitorialism» (2015) приходит к выводу, что почти все постсоветские государства сохранили черты «искаженного неоинквизиционного» правосудия — чрезмерную власть следственных и надзорных органов при слабости судебного контроля над ними [9]. Из сопоставления этих позиций следует вывод, важный для раздела о совершенствовании законодательства: узбекская доктрина видит решение проблемы в законодательном закреплении и детализации надзора, тогда как западная традиция ставит под вопрос эффективность самого инструмента вне судебного контроля. Обе позиции не исключают друг друга: детализация надзора может быть полезна уже сейчас, но она не заменяет более фундаментального вопроса — есть ли у обучающихся и родителей путь оспорить решение образовательной организации напрямую в суде, помимо обращения к прокурору.

Полномочия прокуратуры в образовании выводятся из общих норм о надзоре за исполнением законов и за соблюдением прав и свобод граждан, но реализуются также через специальный, хотя и не выделенный в отдельное направление, ведомственный механизм надзора за законодательством о несовершеннолетних. Порядок осуществления полномочий подробно урегулирован, однако сама узбекская доктрина — указывает на отсутствие самостоятельного законодательного направления надзора как на структурную проблему, препятствующую единообразию правоприменения. Наиболее перспективными видятся законодательное закрепление надзора за образованием как самостоятельного направления, институционализация взаимодействия с органами государственного контроля по образцу Национальной комиссии по делам детей и более активное использование профилактических актов и исков в защиту прав детей — при том понимании, отмеченном западными исследователями, что расширение административно-надзорных полномочий само по себе не заменяет судебных гарантий защиты прав обучающихся.

Литература:

1. Указ Президента Республики Узбекистан от 16.02.2026 г. № УП-21. <https://lex.uz/ru/docs/8050774>
2. Указ Президента Республики Узбекистан от 16.02.2026 г. № УП-22 (Государственная программа по реализации Стратегии «Узбекистан — 2030»). <https://lex.uz/docs/8050793>

3. Закон Республики Узбекистан «О прокуратуре» от 9.12.1992 г., новая редакция от 29.08.2001 г. № 257-II. <https://lex.uz/ru/docs/105533>
4. Приказ Генпрокуратуры России от 13.12.2021 г. № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов». <https://legalacts.ru/doc/prikaz-genprokuratury-rossii-ot-13122021-n-744-ob-organizatsii/>
5. Закон Республики Узбекистан «Об образовании» от 23.09.2020 г. № ЗРУ-637. <https://www.lex.uz/uz/docs/5013009>
6. Приказ Генерального прокурора Республики Узбекистан от 11.09.2017 г. № 139 «О повышении эффективности деятельности по надзору за исполнением законодательства о несовершеннолетних»
7. Бобоумарова М. Умумий ўрта, ўрта махсус ва профессионал таълим муассасаларида қонунчилик ижроси устидан прокурор назоратининг жорий этилиши ва ҳуқуқий асослари // Фундаментал тадқиқотлар журналі. 2023. № 1(10). С. 123–131. DOI: 10.5281/zenodo.10051694.
8. Smith G. B. The Soviet Procuracy and the Supervision of Administration. Alphen aan den Rijn: Sijthoff & Noordhoff, 1978.
9. Solomon P. H., Jr. Post-Soviet criminal justice: The persistence of distorted neo-inquisitorialism // Theoretical Criminology. 2015. Vol. 19, No. 2.

Уголовная ответственность за нарушение миграционного законодательства в современных условиях: анализ правоприменения

Макарова Екатерина Викторовна, студент магистратуры
 Научный руководитель: Байбарин Андрей Андреевич, кандидат юридических наук, доцент
 Московский университет «Синергия»

Статья посвящена комплексному анализу уголовной ответственности за нарушение миграционного законодательства в условиях реформы 2024–2025 гг. На основе статистических данных Следственного комитета РФ, материалов судебной практики и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ (в ред. от 23.12.2025 № 43) исследуются проблемы квалификации преступлений, предусмотренных статьями 322, 322.1, 322.2, 322.3 УК РФ. Выявлены типичные ошибки правоприменения: избыточная квалификация действий собственников жилья по ст. 322.1 УК РФ, низкий порог установления признака организованной группы, неоднозначное применение примечаний об освобождении от ответственности, разрыв между строгостью санкций и фактическим назначаемым наказанием. Сформулированы предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: незаконная миграция, организация незаконной миграции, фиктивная регистрация, фиктивная постановка на учёт, уголовная ответственность, правоприменительная практика, квалификация преступлений.

Введение

Миграционная преступность в Российской Федерации демонстрирует устойчивую динамику роста. По данным Председателя Следственного комитета РФ А. И. Бастрыкина, в 2025 году иностранными гражданами и лицами без гражданства совершено 41 103 преступления — на 7 % больше, чем в 2024 году (38 578). При этом число преступлений, совершённых лицами, находящимися в РФ нелегально, выросло на 16 % (с 13 694 до 15 952). По данным Председателя Правительства РФ М. В. Миштина, около 840 тыс. иностранцев находятся на территории России нелегально.

Эти показатели стали прямым катализатором масштабной реформы уголовного законодательства, осуществлённой Федеральным законом от 09.11.2024 № 383-ФЗ, который внёс существенные изменения в статьи 322.1–322.3 УК РФ, и Федеральным законом от 09.11.2024 № 384-ФЗ, дополнившего ст. 63 УК РФ новымотягчающим обстоятельством — незаконное нахождение на территории

РФ. Федеральным законом от 09.11.2024 № 387-ФЗ ст. 104.1 УК РФ дополнена ст. 322.1, что допускает конфискацию имущества, полученного в результате организации незаконной миграции из корыстных побуждений. Соответствующие корректировки внесены и в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2020 № 18 (в ред. от 23.12.2025 № 43).

Актуальность исследования определяется необходимостью осмысления первых результатов применения новелл в правоприменительной практике и выявления сохранившихся проблем квалификации.

1. Законодательные новеллы 2024 года и их влияние на квалификацию

Федеральный закон № 383-ФЗ внёс следующие ключевые изменения.

По статье 322.1 УК РФ установлен минимальный предел лишения свободы: по ч. 1 — от 2 до 5 лет (ранее —

до 5 лет без нижнего предела), по ч. 2 — от 5 до 10 лет (ранее — до 7 лет). Введены новые квалифицирующие признаки: п. «в» — в целях совершения преступления на территории РФ либо с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение; п. «г» — с использованием поддельных документов, а равно с изъятием, сокрытием либо уничтожением документов, удостоверяющих личность; п. «д» — с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет». Признак организованной группы перенесён из ч. 2 в самостоятельную ч. 3 (от 8 до 15 лет).

По статьям 322.2 и 322.3 УК РФ максимальный срок лишения свободы увеличен с 3 до 5 лет, что изменило категорию преступлений с небольшой на среднюю тяжесть. Это повлияло на сроки давности (с 2 до 6 лет), порядок прекращения дел за примирением и возможности применения особого порядка.

Кроме того, ст. 104.1 УК РФ дополнена положением, согласно которому организация незаконной миграции отнесена к преступлениям, при совершении которых из корыстных побуждений возможна конфискация имущества, полученного в результате преступления.

2. Проблемы квалификации организации незаконной миграции (ст. 322.1 УК РФ)

2.1. Разграничение со статьями 322.2 и 322.3 УК РФ

Одна из наиболее острых проблем правоприменения — разграничение организации незаконной миграции и фиктивной регистрации (постановки на учёт). Пленум ВС РФ в п. 8 Постановления № 18 разъяснил: если действия лица состоят только в фиктивной регистрации (постановке на учёт), содеянное квалифицируется по ст. 322.2 или ст. 322.3 УК РФ без дополнительной квалификации по ст. 322.1. Если же организация незаконной миграции наряду с другими действиями включает фиктивную регистрацию, содеянное квалифицируется по совокупности.

Несмотря на эти разъяснения, анализ приговоров районных судов за 2024–2026 гг. выявляет две крайности.

Избыточная квалификация. Следственные органы вменяют собственнику жилья ст. 322.1 УК РФ, чтобы обеспечить возможность избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. Типичный пример: гражданин зарегистрировал в своей квартире 10 граждан Узбекистана за ежемесячную плату, лично посещая МФЦ с документами. Органы следствия квалифицировали действия по п. «а» ч. 2 ст. 322.1 УК РФ. Кассационный суд переквалифицировал действия на ст. 322.2 УК РФ, указав, что «создание видимость законного пребывания путём самой регистрации охватывается диспозицией статьи 322.2 и не образует самостоятельного состава организации миграции».

Недооценка системности. Обратная ситуация — в делах о «резиновых квартирах», где счёт зарегистрированных идёт на сотни. Суды иногда ограничиваются ст. 322.2, рассматривая каждый акт регистрации как от-

дельное преступление средней тяжести. Между тем такая деятельность обладает признаками профессиональной организованной группы (распределение ролей: курьеры, операторы колл-центров, пособники в МФЦ), что требует применения ст. 322.1 УК РФ.

Для корректной квалификации необходимо анализировать объективную сторону через следующие критерии: обеспечивал ли обвиняемый въезд мигрантов в РФ, поддельывал ли визы, руководил ли их перемещением, либо его действия ограничились исключительно предоставлением адреса для регистрации.

2.2. Низкий порог установления признака организованной группы

Анализ судебной практики по делам 2022–2025 гг. показывает, что суды устанавливают признак организованной группы при минимальном количестве участников — 2–3 человека. Достаточно распределения ролей (организатор — «номинальный» собственник — куратор), устойчивости связей и систематичности действий. При этом «номинальный» собственник, подписавший фиктивные документы за символическое вознаграждение (от 500 до 10 000 руб.), также квалифицируется как участник организованной группы.

После вступления в силу ч. 3 ст. 322.1 УК РФ (от 8 до 15 лет лишения свободы) эта проблема приобрела особую остроту: деяние, ранее квалифицировавшееся по п. «а» ч. 2 (до 7 лет), теперь подпадает под ч. 3 (от 8 до 15 лет), что несоразмерно общественной опасности действий рядовых участников схемы.

2.3. Момент окончания и квалификация многоэпизодных деяний

Пленум ВС РФ в п. 7 Постановления № 18 разъяснил, что организация незаконной миграции квалифицируется как оконченное преступление с момента умышленного создания виновным условий для осуществления иностранцами хотя бы одного из незаконных действий, перечисленных в ст. 322.1 УК РФ, независимо от того, совершены ли они фактически.

Согласно п. 9 Постановления, создание с единым умыслом условий для нескольких нарушений миграционного законодательства квалифицируется как одно преступление. Однако защита систематически ссылается на этот пункт, требуя переквалификации совокупности эпизодов на единое продолжаемое преступление. Суды в большинстве случаев отклоняют эти доводы, если эпизоды разделены во времени и охватывают разных лиц.

Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 16 декабря 2025 г. № 77–3893/2025 по делу осуждённой Ш. (16 эпизодов по ч. 1 ст. 322.1 и 4 эпизода по ч. 2) подтвердило, что момент окончания преступления определяется с момента совершения незаконных действий, создающих условия для пребы-

вания иностранцев, а не с момента фактического истечения их законного срока нахождения.

3. Фиктивная регистрация и фиктивная постановка на учёт: проблемы доказывания и применения примечаний

3.1. Доказывание прямого умысла

Определение Конституционного Суда РФ от 25.04.2024 № 872-О подтвердило, что ст. 322.2 УК РФ не содержит неопределённости: преступление совершается только с прямым умыслом, субъект должен осознавать недостоверность представленных сведений.

Суды кассационной инстанции ориентируются на косвенные признаки умысла:

- отсутствие передачи ключей от жилого помещения, непредоставление спального места или предметов быта — расценивается как доказательство отсутствия намерения предоставить жильё;

- масштаб деятельности — регистрация более 10–15 человек в однокомнатной квартире физически исключает версию о родственной помощи;

- корыстная составляющая — наличие расписок, банковских переводов или переписки о получении платы за «прописку»;

- осведомлённость о статусе иностранца — если принимающая сторона знала о просроченной визе или патенте, но оформляла уведомление о прибытии.

Приговором Бабушкинского районного суда г. Москвы от 17 февраля 2025 г. подсудимая Абросимова О. Н. осуждена по ст. 322.2 УК РФ за фиктивную регистрацию иностранного гражданина по месту жительства без намерения предоставить жилое помещение. Суд применил ст. 64 УК РФ и назначил наказание ниже низшего предела в виде штрафа, учитывая наличие двух малолетних детей, положительные характеристики и полное признание вины.

3.2. Малозначительность (ч. 2 ст. 14 УК РФ)

Пленум ВС РФ (п. 18) разъясняет, что при оценке действий по ст. 322.1 (без квалифицирующих признаков) либо ст. 322.2, 322.3 судам необходимо учитывать положения ч. 2 ст. 14 УК РФ. Критерий — мотив, цель и отношения с лицом, в связи с которым нарушено миграционное законодательство. Фиктивная регистрация близкого родственника может признаваться малозначительной.

3.3. Применение примечаний об освобождении от ответственности

Отсутствует единый подход к оценке «способствования раскрытию преступления» в примечаниях к ст. 322.2 и 322.3 УК РФ. Постановлением Пленума ВС РФ от 23.12.2025 № 43 п. 17 Постановления № 18 дополнен важным разъяснением: «Признание лицом своей вины

в совершении преступления, предусмотренного статьёй 322.2 или 322.3 УК РФ, не связанное с оказанием содействия органам предварительного расследования в установлении неизвестных им обстоятельств, подлежащих доказыванию, или иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, не может признаваться способствованием раскрытию преступления».

Постановлением мирового судьи судебного участка № 118 Центрального района г. Тольятти (2023 г.) уголовное дело прекращено на основании п. 2 примечания к ст. 322.3 УК РФ. Прокурор оспорил решение, указав, что лицо было вызвано в полицию, а не обратилось добровольно. Апелляционная инстанция, однако, оставила постановление без изменения, признав явку с повинной, признательные показания и предоставление квартиры для осмотра достаточными для способствования раскрытию.

Иной подход демонстрирует постановление суда от 28 апреля 2025 г. по делу о фиктивной регистрации: уголовное дело прекращено на основании примечания к ст. 322.2 УК РФ, суд установил, что подсудимый до возбуждения уголовного дела давал подробные объяснения, сообщив время, место, способ совершения преступления.

Кассационная практика также неоднородна. Постановление Восьмого кассационного суда от 12 марта 2025 г. № 77–937/2025: отказ в освобождении от ответственности, поскольку обвиняемый не способствовал раскрытию — признаки преступления были обнаружены сотрудниками правоохранительных органов.

4. Новая тенденция: конфискация имущества

С 20 ноября 2024 г. ст. 104.1 УК РФ дополнена ст. 322.1. Конфискация применяется лишь при условии совершения преступления из корыстных побуждений. Деньги, ценности и иное имущество, полученные от организации незаконной миграции, совершённой из корыстных побуждений, подлежат конфискации в доход государства.

Это нововведение имеет важное превентивное значение: ранее единственным имущественным последствием был штраф, размер которого (до 500 тыс. руб. по ч. 1, до 1 млн руб. по ч. 2) зачастую несоизмерим доходам, получаемым организаторами незаконной миграции. Введение конфискации позволяет эффективнее воздействовать на экономическую мотивацию преступной деятельности.

5. Разрыв между санкцией и фактическим наказанием

По данным судебной статистики за 2023 г., по ч. 1 ст. 322.1 УК РФ осуждены 354 человека (в 2022 г. — 247, рост на 43 %), по ч. 2 ст. 322.1 УК РФ — 525 человек (в 2022 г. — 444, рост на 18 %). При этом по ч. 1 ст. 322.1 назначение реального лишения свободы составило 31 случай, условно осуждены — 220, штраф — 99. По ч. 2 ст. 322.1 реальное лишение свободы назначено 135 лицам, условно — 358.

По состоянию на 2024 г. доля условных сроков по ст. 322.1 УК РФ составила около 89 %, что свидетельствует о значительном разрыве между строгостью санкции и реальным карательным ответом. После ужесточения санкций Законом № 383-ФЗ установление минимального предела лишения свободы (2 года по ч. 1, 5 лет по ч. 2) существенно ограничило возможность назначения условного осуждения, однако при наличии смягчающих обстоятельств (явка с повинной, активное содействие раскрытию, наличие малолетних детей) суды по-прежнему применяют ст. 73 УК РФ.

6. Предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики

На основе проведённого анализа сформулированы следующие предложения:

— Дополнить ст. 322.1 УК РФ примечанием с легальным определением понятия «организация незаконной миграции», что позволит устранить неоднозначность толкования признака «организация» и разграничить со смежными составами.

— Ввести административную преюдицию в статьи 322.2 и 322.3 УК РФ: привлекать к уголовной ответственности за фиктивную регистрацию (постановку на учёт) только при повторном совершении деяния в течение года после привлечения к административной ответственности, что позволит разграничить малозначительные и систематические нарушения.

— Дополнить Постановление Пленума ВС РФ № 18 разъяснением о критериях отграничения организованной группы от группы лиц по предварительному сговору в контексте миграционных преступлений, указав на необходимость установления признаков устойчивости, ор-

ганизованности и систематичности, а не простого распределения ролей.

— Унифицировать подход к применению примечаний к ст. 322.2 и 322.3 УК РФ, установив в Постановлении Пленума ВС РФ примерный перечень действий, которые могут признаваться «способствованием раскрытию преступления».

— Рассмотреть вопрос о декриминализации фиктивной регистрации близких родственников (супруга, детей, родителей) при отсутствии корыстного мотива, отнеся такие деяния к малозначительным в силу ч. 2 ст. 14 УК РФ.

Заключение

Реформа уголовного законодательства в сфере миграции, осуществлённая в 2024–2025 гг., представляет собой наиболее масштабное изменение норм о миграционных преступлениях с момента их введения в УК РФ. Введение минимальных пределов лишения свободы, новых квалифицирующих признаков, самостоятельной ч. 3 ст. 322.1 УК РФ, а также конфискации имущества свидетельствует о стремлении законодателя повысить превентивный эффект уголовно-правового запрета.

Однако, как показал анализ правоприменительной практики, сохраняются существенные проблемы: избыточная квалификация по ст. 322.1 УК РФ при отсутствии признаков организации, низкий порог установления организованной группы, неоднозначное применение примечаний об освобождении от ответственности, а также разрыв между санкцией и фактическим наказанием.

Решение выявленных проблем требует комплексного подхода, включающего как доктринальное осмысление новых норм, так и формирование единообразной судебной практики на основе обновлённых разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: в ред. от 09.11.2024 № 383-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 9 нояб. 2024 г. № 383-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
4. О внесении изменений в статью 63 Уголовного кодекса Российской Федерации: федер. закон от 9 нояб. 2024 г. № 384-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
5. О внесении изменений в статью 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: федер. закон от 9 нояб. 2024 г. № 387-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ: в ред. от 28.02.2026 // СПС «КонсультантПлюс».
7. О миграционном учёте иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации: федер. закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ: в ред. от 28.02.2026 // СПС «КонсультантПлюс».
8. О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2020 г. № 18: в ред. постановления Пленума от 23 дек. 2025 г. № 43 // СПС «КонсультантПлюс».

9. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Грушкина В. В. на нарушение его конституционных прав статей 322.2 Уголовного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 25 апр. 2024 г. № 872-О // СПС «КонсультантПлюс».
10. Об утверждении Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // СПС «КонсультантПлюс».
11. Акименко, П. А. Противодействие незаконной миграции: проблемы и перспективы ужесточения уголовного законодательства / П. А. Акименко // Судебная экспертиза и исследования. — 2026. — № 1. — С. 7–11.
12. Акименко, П. А. Пробелы и коллизии уголовного законодательства в сфере противодействия незаконной миграции / П. А. Акименко // Криминологический журнал. — 2026. — № 1. — С. 9–13.
13. Акименко, П. А. Уголовная ответственность за нарушения миграционного законодательства гражданами Российской Федерации, иностранными гражданами и лицами без гражданства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Акименко Павел Александрович. — Москва, 2020. — 27 с.
14. Борисов, С. В. Конституционно-правовые основы и проблемы установления и реализации уголовной ответственности за нарушения миграционного законодательства / С. В. Борисов, Н. Л. Денисов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. — 2021. — № 2. — С. 64–74.
15. Бондарева, А. А. Преступления в сфере нарушения миграционного законодательства и особенности их расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Бондарева Алина Александровна. — Москва, 2023. — 26 с.
16. Байбурина, Э. Р. Организация незаконной миграции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Байбурина Эльвира Равиловна. — Челябинск, 2010. — 25 с.
17. Гадирова, Б. И. Уголовно-правовая характеристика преступности мигрантов / Б. И. Гадирова // Молодой учёный. — 2025. — № 21 (572). — С. 207–209.
18. Джаржанов, А. М. Противодействие незаконной миграции: проблемы безопасности и правообразования / А. М. Джаржанов // Актуальные исследования. — 2023. — № 38 (168). Ч. I. — С. 50–53.
19. Елисеев, М. А. Уголовно-правовые меры противодействия незаконной миграции (компаративное исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Елисеев Михаил Алексеевич. — Москва, 2019. — 26 с.
20. Исмаилов, Б. Б. Объективная сторона организации незаконной миграции / Б. Б. Исмаилов // Евразийский юридический журнал. — 2022. — Т. 12, № 10А. — С. 125–132.
21. Калашников, И. В. Криминологическая оценка преступлений, связанных с незаконной миграцией / И. В. Калашников, Н. Л. Денисов // Криминологический журнал. — 2025. — № 4. — С. 189–195.
22. Кечеруков, Р. К. Организация незаконной миграции: уголовно-правовой и криминологический анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Кечеруков Руслан Кимович. — Краснодар, 2009. — 24 с.
23. Коршунова, В. А. Проблемы противодействия незаконной миграции в Российской Федерации (уголовно-правовой аспект) / В. А. Коршунова // Молодой учёный. — 2023. — № 43 (490). — С. 139–141.
24. Лайкова, Е. А. Уголовная ответственность за преступления против порядка регистрационного и миграционного учёта: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Лайкова Елена Александровна. — Саратов, 2021. — 26 с.
25. Мазуров, П. Ю. Незаконная миграция: реалии и перспективы уголовно-правового противодействия / П. Ю. Мазуров // Новый юридический вестник. — 2025. — № 5 (47). — С. 23–25.
26. Махмутова, Л. Д. Деятельность органов внутренних дел по предупреждению преступлений, связанных с незаконной миграцией: дис. ... канд. юрид. наук / Махмутова Ляйсан Динаровна. — Казань, 2023. — 212 с.
27. Романов, Т. Н. Преступность иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук / Романов Тимур Николаевич. — Москва, 2026. — 230 с.
28. Романовский, В. Г. Уголовная ответственность за незаконную миграцию в России и за рубежом / В. Г. Романовский // Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире: материалы конференции. — Пенза, 2024.
29. Тараненко, В. В. Современные проблемы установления и реализации мер уголовной ответственности за нарушения миграционного законодательства / В. В. Тараненко // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2022. — № 3.
30. Урда, М. Н. Проблемы дифференциации ответственности за содействие незаконной миграции в свете Постановления Пленума Верховного Суда РФ о квалификации миграционных преступлений / М. Н. Урда // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. — 2022. — Т. 12, № 1. — С. 158–165.
31. Фоменко, Д. Д. Организация незаконной миграции в контексте российского, международного и зарубежного опыта криминализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Фоменко Данил Дмитриевич. — Краснодар, 2022. — 25 с.
32. Шарипов, П. М. Новеллы законодательства, ужесточающие наказание за организацию незаконной миграции в Российской Федерации / П. М. Шарипов // Криминологический журнал. — 2025. — № 4. — С. 184–188.
33. Квалификация действий, связанных с организацией незаконной миграции (ст. 322.1 УК РФ) // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2022. — № 2.

34. Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 16 дек. 2025 г. № 77–3893/2025: текст документа // СПС «КонсультантПлюс».

Соотношение понятий «принудительный труд» и «рабский труд» в международном и национальном праве

Миронова Надежда Алексеевна, студент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье проводится подробный разбор понятий «принудительный труд» и «рабство» через анализ международного и национального права, выявлены отличия двух понятий, а также несоответствие норм национального права международным нормам.

Полное определение понятия «принудительный труд» содержится в ст. 2 Конвенции № 29 Международной организации труда (с изм. от 11.06.2014) «Относительно принудительного или обязательного труда» (принята в г. Женеве 28.06.1930 на 14-й сессии Генеральной конференции МОТ) [1]. Согласно этому документу, «принудительный или обязательный труд означает всякую работу или службу, требуемую от какого-либо лица под угрозой какого-либо наказания и для которой это лицо не предложило добровольно своих услуг». Это определение содержит 3 элемента, подробно рассмотрев которые, можно более детально раскрыть сущность изучаемого понятия. Первый элемент — «всякая работа или служба» подразумевает работу или услугу в любой деятельности, отрасли или секторе, включая любую экономическую деятельность по производству товаров и услуг, которая не зарегистрирована официально и скрывается от государственного контроля и налогообложения. Второй элемент — «угроза какого-либо наказания» относится к ситуациям, в которых людей принуждают к работе с применением насилия, запугивания, удержания документов, угрозы доноса, манипулирования и другими противоправными действиями. Наказание, которое упоминается в определении, также может иметь форму лишения прав и привилегий. Не имеет значения для каких целей применяется угроза или насилие, это могут быть поддержание трудовой дисциплины, в качестве меры ответственности за участие в забастовке; в качестве средства мобилизации и использования рабочей силы для нужд экономического развития; в качестве меры наказания за наличие или выражение политических взглядов или идеологических убеждений, противоположных установленной политической, социальной или экономической системе; в качестве меры дискриминации по признакам расовой, социальной, национальной или религиозной принадлежности и др.

Третий элемент определения — вынужденность, из — за которой работник соглашается на работу не добровольно в силу каких — либо обстоятельств. Вы-

нужденность возникает тогда, когда у работника отнимают реальную возможность отказаться от работы или уйти от работодателя. Эксперты Международной организации труда (МОТ) выделяют несколько основных механизмов, с помощью которых работодатели искусственно создают условия вынужденности. К ним относится долговая кабала: работнику предоставляется заем или аванс, который он вынужден отрабатывать, при этом условия (завышенные проценты, заниженная плата) меняются так, что долг невозможно выплатить, удержание документов: изъятие паспортов или трудовых книжек лишает человека свободы передвижения и возможности легально устроиться в другое место, угрозы и насилие: прямое физическое насилие, психологическое давление или угрозы депортации (в отношении нелегальных мигрантов) и обращения в полицию, задержка заработной платы: работодатель систематически не выплачивает деньги, из-за чего работник вынужден оставаться на месте в надежде получить заработанное, изоляция: ограничение контактов с внешним миром (работа в удаленных районах, на закрытых объектах, изъятие средств связи). Иными словами, вышеперечисленные механизмы возникновения вынужденности являются прямыми проявлениями принудительного труда, выраженными действиями в отношении трудящегося. Также при указании вынужденности как элемента определения «принудительный труд» стоит отграничить экономическую вынужденность (необходимый труд) и принудительный труд. Речь идет об экономической вынужденности (бедности), когда человек соглашается на тяжелую, низкооплачиваемую или вредную работу просто потому, что на рынке нет других вакансий, а ему нужно кормить семью — это не считается принудительным трудом в юридическом смысле (если права работника не нарушаются искусственно). Правовая характеристика принудительного труда заключается в том, что им является работа, выполняемая не по добровольно принятому обязательству, а под влиянием возможности приме-

нения наказания. Требовать выполнения принудительного труда может только полномочный субъект, то есть тот, кто наделен правом применения мер уголовно-правового, административно правового, дисциплинарного, имущественного или иного подобного характера по отношению принуждаемому.

Если провести сравнительный анализ определения, содержащегося в Конвенции МОТ и определения, содержащегося в Трудовом Кодексе РФ [2], то можно заметить, что в российском законодательстве формулировка «Принудительный труд — выполнение работы под угрозой применения какого-либо наказания (насильственного воздействия), в том числе:» отличается отсутствием приставки «или обязательный труд», то есть происходит усечение самого понятия «принудительный или обязательный труд», а также отсутствует формулировка «лицо не предложило добровольно своих услуг». Однако, в ТК РФ указано больше форм проявления принудительного труда, чем в Конвенции МОТ, такие как: нарушение установленных сроков выплаты заработной платы или выплату не в полном размер и возникновение непосредственной угрозы для жизни и здоровья работника вследствие нарушения требований охраны труда, в частности необеспечения его средствами коллективной или индивидуальной защиты в соответствии с установленными нормами. То есть, в ТК РФ расширил перечень форм проявления принудительного труда, тем самым выйдя за пределы, установленные международными нормами.

По поводу первого приведенного отличия, Бриллиантова Н. А., Архипов В. В. в своей работе «Как соблюдаются в России международные нормы о запрете принудительного и обязательного труда» отмечают, что стоит разграничить понятия принудительного и обязательного труда [3]. По мнению авторов, в основе обоих понятий лежит обязанное или необязанное лицо и, наличие и отсутствия угрозы наказания и насильственных действий. То есть «обязательный труд — это исполнение какой-либо работы при обстоятельствах, которые не позволяли согласовать ее условия, то есть они определяются для обязанного лица в одностороннем порядке», а «принудительный труд — это исполнение какой-либо работы как необязанным, так и обязанным лицом, которое знает, что отказ от ее выполнения породит насильственные физические действия против его личности или меры воздействия на его психику». В свою очередь, данные определения имеют свои недостатки. Например, является ли труд принудительным, если нарушение сроков выплаты заработной платы случилось ввиду отсутствия у работодателя денежных средств? В буквальном смысле Трудовой кодекс дает на него положительный ответ, а с другой стороны, вызывает недоумение, тем самым уже со следующего дня после дня невыплаты заработной платы можно говорить о принудительном труде. В данном случае, расширительное толкование понятия принудительного труда становится неэффективно, так как не соотносится с нормами международного права.

Российский вариант определения «принудительный труд» также не содержит такого признака принудительного труда, который закреплен в конвенциях МОТ, как отсутствие добровольного волеизъявления лица на выполнение работы. По мнению ученых, без этого указания смысл легального определения принудительного труда теряется. Если принудительный труд — это просто работа под угрозой какого-либо наказания, то к нему можно отнести любую работу по трудовому договору, ведь если работник не будет выполнять свои трудовые обязанности без уважительных причин, он может быть подвергнут дисциплинарному наказанию». Кроме того, отсутствие этого признака не дает возможность признать принудительным трудом некоторые случаи, которые явно являются таковыми. Например, в обзоре Комитета экспертов по применению конвенций и рекомендаций МОТ 2007 г. [4] указывается, что отсутствие добровольного предложения услуг имеет место и в ситуациях, когда, работники-мигранты были вовлечены путем обмана, ложных обещаний и незаконного удержания документов или вынуждены оставаться в распоряжении работодателя.

Далее подробно рассмотрим понятие «рабство». В международном праве рабство определяется как состояние или положение человека, в отношении которого осуществляются некоторые или все полномочия, присущие праву собственности. Владение — это юридически обеспеченная возможность осуществлять фактическое обладание имуществом (иметь его у себя). Применительно к рабству, это удержание человека силой и ограничение его передвижение, человек, совершающий преступление считает себя владельцем другого человека. Пользование — это возможность извлекать из имущества его полезные свойства, использовать его по назначению, то есть это использование труда человека бесплатно, против его воли. Распоряжение — это возможность определять юридическую и фактическую судьбу имущества (продавать, дарить, завещать, сдавать в залог или уничтожать). Текущая экономика полна примеров, где человек становится вещью, которую можно подарить или купить. Это классическое определение закреплено в Конвенции о рабстве 1926 года [5], принятой Лигой Наций, и подтверждено последующими международными актами: Всеобщей декларацией прав человека (1948 год) [6]. В статье 4 провозглашено, что никто не должен содержаться в рабстве или подневольном состоянии, а рабство и работорговля запрещаются во всех их видах. Дополнительная конвенция об упразднении рабства, работорговли и институтов, и практик, сходных с рабством (1956 год) расширила понятие, включив в него аналогичные практики. Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 год) в статье 8 закрепил абсолютный запрет рабства и работорговли (данное право не подлежит ограничению даже в условиях чрезвычайного положения) [7]. Римский статут Международного уголовного суда классифицирует порабощение как преступление против человеч-

ности, если оно совершается в рамках масштабного или систематического нападения на гражданское население. Что касается понимания «рабства» в национальном праве, здесь следует обратиться к ст. 127.2 УК РФ «Использование рабского труда» [8], в которой рабским трудом признается использование труда человека, в отношении которого осуществляются полномочия, присущие праву собственности» Речь идет о ситуациях, когда над человеком властвуют, распоряжаются его личной свободой, продают, удерживают силой или принуждают к работе. Это происходит в случае, если потерпевший по не зависящим от него причинам не может отказаться от выполнения работ (например, изъятия документов, долгов, угроз насилия или физического удержания). Обязательным условием для рабского труда в российском законодательстве является извлечение виновным выгод (в первую очередь выгод материального характера) посредством использования труда человека, в отношении которого осуществляются полномочия, присущие атрибутам права собственности (пользование, владение, распоряжение). Также отсутствие у потерпевшего возможности отказаться от выполнения работ (услуг), которые использует виновный. Именно отсутствие такой возможности характеризует труд подневольного человека как рабский.

Согласно ст. 1 Дополнительной конвенции 1956 г. об упразднении рабства, работорговли, институтов и обычаев, сходных с рабством, к видам рабства относятся, в частности: долговая кабала, крепостное состояние, иные сходные с рабством институты и обычаи. Долговая кабала — положение или состояние, возникающее вследствие заклада должником в обеспечение долга своего личного труда или труда зависимого от него лица, если определенная в надлежащем порядке ценность выполняемой работы не засчитывается в погашение долга или если продолжительность этой работы не ограничена каким-либо сроком и характер ее не определен. Крепостное состояние — это такое пользование землей, при котором пользователь обязан по закону, обычаю или соглашению жить и работать на земле, принадлежащей другому лицу, выполнять определенную работу для этого лица за вознаграждение или без такового и не может изменить это свое состояние. Иные виды рабского труда также связаны с сексуальной или иной эксплуатацией физических или интеллектуальных способностей человека, не имеющего по не зависящим от него причинам возможности отказаться от выполнения работ (услуг) на кабальных условиях.

Также в российском праве отдельно выделена Статья 127.1 УК РФ («Торговля людьми»), которая охватывает куплю-продажу человека или совершение иных сделок, целью которых является его эксплуатация (включая рабский труд).

Исходя из подробного анализа двух понятий, можно выделить следующие принципиальные отличия:

1. Степень контроля над личностью: рабство означает полное право собственности одного человека на другого, тогда как принудительный труд представляет собой при-

нуждение к работе под угрозой наказания, но без полного юридического владения человеком.

2. Правовой статус: при рабстве человек юридически признается вещью или собственностью хозяина, который распоряжается его жизнью и имуществом. При принудительном труде у человека сохраняется формальный гражданский статус, но его заставляют работать против воли.

3. Объем ограничений: рабство уничтожает практически все личные и гражданские права. Принудительный труд может ограничивать свободу труда и передвижения, но не превращает человека в неделимую собственность на все случаи жизни.

4. Международное право (включая конвенции МОТ) четко определяет, что не всякое принуждение является рабством или запрещенным трудом — существуют законные исключения (например, военная служба, работа по приговору суда). Рабство же неправомерно и абсолютно запрещено в любых формах и при любых обстоятельствах

В подведении итогов подчеркнем, что рабство и рабский труд — это частные, наиболее тяжелые формы принудительного труда. Любое рабство включает принудительный труд, но не каждый случай принудительного труда является классическим рабством. Принудительный труд — это любая работа или услуга, которую требуют от человека под угрозой наказания и на которую он не давал добровольного согласия. Международное право допускает исключения (например, военную службу или работу по приговору суда). Рабство — это состояние, при котором над человеком осуществляются полномочия, присущие праву собственности. Оно запрещено международными конвенциями абсолютно и без каких-либо исключений.

Различие двух понятий имеет принципиальное значение. В уголовном праве (например, ст. 127.2 УК РФ «Использование рабского труда» и нормы, пресекающие незаконное принуждение к труду) состав преступления, степень тяжести и доказательная база различаются. Следователям и судам необходимо точно устанавливать форму зависимости (право собственности на человека против внеправового принуждения и угроз). Понимание точной формы эксплуатации позволяет государствам и международным организациям вырабатывать правильные инструменты защиты — от инспекций труда и миграционного контроля до жестких мер уголовного преследования за работорговлю.

Следует согласиться с тем, что понятие принудительного труда шире, оно включает в себя не только рабский труд, тогда как любой рабский труд является принудительным.

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что понимание отличий между смежными понятиями играет решающую роль для юристов при изучении и применении теоретических знаний, а также для разбора конкретных дел в юридической практике.

Литература:

1. Конвенция № 29 Международной организации труда «О принудительном или обязательном труде» (Принята в г. Женеве 28.06.1930 на 14-й сессии Генеральной конференции МОТ) // Международная организация труда. Конвенции и рекомендации. 1919–1956. Т. I. — Женева: Международное бюро труда, 1991.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 25.05.2026) // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1. Ст. 3. Ст. 4.
3. Бриллиантова Н. А., Архипов В. В. «Как соблюдаются в России международные нормы о запрете принудительного и обязательного труда» // Справочная правовая система КонсультантПлюс URL: <https://www.consultant.ru/>
4. Применение конвенций и рекомендаций: Доклад Комитета экспертов по применению конвенций и рекомендаций (статьи 19, 22 и 35 Устава) / Международная организация труда, Международная конференция труда, 96-я сессия, 2007 г. — Женева: МБТ, 2007. — Доклад III (Часть 1А). — 578 с.
5. Конвенция относительно рабства (Женева, 25 сентября 1926 г.) [с изм. от 7 декабря 1953 г.] // Собрание действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. — Вып. XIV. — М., 1957. — С. 415–420.
6. Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 дек. 1948 г. // Российская газета. — 1995. — 5
7. Дополнительная конвенция об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством: [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/supplementconvention_slavery.shtml (дата обращения: 07.09.2026).
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от [04.08.2026]) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954. Ст. 127.2.
9. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / ответственные редакторы А. В. Наумов, А. Г. Кибальник. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 564 с. — (Высшее образование). — ISBN 978–5–534–18550–8. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. с. 1 — URL: <https://urait.ru/bcode/585633/p.1> (дата обращения: 07.09.2026).

Правовые и организационно-методические основы участия прокурора в административном судопроизводстве

Монгуш Ангелина Хереловна, студент магистратуры

Научный руководитель: Аникин Сергей Борисович, доктор юридических наук, профессор

Саратовская государственная юридическая академия

Исследуются действующие правовые и организационно-методические основы участия прокурора в административном судопроизводстве. Раскрывается содержание двух базовых форм реализации прокурором процессуальных полномочий — обращения в суд с административным иском и вступления в процесс для дачи заключения. Отдельное внимание уделено современному ведомственному регулированию, требованиям к подготовке административного иска, организации взаимодействия между подразделениями прокуратуры и оценке результативности судебной защиты. На основе актуальных нормативных актов, разъяснений Верховного Суда Российской Федерации и официальных данных Генеральной прокуратуры Российской Федерации сформулированы предложения по совершенствованию методического обеспечения данной деятельности.

Ключевые слова: административное судопроизводство, прокурор, административный иск, заключение прокурора, публичный интерес, процессуальный статус, организационно-методическое обеспечение, судебная защита.

Актуальность. Участие прокурора в административном судопроизводстве связано с реализацией публичной функции по обеспечению законности и судебной защите прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц и публично-правовых образований. Специфика административных дел обусловлена тем, что спор возникает в сфере публичных правоотно-

шений, где одна из сторон, как правило, обладает властными полномочиями. В подобных условиях прокурорская деятельность дополняет механизмы индивидуальной судебной защиты и позволяет реагировать на нарушения, затрагивающие общественно значимые интересы [1; 2].

Современное состояние данного института требует анализа не только норм Кодекса административного су-

допроизводства Российской Федерации, но и ведомственных организационных требований. Существенное значение имеет обновление нормативной базы органов прокуратуры: приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 10.07.2017 № 475, использованный в прежней редакции исследования, утратил силу. В настоящее время вопросы организации участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве регулируются приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 11.01.2021 № 2 [3]. Это обстоятельство принципиально для корректного определения действующих организационно-методических ориентиров.

Правовые основы участия прокурора в административном судопроизводстве

Нормативное регулирование участия прокурора имеет многоуровневый характер. Общие цели деятельности прокуратуры закреплены Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации», а процессуальные возможности прокурора непосредственно определены прежде всего статьей 39 КАС РФ. Согласно ее положениям прокурор вправе обратиться в суд с административным иском заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц, а также интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований. При защите конкретного гражданина действует специальное условие: административный иск прокурора допустим, когда гражданин по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности либо по иным уважительным причинам не может самостоятельно обратиться в суд [1].

Процессуальное положение прокурора, инициировавшего административное дело, не тождественно материально-правовому положению административного истца. Часть 4 статьи 39 КАС РФ устанавливает, что прокурор пользуется процессуальными правами и несет процессуальные обязанности административного истца, однако не обладает правом на заключение соглашения о примирении и не несет обязанности по уплате судебных расходов. Такая конструкция отражает отсутствие у прокурора собственного материального притязания к административному ответчику и одновременно предоставляет ему необходимый объем процессуальных средств для поддержания заявленного требования [1; 7].

Второй формой участия является вступление прокурора в уже возникший судебный процесс для дачи заключения. Такая форма применяется в случаях, прямо предусмотренных КАС РФ и иными федеральными законами. Кодекс предусматривает участие прокурора, в частности, по отдельным категориям дел, связанным с административным надзором, недобровольной госпитализацией, психиатрическим освидетельствованием, госпитализацией в медицинскую противотуберкулезную организацию и защитой интересов несовершеннолетних. Если административное дело возбуждено на основании иска самого прокурора, заключение по нему прокурором не дается [1].

Разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации конкретизируют требования к инициированию дела прокурором. Административное исковое заявление и приложения должны отвечать специальным требованиям КАС РФ, включая подтверждение направления другим участникам процесса копий заявления и отсутствующих у них документов. Верховный Суд также разъясняет последствия отказа прокурора от иска, предъявленного в защиту другого лица: дальнейшая судьба дела зависит от позиции лица, в интересах которого было заявлено требование [4].

Организационно-методическое обеспечение судебной деятельности прокурора

Организационно-методический компонент участия прокурора охватывает распределение компетенции, подготовку процессуальных документов, взаимодействие структурных подразделений, информационно-аналитическое сопровождение и контроль качества судебной работы. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации № 2 определяет в качестве задач прокурора защиту и реальное восстановление нарушенных прав и законных интересов, а также обеспечение законности на стадиях гражданского и административного судопроизводства [3].

Практическая подготовка к административному делу предполагает установление юридически значимых обстоятельств, проверку наличия полномочий на обращение в суд, правильное определение вида административного требования и подсудности, формирование доказательственной базы, анализ действующей судебной практики и оценку возможных процессуальных рисков. Особое значение имеет предварительное согласование заявлений, подготовленных профильными подразделениями прокуратуры, с подразделениями, обеспечивающими участие прокуроров в судопроизводстве. Такой порядок позволяет соединить результаты надзорной проверки с процессуальной оценкой перспектив судебной защиты [3].

Методическая работа не должна сводиться к подготовке типовых образцов процессуальных документов. Административное судопроизводство отличается высокой зависимостью результата от правильной квалификации публичного правоотношения, соблюдения специальных сроков и точного выбора способа защиты. Поэтому результативной представляется модель, при которой обобщение судебной практики, анализ причин отказов в удовлетворении требований, разбор отмененных судебных актов и систематическое повышение квалификации прокурорских работников образуют единый цикл организационного сопровождения.

Официальные показатели судебной защиты и особенности их интерпретации

Официальные сообщения Генеральной прокуратуры Российской Федерации подтверждают значительный

масштаб исковой работы. В марте 2025 года сообщалось о предъявлении прокурорами 192,3 тыс. заявлений в интересах граждан на сумму 14 млрд рублей. В марте 2026 года при подведении итогов за предшествующий период указывалось, что в сфере соблюдения прав и свобод гра-

ждан в суды направлено 171,6 тыс. исков на 24,3 млрд рублей [5; 6]. Эти показатели характеризуют общую судебную правозащитную деятельность прокуратуры и свидетельствуют о сохранении высокой практической значимости исковой формы реагирования.

Период официальной публикации	Количество заявлений (исков)	Заявленная сумма
март 2025 г.	192,3 тыс.	14 млрд руб.
март 2026 г.	171,6 тыс.	24,3 млрд руб.

Источник: официальные сообщения Генеральной прокуратуры Российской Федерации [5; 6].

Проблемы реализации полномочий прокурора и направления совершенствования

К числу сохраняющихся проблем относится терминологическая неопределенность процессуального положения прокурора. Формула о предоставлении ему прав и обязанностей административного истца нередко интерпретируется как полное отождествление этих субъектов, хотя основания их участия и характер юридической заинтересованности различаются. В современной научной литературе подчеркивается необходимость более четкого разграничения статуса прокурора и стороны материального публичного правоотношения [7].

Другой проблемой является оценочный характер условия о невозможности самостоятельного обращения гражданина в суд. Категории «состояние здоровья», «возраст» и «другие уважительные причины» позволяют учитывать индивидуальные обстоятельства, однако одновременно создают риск неодинакового подхода к обоснованию полномочия прокурора. Методическое обеспечение в этой части целесообразно ориентировать на формирование единых критериев документального подтверждения причин, препятствующих самостоятельной судебной защите.

Требует дальнейшего развития и методика подготовки заключения прокурора. Его содержание должно включать не повтор позиции одной из сторон, а самостоятельную правовую оценку обстоятельств дела, применимых норм и соблюдения публичного интереса. Для этого необходимы систематизированные рекомендации по отдельным категориям административных дел, учитывающие изме-

нения законодательства и актуальные правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации.

Перспективными направлениями совершенствования представляются: уточнение в процессуальном законодательстве самостоятельной природы статуса прокурора; развитие единых стандартов подготовки административного иска и заключения; расширение аналитического учета причин отказов и прекращения дел; более детальное разграничение статистики гражданского и административного судопроизводства; внедрение цифровых методических баз, содержащих актуальные позиции высших судов и типовые алгоритмы проверки процессуальных предпосылок обращения в суд. Подобные меры способны повысить не формальную активность, а качество и адресность прокурорской судебной защиты.

Заключение. Участие прокурора в административном судопроизводстве представляет собой самостоятельный механизм защиты публичных интересов и прав лиц, нуждающихся в дополнительной государственной гарантии судебной защиты. Его правовая конструкция основывается на сочетании двух форм — инициирования административного дела и вступления в процесс для дачи заключения. Эффективность каждой из них зависит не только от объема процессуальных полномочий, но и от качества организационно-методического обеспечения. Актуализация ведомственного регулирования, единообразная практика толкования статьи 39 КАС РФ и развитие аналитической работы органов прокуратуры являются ключевыми условиями повышения результативности участия прокурора в административном судопроизводстве.

Литература:

1. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 09.04.2026).
2. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-І «О прокуратуре Российской Федерации» (ред. от 04.08.2026).
3. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 11.01.2021 № 2 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве» (ред. от 19.10.2022).
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2016 № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» (ред. от 17.12.2024).
5. Состоялось секционное совещание об эффективности защиты интересов общества и государства в судебном порядке // Генеральная прокуратура Российской Федерации. 24.03.2025.

6. В Генпрокуратуре России состоялось секционное совещание с прокурорами регионов об итогах работы по обеспечению участия в гражданском, административном и арбитражном судопроизводстве // Генеральная прокуратура Российской Федерации. 20.03.2026.
7. Семикина С. А., Кружалова А. В. Прокурор в административном судопроизводстве: проблемы реализации полномочий // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 5. С. 113–122. DOI: 10.33874/2072–9936–2025–0–5–113–122.
8. Михайлова Е. В. Административное судопроизводство как процессуальная форма защиты // Государство и право. 2024. № 6. С. 68–75. DOI: 10.31857/S1026945224060055.

Процессуальный статус прокурора в административном судопроизводстве: актуальные проблемы и направления совершенствования

Монгуш Ангелина Хереловна, студент магистратуры

Научный руководитель: Аникин Сергей Борисович, доктор юридических наук, профессор

Саратовская государственная юридическая академия

Статья посвящена исследованию процессуального статуса прокурора в административном судопроизводстве Российской Федерации. Рассматриваются особенности юридической заинтересованности прокурора, соотношение его положения с процессуальным положением административного истца, пределы распорядительных полномочий, основания обращения в суд и участия для дачи заключения. На основе действующего КАС РФ, разъяснений Верховного Суда Российской Федерации и современной научной дискуссии выявлены основные проблемы нормативной конструкции статьи 39 КАС РФ. Сформулированы предложения, направленные на повышение определенности процессуального статуса прокурора и качества реализации им публично-защитной функции.

Ключевые слова: прокурор, административное судопроизводство, процессуальный статус, административный истец, публичный интерес, административный иск, заключение прокурора, судебная защита.

Актуальность. Развитие административного судопроизводства как самостоятельной формы судебной защиты публичных прав предопределяет необходимость точного определения процессуального положения каждого участника. Для прокурора данный вопрос имеет особое значение, поскольку его участие не основано на личной материально-правовой заинтересованности в исходе спора. Он действует в целях обеспечения законности и защиты чужих либо публичных интересов, что отличает его как от административного истца, непосредственно связанного со спорным правоотношением, так и от обычного представителя [1; 2; 8].

Научная проблема состоит в том, что КАС РФ одновременно закрепляет самостоятельное основание участия прокурора и использует конструкцию предоставления ему прав и обязанностей административного истца. Это создает необходимость разграничивать процессуальную роль и материально-правовой статус. Современные исследования также отмечают неоднозначность такого законодательного решения и необходимость дальнейшей конкретизации статуса прокурора в административном процессе [7].

Юридическая природа процессуального статуса прокурора

Статья 39 КАС РФ закрепляет специальный правовой режим участия прокурора. Его обращение в суд представ-

ляет собой реализацию установленной законом компетенции, а не распоряжение собственным субъективным правом. Поэтому прокурор не является носителем спорного материального права, хотя при предъявлении административного иска действует с использованием значительной части процессуального инструментария стороны [1].

Часть 4 статьи 39 КАС РФ указывает, что прокурор, обратившийся в суд, пользуется процессуальными правами и несет процессуальные обязанности административного истца. Из этого правила сделаны принципиальные исключения: прокурор не вправе заключать соглашение о примирении и не несет обязанность по уплате судебных расходов. Данные ограничения подтверждают, что его полномочия имеют целевой характер и подчинены публичной функции, а не свободному распоряжению предметом спора.

Особое значение имеет право прокурора отказаться от заявленного административного иска. Такой отказ не во всех случаях прекращает процесс. Если заявление было предъявлено в интересах гражданина, КАС РФ связывает процессуальные последствия с волеизъявлением самого защищаемого лица либо его представителя. Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил, что при поддержании требования таким лицом дело подлежит рассмотрению по существу [4]. Следовательно, воля прокурора не подменяет волю носителя материального права.

Формы участия прокурора и пределы процессуальных полномочий

Действующее законодательство предусматривает две основные формы участия прокурора. Первая состоит в обращении с административным иском с заявлением. Вторая связана со вступлением в процесс и дачей заключения в случаях, предусмотренных КАС РФ и другими федеральными законами [1]. Разграничение этих форм имеет не только формальное, но и функциональное значение: в первом случае прокурор инициирует судебную защиту и обосновывает требование, во втором — дает независимую правовую оценку уже рассматриваемого спора.

Право на обращение в защиту конкретного гражданина ограничено условием невозможности самостоятельного обращения в суд по уважительным причинам. Такая модель направлена на сохранение баланса между публичной защитной функцией прокуратуры и процессуальной самостоятельностью гражданина. Однако открытый перечень уважительных причин создает неоднородность практики. Для обеспечения предсказуемости целесообразна разработка более детализированных методических критериев, охватывающих не только медицинские обстоятельства, но и фактическую неспособность лица реализовать право на судебную защиту в конкретной ситуации.

Участие для дачи заключения отличается от поддержки административного иска. Заключение не является доказательством и не должно воспроизводить позицию одной из сторон. Его назначение состоит в выражении мотивированной правовой оценки, основанной на законе, материалах дела и публичном интересе. Поэтому качество такой формы участия зависит от полноты предварительного изучения дела и способности прокурора выявлять нарушения, которые не всегда совпадают с доводами административного истца или ответчика.

Проблема публичного интереса и критериев прокурорского вмешательства

Категория публичного интереса имеет центральное значение для объяснения участия прокурора в административном процессе, однако не сводится к интересу государственного органа или муниципального образования. Публичный интерес проявляется в необходимости поддержания законности, предотвращения нарушения прав неопределенного круга лиц, защиты социально уязвимых субъектов и обеспечения надлежащего функционирования публичной власти. При этом расширительное толкование публичного интереса не должно превращать прокурора в универсального процессуального заместителя любого потенциального истца.

С точки зрения административной процессуальной формы такая ограниченность оправдана. Публично-правовой спор отличается от частноправового как характером защищаемого интереса, так и активной ролью суда, особенностями доказывания и пределами распоря-

дительных действий участников. Научные исследования административного судопроизводства подчеркивают, что специфика публичного права должна отражаться в содержании процессуальных полномочий субъектов [8]. Для прокурора это означает необходимость сочетать активную защитную функцию с уважением к процессуальной автономии лица, чьи права защищаются.

Организационные гарантии реализации процессуального статуса

Процессуальный статус прокурора реализуется через организационные механизмы органов прокуратуры. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации № 2 относит к основным направлениям деятельности участие в рассмотрении дел, возбужденных по заявлениям прокуроров, вступление в процесс для дачи заключения, обжалование судебных постановлений и проверка законности судебных актов [3]. Организационные предписания дополняют нормы КАС РФ и позволяют обеспечить последовательность позиции прокуратуры на различных стадиях процесса.

Особое значение имеет взаимодействие между подразделением, выявившим нарушение, и работником, обеспечивающим участие в судебном заседании. Надзорный материал должен трансформироваться в процессуально допустимую доказательственную конструкцию: фактические обстоятельства подлежат соотнесению с предметом доказывания, документы — оценке с точки зрения относимости и допустимости, а требование — проверке на соответствие предусмотренному законом способу защиты. При отсутствии такого процессуального преобразования даже установленное нарушение может не повлечь удовлетворения административного иска.

Официальные данные подтверждают устойчиво высокий объем судебной работы прокуратуры. В 2025 году сообщалось о 192,3 тыс. заявлений в интересах граждан на сумму 14 млрд рублей, а в 2026 году — о 171,6 тыс. исках в сфере соблюдения прав и свобод граждан на сумму 24,3 млрд рублей [5; 6]. Эти сведения имеют агрегированный характер и не отражают исключительно административные дела, однако демонстрируют значимость судебной формы прокурорской защиты и необходимость ее качественного методического сопровождения.

Направления совершенствования правового регулирования

Первым направлением является нормативное уточнение терминологии статьи 39 КАС РФ. Представляется обоснованным прямо подчеркнуть, что прокурор, предъявивший административный иск, не становится носителем спорного материального права, а осуществляет права и обязанности административного истца в пределах, необходимых для выполнения публично-защитной функции. Такое уточнение снизило бы риск смешения понятий «административный истец» и «прокурор, обратившийся в суд».

Второе направление связано с унификацией требований к обоснованию обращения в защиту гражданина. Методические акты могут закреплять ориентировочный перечень обстоятельств и документов, подтверждающих невозможность самостоятельного обращения, одновременно сохраняя судебную оценку конкретной ситуации. Это позволило бы снизить вероятность формального отказа в принятии либо возврата административного иска по причинам, связанным с недостаточным обоснованием полномочий прокурора.

Третье направление касается содержания заключения прокурора. Целесообразно разработать единые структурные требования, включающие описание юридически значимых обстоятельств, определение применимых норм, оценку доказательств в пределах процессуальной компетенции и итоговый вывод о способе разрешения дела. Подобный стандарт не должен превращать заключение в шаблон, но способен повысить его аргументированность и сопоставимость качества работы по различным регионам.

Четвертое направление — совершенствование статистического и аналитического учета. Раздельная публи-

кация показателей участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве позволила бы точнее оценивать востребованность конкретных механизмов КАС РФ, выявлять категории дел с повышенной долей отказов и корректировать методические рекомендации на основании объективных данных.

Заключение. Процессуальный статус прокурора в административном судопроизводстве имеет самостоятельную публично-правовую природу. Наделение прокурора правами и обязанностями административного истца не превращает его в сторону спорного материального правоотношения, поскольку основанием участия выступает компетенция по обеспечению законности и защите охраняемых законом интересов. Основные проблемы действующей модели связаны с терминологической неопределенностью, оценочностью оснований обращения в защиту гражданина и недостаточной унификацией методики подготовки заключений. Их последовательное разрешение способно укрепить правовую определенность и повысить эффективность судебной деятельности прокуратуры без необоснованного расширения ее вмешательства в сферу индивидуальной процессуальной автономии.

Литература:

1. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 09.04.2026).
2. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (ред. от 04.08.2026).
3. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 11.01.2021 № 2 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве» (ред. от 19.10.2022).
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2016 № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» (ред. от 17.12.2024).
5. Состоялось секционное совещание об эффективности защиты интересов общества и государства в судебном порядке // Генеральная прокуратура Российской Федерации. 24.03.2025.
6. В Генпрокуратуре России состоялось секционное совещание с прокурорами регионов об итогах работы по обеспечению участия в гражданском, административном и арбитражном судопроизводстве // Генеральная прокуратура Российской Федерации. 20.03.2026.
7. Семикина С. А., Кружалова А. В. Прокурор в административном судопроизводстве: проблемы реализации полномочий // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 5. С. 113–122. DOI: 10.33874/2072–9936–2025–0–5–113–122.
8. Михайлова Е. В. Административное судопроизводство как процессуальная форма защиты // Государство и право. 2024. № 6. С. 68–75. DOI: 10.31857/S1026945224060055.

Внесудебное банкротство граждан: доступность процедуры и баланс интересов кредиторов

Мотыкайло Инга Ивановна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

Рассматривается влияние полноты сведений о кредиторах на результат внесудебного банкротства граждан. На основе анализа законодательства и научных подходов предлагается механизм подготовки предварительно заполненного списка кредиторов с проверкой заявителем. Показано отличие этой модели от действующего обмена сведениями об условиях доступа к процедуре. Обоснованы пределы технического содействия МФЦ и необходимость сохранения судебной защиты кредиторов.

Ключевые слова: банкротство граждан, внесудебное банкротство, МФЦ, кредиторы, освобождение от обязательств.

Проблема и метод исследования

Ошибки в списке кредиторов способны ограничить освобождение гражданина от долгов после внесудебного банкротства. Поэтому расширение круга заявителей требует развития способов подготовки достоверных сведений об обязательствах.

Цель статьи — обосновать улучшение информационного обеспечения процедуры при сохранении прав кредиторов. Методами выступают формально-юридический анализ статей 223.2–223.6 Закона о банкротстве и сопоставление научных подходов. Законодательство рассматривается на 01.09.2026. Модель имеет проектный характер; ее результативность на эмпирических данных не проверялась.

Правовые последствия неполноты сведений

Пункт 1 статьи 223.2 Закона о банкротстве предусматривает диапазон учитываемых обязательств от 25 тысяч до 1 миллиона рублей. Закон различает основания, связанные с окончанием исполнительного производства, статусом отдельных категорий граждан и длительным неисполнением исполнительного документа. Требуется соблюдение всей совокупности условий соответствующего основания; одного попадания суммы долга в установленный диапазон недостаточно [1].

Федеральный закон от 04.08.2023 № 474-ФЗ расширил доступ к внесудебному банкротству [2]. Однако обязанность представить список всех известных кредиторов сохраняется за гражданином. По статье 223.6 освобождение не распространяется на требования, не указанные в заявлении; при занижении суммы оно ограничивается указанной суммой. Отдельно применяются предусмотренные законом исключения из освобождения [1]. Следовательно, качество списка влияет на достижение реабилитационной цели процедуры.

После уступки требования или частичного погашения долга сведения гражданина могут расходиться с данными взыскателя. Само расхождение не доказывает недобросовестности участника. Например, отражение одного обязательства у первоначального кредитора и правопреемника создает риск двойного учета. Это возможная информационная ошибка, для устранения которой необходимо сопоставление оснований требования и документов о переходе права.

М. Р. Загайнов анализирует препятствия для должников, связанные с действиями кредиторов, и риски злоупотреблений при расширении доступности процедуры [3, с. 63–67]. Д. О. Османова ставит под сомнение достижение равновесия интересов участников конкурсного процесса [4, с. 105–111]. С учетом этих позиций баланс следует понимать как обоснованное распределение прав: содействие должнику должно сочетаться с возможностью проверки его сведений.

Подготовка списка кредиторов

Закон уже предусматривает межведомственный электронный обмен для проверки отдельных условий доступа к процедуре. Пункт 5.2 статьи 223.2 определяет запросы оператора ЕФРСБ в ФССП России и Социальный фонд России. Вместе с тем пункт 4 этой статьи сохраняет за гражданином обязанность представить список кредиторов [1]. Предлагаемое развитие касается подготовки самого списка до подачи заявления, включая сопоставление оснований и размера обязательств.

Предлагается предварительное заполнение перечня на основе законно полученных сведений, доступных для информационного взаимодействия. Гражданин должен иметь возможность проверить записи, дополнить обязательства и исправить ошибки. Перечень носит вспомогательный характер: отсутствие записи в доступной системе не подтверждает отсутствие долга.

Первая гарантия — указание источника и даты актуальности каждой записи. Это необходимо для проверки начислений, частичных платежей и уступок требования. Вторая — фиксация расхождений и понятный порядок их уточнения. При совпадении суммы и несовпадении кредитора следует проверять основание обязательства и переход права, а не автоматически складывать суммы.

Третья гарантия — разграничение технической ошибки и спора о праве. Исправление опечатки не равнозначно признанию спорного долга. Предложение не наделяет МФЦ полномочиями разрешать споры о существовании обязательства или принадлежности имущества. Четвертая — сохранение судебной защиты: последствия возражений кредитора должны определяться по статье 223.5 Закона о банкротстве, а не наступать автоматически из-за любого обращения [1].

Для внедрения модели необходимо определить состав сведений, основания их получения и ответственность за актуальность. Доступ следует ограничить данными, необходимыми для подготовки заявления. Автоматическое признание перечня исчерпывающим создало бы риск исключения обязательств, отсутствующих в подключенных системах.

Модель следует оценивать по числу исправленных до подачи заявления ошибок, сроку его подготовки и доле возвратов по устранимым причинам. Сокращение судебных обращений само по себе не доказывает улучшения, если ухудшается защита обоснованных требований кредиторов.

Заключение

Предварительно заполненный список кредиторов может уменьшить информационные ошибки при внесудебном банкротстве. Его применение требует проверки заявителем, возможности дополнения сведений и сохранения судебного разрешения споров. Такое содействие развивает доступность процедуры, не превращая неполные данные информационных систем в окончательное основание для определения объема освобождения от обязательств.

Литература:

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Статьи 223.2–223.6; положения, действовавшие на 01.09.2026. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/.
2. Федеральный закон от 04.08.2023 № 474-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” и отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202308040083>.
3. Загайнов М. Р. Защита физических лиц при внесудебной процедуре банкротства от недобросовестных действий кредиторов в новом законе // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16. № 6. С. 63–67. URL: <https://journals.eco-vector.com/2072-3164/article/view/623572>.
4. Османова Д. О. Нарушение баланса интересов участников как объективная необходимость конкурсного процесса // Legal Concept = Правовая парадигма. 2024. Т. 23. № 1. С. 105–111. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2024.1.14.

Конституционно-правовое значение таможенного регулирования в механизме защиты государственного суверенитета

Немцева Зорница Любенова, студент магистратуры;
Викторова Мария Александровна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

В статье исследуется конституционно-правовое значение таможенного регулирования как одного из элементов механизма защиты государственного суверенитета. Обосновывается, что таможенное регулирование, будучи традиционно включенным в сферу административно-правового и финансово-правового анализа, по своей правовой природе не исчерпывается процедурой декларирования, взимания платежей и применения мер контроля. В конституционно-правовом измерении оно выступает формой юридической объективации суверенной публичной власти в сфере внешнеэкономического оборота. Особое внимание уделено идее суверенитета как конституционного фильтра, посредством которого государство осуществляет правовое разграничение допустимого и недопустимого внешнего экономического и нормативного воздействия. В сравнительно-правовом аспекте сопоставляются евразийская и европейская модели таможенной интеграции, включая положение Российской Федерации в ЕАЭС и Республики Болгария в Европейском союзе. На основе норм Конституции Российской Федерации, Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, права Европейского союза, Конституции Республики Болгария, положений КоАП РФ и судебной практики показывается, что участие в интеграционном объединении изменяет формы осуществления таможенных полномочий, но не устраняет требования их конституционной легитимации, законности, правовой определенности, соразмерности и баланса частных и публичных интересов.

Ключевые слова: государственный суверенитет, таможенное регулирование, таможенный контроль, евразийская интеграция, европейская интеграция, ЕАЭС, Европейский союз, конституционный фильтр, экономическая безопасность, соразмерность.

Constitutional and legal significance of customs regulation in the mechanism for protecting state sovereignty

The article examines the constitutional and legal significance of customs regulation as an element of the mechanism for protecting state sovereignty. It is argued that, although customs regulation has traditionally been included within the scope of administrative-law and financial-law analysis, its legal nature is not exhausted by declaration procedures, the collection of payments, and the application of control measures. In the constitutional and legal dimension, it constitutes a form of legal objectification of sovereign public authority in the sphere of foreign economic turnover. Particular attention is paid to the idea of sovereignty as a constitutional filter through which the state legally distinguishes between permissible and impermissible external economic and regulatory influence. From a comparative-law perspective, the article compares the Eurasian and European models of customs integration, including the position of the Russian Federation within the EAEU and that of the Republic of Bulgaria within the European Union. On the basis of the Constitution of the Russian Federation, the Customs Code of the Eurasian Economic Union, European Union law, the Constitution of the Republic of Bulgaria, the Code of Administrative Offences of the Russian Federation, and judicial practice, the article demonstrates that participation in an integration association changes the forms in which customs powers are exercised, but does

not remove the requirements of constitutional legitimacy, legality, legal certainty, proportionality, and a balance between private and public interests.

Keywords: *state sovereignty, customs regulation, customs control, Eurasian integration, European integration, EAEU, European Union, constitutional filter, economic security, proportionality.*

Введение

В современной юридической науке таможенное регулирование обычно рассматривается как совокупность специальных публично-правовых процедур, обеспечивающих перемещение товаров через таможенную границу, их декларирование, уплату таможенных платежей, соблюдение запретов и ограничений, а также применение мер таможенного контроля. Такой подход не является ошибочным, поскольку отражает непосредственное отраслевое содержание данного института. Вместе с тем он не позволяет в полной мере выявить его более глубокое конституционно-правовое значение.

Проблема заключается в том, что таможенное регулирование находится не только в плоскости административного управления внешнеэкономической деятельностью. Оно затрагивает саму способность государства осуществлять публично-властное разграничение внутреннего и внешнего, допустимого и недопустимого, экономически нейтрального и потенциально опасного для национального правопорядка. Именно поэтому в условиях усложнения внешнеэкономических связей, санкционного давления, развития наднационального регулирования в рамках Евразийского экономического союза и повышения значения экономической безопасности таможенное регулирование приобретает значение одного из институциональных выражений государственного суверенитета.

Историко-правовой аспект данной проблемы также представляется существенным. Еще античная правовая традиция знала *portorium* — публичные сборы, взимавшиеся при ввозе, вывозе и в отдельных случаях транзите товаров [13]. Уже в этой ранней форме таможенного обложения проявлялась двойственная природа соответствующего института: с одной стороны, он служил пополнению публичной казны, с другой — выражал властный контроль за экономическими потоками. Приведенная Цицероном формула *«vectigalia nervos esse rei publicae»* [11] позволяет увидеть в публичных доходах не внешнюю по отношению к государству категорию, а условие его реальной дееспособности. При этом латинское *«nervi»* может быть понято не только как «нервы», но и как «сухожилия», то есть как то, что обеспечивает прочность и способность государственного организма к движению. В таможенной сфере данная мысль приобретает особое значение: пошлины и иные таможенные платежи служат не только фискальным целям, но и материально обеспечивают суверенную публичную власть. Историко-правовой аспект подтверждает, что таможенное регулирование с ранних этапов государственности выступало не

только фискальным, но и публично-властным инструментом. В летописном изложении русско-византийских соглашений X в. режим торговли русских купцов в Константинополе, порядок их пребывания и вопрос об освобождении от мыта включены в содержание межгосударственных договоренностей. Сопоставление условий, отнесенных летописью к соглашениям 907 и 944 гг., показывает зависимость торгово-пошлинного режима от изменения политико-правового баланса отношений между Русью и Византией [14]. Тем самым таможенно-правовой режим уже на раннем этапе проявлялся как одна из форм юридического выражения внешней самостоятельности публичной власти.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью теоретико-правового осмысления таможенного регулирования не только как отраслевого механизма, но и как элемента конституционно значимой системы защиты суверенитета. Государство вправе устанавливать режим перемещения товаров, определять обязательные требования, применять меры контроля и ответственности. Однако реализация этих полномочий не может пониматься как пространство неограниченного административного усмотрения. Публичная власть, защищая суверенитет, сама должна действовать в рамках права.

Цель настоящей статьи состоит в выявлении конституционно-правового значения таможенного регулирования в механизме защиты государственного суверенитета Российской Федерации с учетом интеграционного характера современного таможенного права. Для достижения указанной цели необходимо решить несколько взаимосвязанных задач: определить место таможенного регулирования в системе публично-правовых функций государства; раскрыть его связь с категорией государственного суверенитета; показать значение таможенного контроля как практического выражения конституционного фильтра; сопоставить конституционно-правовые формы осуществления таможенных полномочий Российской Федерацией в ЕАЭС и Республикой Болгария в Европейском союзе; проанализировать судебную практику, демонстрирующую пределы применения мер таможенного контроля и административной ответственности; обосновать необходимость баланса частных и публичных интересов в данной сфере.

Методологическую основу исследования составляют диалектический, системный, формально-юридический, сравнительно-правовой и герменевтический методы. Формально-юридический метод позволяет раскрыть содержание конституционных, таможенных и административно-деликтных норм. Системный подход дает возможность рассмотреть таможенное регулирование не

изолированно, а в связи с функциями государства и механизмом защиты суверенитета. Сравнительно-правовой метод используется для сопоставления распределения таможенных полномочий в ЕАЭС и Европейском союзе, а также конституционных оснований участия Российской Федерации и Республики Болгария в соответствующих интеграционных правовых порядках. Герменевтический метод применяется при толковании судебных позиций о пределах административного принуждения, соразмерности и правовой определенности.

1. Государственный суверенитет и таможенное регулирование: теоретико-правовая связь

В теории государства и права категория суверенитета принадлежит к числу базовых, но вместе с тем наиболее сложных понятий. Она не может быть сведена только к политической независимости государства во внешних отношениях. Суверенитет выражает верховенство публичной власти внутри определенной территории, ее способность самостоятельно устанавливать основы правового порядка, определять направления внутренней и внешней политики, обеспечивать единство правовой системы, а также защищать общество от неконтролируемого внешнего воздействия.

В рассматриваемом аспекте особое значение имеет экономическое измерение суверенитета. Государство, утратившее возможность самостоятельно определять режим внешнеэкономического оборота, условия перемещения товаров, правила допуска продукции на внутренний рынок, порядок взимания обязательных платежей и применения запретов и ограничений, фактически теряет значительную часть своей публично-властной самостоятельности. Поэтому экономический и таможенный компоненты суверенитета нельзя считать второстепенными по отношению к его политико-правовому содержанию.

Российская конституционная модель прямо указывает на связь суверенитета с таможенным регулированием. К ведению Российской Федерации отнесены установление правовых основ единого рынка, финансовое, валютное, кредитное и таможенное регулирование. Одновременно конституционный запрет на установление таможенных границ, пошлин, сборов и иных препятствий для свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств внутри страны закрепляет принцип единства экономического пространства. В результате Конституция формирует двойную правовую конструкцию: внутри государства обеспечивается единство рынка, а на внешнем контуре сохраняется публично-властный контроль за перемещением товаров [1].

Именно в этой двойственности проявляется конституционно-правовая природа таможенного регулирования. Оно не только обслуживает внешнюю торговлю, но и фиксирует границу между национальным правовым порядком и внешними экономическими потоками. Таможенная гра-

ница в данном случае выступает не исключительно географической или технической линией, а юридическим пределом, на котором государство осуществляет оценку внешнего воздействия с точки зрения публичных интересов, безопасности, экономической самостоятельности и устойчивости внутреннего рынка.

Представляется, что для обозначения данной функции может быть использована категория суверенитета как конституционного фильтра. Такой фильтр не предполагает изоляционизма и не отрицает участия государства в международных и наднациональных правовых системах. Его смысл состоит в том, что внешние экономические, нормативные и институциональные импульсы не должны механически проникать во внутренний правовой порядок без оценки их соответствия конституционным началам, публичной безопасности и национальным интересам.

Если в общей конституционно-правовой теории указанная функция может восприниматься как достаточно абстрактная, то в таможенной сфере она получает конкретное институциональное выражение. Декларирование, классификация товаров, определение таможенной стоимости, проверка разрешительных документов, применение запретов и ограничений, а также административная ответственность за нарушение установленного порядка образуют систему юридических средств, посредством которых государство практически реализует фильтрующую функцию суверенитета.

2. Таможенное регулирование в системе публично-правовых функций государства

Таможенное регулирование занимает особое место в системе публично-правовых функций государства. Его нельзя отнести исключительно к одной отраслевой сфере, поскольку оно одновременно включает фискальные, контрольные, охранительные, экономико-защитные и организационные элементы. Именно эта комплексность делает таможенное регулирование значимым для конституционно-правового анализа.

Во-первых, таможенное регулирование выполняет фискальную функцию. Таможенные платежи являются одним из источников публичных доходов, а их надлежащее взимание связано с финансовой устойчивостью государства. В данном смысле таможенное обложение является не только финансово-правовым инструментом, но и одним из условий материальной обеспеченности публичной власти. Государство, не обладающее достаточными ресурсами для реализации своих функций, не может полноценно обеспечивать суверенитет в его практическом измерении.

Во-вторых, таможенное регулирование реализует контрольную функцию. Она проявляется в проверке достоверности сведений, представляемых декларантами, правильности классификации товаров по ТН ВЭД, определения таможенной стоимости, наличия разрешительных документов, соблюдения запретов и ограничений. Данная

функция не сводится к формальному надзору за документами, поскольку ее конечной целью выступает охрана публично значимых интересов.

В-третьих, таможенное регулирование имеет экономико-защитное значение. Через него государство обеспечивает защиту внутреннего рынка, предотвращает незаконный или недобросовестный оборот товаров, препятствует поступлению продукции, не соответствующей обязательным требованиям, а также поддерживает режим честной конкуренции. В этом аспекте таможенное регулирование оказывается непосредственно связанным с экономической безопасностью государства.

Федеральный закон «О таможенном регулировании в Российской Федерации» указывает на связь национального таможенного регулирования с правом Евразийского экономического союза и одновременно с обеспечением экономической безопасности Российской Федерации при осуществлении внешней торговли товарами [3]. Данное нормативное положение имеет принципиальное значение: современное таможенное регулирование существует в условиях взаимодействия национального законодательства, международных договоров и наднациональных актов, однако его конечная публично-правовая цель сохраняет национально-конституционное измерение.

Таможенный кодекс Евразийского экономического союза закрепляет основы единого таможенного регулирования в рамках Союза, включая применение мер таможенно-тарифного регулирования, запретов и ограничений, мер защиты внутреннего рынка, а также иных правовых средств, обеспечивающих функционирование общего таможенного пространства [2]. Однако участие в наднациональной системе не устраняет вопроса о суверенитете, а, напротив, делает его более сложным. Национальная публичная власть действует в системе взаимосвязанных правовых режимов и должна обеспечивать их согласование с конституционными основами государства.

Интеграционное измерение таможенного регулирования отчетливо проявляется при сопоставлении евразийской и европейской моделей. В ЕАЭС единое таможенное регулирование основано на международном договоре и Таможенном кодексе Союза, тогда как в Европейском союзе таможенный союз отнесен к исключительной компетенции Союза, а запрет внутренних таможенных пошлин сочетается с применением общего таможенного тарифа в отношениях с третьими государствами [2; 15]. В обоих случаях национальная таможенная компетенция осуществляется уже не изолированно, а в рамках интеграционного правопорядка, однако глубина и юридические формы ее перераспределения различаются.

Положение Российской Федерации в ЕАЭС и Республики Болгария в Европейском союзе позволяет конкретизировать это различие. Российская конституционная модель допускает участие в межгосударственных объединениях и передачу им части полномочий при соблюдении конституционно установленных пределов [1]. Консти-

туция Республики Болгария, в свою очередь, прямо закрепляет участие государства в строительстве и развитии Европейского союза, что образует самостоятельное конституционное основание европейской интеграции [16]. Сравнение показывает, что интеграция не устраняет государственный суверенитет, но преобразует способы его юридической реализации: государство сохраняет конституционную ответственность за результаты осуществления публичной власти, в то время как значительная часть правил таможенного оборота формируется на наднациональном уровне.

Следовательно, таможенное регулирование представляет собой не технический порядок оформления товаров, а публично-правовой механизм, в котором фискальные, контрольные и охранительные элементы соединены с задачами защиты экономической самостоятельности государства. Именно это обстоятельство позволяет рассматривать его как часть механизма защиты государственного суверенитета.

3. Таможенный контроль как практическое выражение конституционного фильтра

Наиболее наглядным проявлением фильтрующей функции суверенитета в таможенной сфере является таможенный контроль. Если суверенитет выражает общую способность государства самостоятельно определять правовой порядок, то таможенный контроль показывает, как эта способность реализуется в конкретных отношениях: при пересечении товаром границы, проверке документов, установлении его происхождения, оценке безопасности, начислении платежей и применении запретов либо ограничений.

С точки зрения экономического оборота товар является объектом купли-продажи, перевозки, хранения и использования. Однако на таможенной границе он одновременно становится объектом публично-правовой квалификации. Государство проверяет не только факт его перемещения, но и правовое значение такого перемещения: соответствует ли товар установленным требованиям; правильно ли определены его стоимость, код и происхождение; имеются ли необходимые разрешительные документы; не нарушаются ли публично-правовые запреты; не создает ли ввоз угрозу безопасности, здоровью, окружающей среде, культурным ценностям или финансовым интересам государства.

Таким образом, таможенный контроль является не самостоятельной целью, а юридическим средством охраны конституционно значимых благ. К числу таких благ относятся экономическая безопасность, единство внутреннего рынка, финансовая устойчивость государства, защита жизни и здоровья граждан, охрана окружающей среды, публичный порядок, а также устойчивость национального правопорядка. В этом смысле таможенное регулирование преобразует абстрактную категорию суверенитета в систему конкретных правовых процедур.

Особенность конституционного фильтра состоит в его двунаправленности. С одной стороны, таможенное регулирование фильтрует внешние экономические и нормативные воздействия, предотвращая их неконтролируемое проникновение во внутренний правовой порядок. С другой стороны, само таможенное регулирование должно быть проверяемо с точки зрения Конституции и принципов правового государства. Публичная власть не вправе ссылаться на защиту суверенитета как на основание для произвольного или несоразмерного ограничения прав участников внешнеэкономической деятельности.

В этой связи особое значение приобретают принципы правовой определенности, законности и соразмерности. Таможенный контроль не может быть построен на презумпции виновности участника внешнеэкономической деятельности или на механическом отождествлении любой технической ошибки с посягательством на публичный интерес. Необходимо учитывать реальный характер нарушения, его последствия для бюджета, наличие либо отсутствие умысла, степень опасности товара, возможность применения более мягких обеспечительных мер и фактическое влияние деяния на охраняемые законом интересы [5; 6].

Если эти критерии игнорируются, таможенное регулирование утрачивает свое конституционно-правовое значение и превращается в чрезмерный механизм административного давления. Поэтому защита суверенитета в таможенной сфере требует не максимального расширения принуждения, а установления разумного соотношения между задачами публичного контроля и правами частных лиц.

4. Судебная практика о пределах применения мер таможенного контроля и административной ответственности

Правоприменительная практика позволяет увидеть конституционно-правовое значение таможенного регулирования не только в нормах, закрепляющих полномочия государства, но и в судебном контроле за пределами их реализации. Суды в данной сфере фактически решают вопрос о том, сохраняет ли конкретная таможенная мера связь с охраняемым публичным интересом либо превращается в несоразмерное вмешательство в имущественную и предпринимательскую сферу.

Наиболее значимым для рассматриваемой проблематики является Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 5 марта 2024 г. № 9-П по вопросу о конституционности части 2 статьи 16.2 КоАП РФ. Предметом конституционной оценки стала конкретная разновидность недостоверного декларирования: указание в таможенной декларации количества товара, превышающего фактически ввезенное, при условии что такие сведения не повлекли и по своему характеру не могли повлечь освобождение от уплаты таможенных пошлин, налогов либо занижение их размера. Конституционный Суд исходил

из того, что применение административной ответственности в подобной ситуации не может основываться исключительно на формальном несовпадении заявленного и фактического количества товара без учета юридического значения этих сведений для исполнения обязанности по уплате таможенных платежей [5].

Данный подход имеет принципиальное значение. Конституционный Суд не исключил ответственность за любое представление недостоверных сведений и не придал отсутствию фискального ущерба значения универсального основания для прекращения производства по делу. Сформулированная им позиция относится к тем случаям, когда декларирование большего количества товара по сравнению с фактически ввезенным само по себе не создавало предусмотренной частью 2 статьи 16.2 КоАП РФ угрозы неуплаты или неполной уплаты таможенных платежей. Тем самым была исключена возможность автоматического привлечения лица к ответственности лишь по факту расхождения сведений, если отсутствует необходимая связь между таким расхождением и теми последствиями, для предотвращения которых установлена соответствующая административно-правовая норма [5].

Эта логика получила отражение и в арбитражной практике по делам о технических ошибках при декларировании. Так, в материалах правоприменительной практики по части 2 статьи 16.2 КоАП РФ указывается на ситуацию, когда декларант неверно указал вес нетто товара вследствие технической ошибки, однако код ТН ВЭД был определен правильно, а сумма подлежащих уплате пошлин не изменилась. При таких обстоятельствах суд пришел к выводу об отсутствии состава правонарушения, поскольку формальная описка не повлекла занижения таможенных платежей и не затронула охраняемый публичный интерес [7].

Вторая группа примеров связана с применением мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, прежде всего с изъятием и длительным удержанием товаров в порядке статьи 27.10 КоАП РФ. Таможенный орган вправе применять обеспечительные меры, однако они не должны быть избыточными ни по объему, ни по продолжительности. В ситуации, когда вся коммерческая партия товара удерживается в течение длительного времени без оценки возможности применения альтернативных механизмов обеспечения, таких как денежный залог или банковская гарантия, возникает вопрос о нарушении баланса частных и публичных интересов [4; 8].

Для конституционно-правового анализа эта группа дел особенно показательна. Изъятие товара, даже если оно формально предусмотрено законом, способно повлечь существенные экономические последствия: расходы на хранение, срыв контрактов, нарушение сроков поставки, утрату деловой репутации, невозможность своевременно исполнить обязательства перед контрагентами. Поэтому законность такой меры не может оцениваться исключительно по критерию наличия процессуальной нормы. Не-

обходимо учитывать ее необходимость, продолжительность, связь с целью производства по делу и возможность достижения той же публичной цели менее обременительными средствами.

Третья группа примеров касается применения санкций по статье 16.3 КоАП РФ за несоблюдение запретов и ограничений при ввозе товаров. Здесь особенно остро проявляется вопрос о допустимости конфискации как наиболее жесткой меры административного наказания. Если нарушение выражается в отсутствии отдельного разрешительного документа, при этом отсутствует умысел на ввоз опасной продукции, товар не создает угрозы публичной безопасности, а проступок совершен впервые, конфискация всей партии товара может приобрести характер несоразмерного ограничения права собственности [4; 9; 10].

В данном контексте уместно вспомнить приведенную Цицероном римскую формулу «*summum ius — summa iniuria*» [12], смысл которой состоит в том, что чрезмерно буквальное применение права способно привести к несправедливому результату. Для таможенной сферы эта формула имеет не риторическое, а прикладное значение: формальная строгость контроля не должна подменять оценку реального вреда, степени опасности деяния и необходимости вмешательства в частную сферу.

Таким образом, судебная практика демонстрирует, что таможенное регулирование как средство защиты суверенитета не образует пространства неограниченного административного усмотрения. Напротив, чем значительнее публичная цель, тем более отчетливо должны быть определены пределы ее реализации. Судебный контроль в данной сфере выполняет функцию конституционной коррекции: он не отрицает защитной роли таможенных органов, но устанавливает правовые границы применения их полномочий.

5. Баланс публичных и частных интересов в механизме защиты государственного суверенитета

Защита государственного суверенитета в таможенной сфере предполагает приоритет публичных интересов, однако этот приоритет не является абсолютным. Конституционная природа публичной власти проявляется не только в ее способности устанавливать общеобязательные правила, но и в обязанности действовать в правовых пределах. Поэтому суверенитет не должен пониматься как юридическое оправдание произвольного расширения административного усмотрения.

В таможенной сфере баланс публичных и частных интересов имеет несколько взаимосвязанных уровней. На первом уровне участники внешнеэкономической деятельности обязаны соблюдать требования таможенного законодательства, достоверно декларировать товары, уплачивать платежи, представлять необходимые документы и исполнять запреты и ограничения. На втором уровне таможенные органы обязаны применять контрольные

и обеспечительные меры таким образом, чтобы они соответствовали цели, ради которой установлены. На третьем уровне суды должны проверять не только формальное наличие нарушения, но и его последствия, степень опасности, влияние на бюджет, публичную безопасность и имущественное положение лица.

Конституционно-правовое значение таможенного регулирования заключается именно в соединении защитной функции государства с правовыми пределами публичной власти. Если рассматривать таможенное регулирование исключительно как средство принуждения, его связь с суверенитетом будет односторонней и упрощенной. Более точным является подход, при котором таможенное регулирование понимается как правовой механизм защиты суверенитета, действующий внутри конституционных ограничений.

Такой подход позволяет избежать двух крайностей. Первая состоит в недооценке таможенного регулирования и сведении его к технической процедуре оформления товаров. Вторая выражается в признании за таможенными органами чрезмерно широкого усмотрения, при котором любая формальная неточность превращается в основание для жесткой санкции. Теоретико-правовой анализ должен преодолевать обе крайности: признавать стратегическое значение таможенного регулирования и одновременно требовать соблюдения принципов правового государства.

Именно в этом проявляется современное понимание суверенитета как конституционного фильтра. Суверенитет не исключает внешнеэкономические связи и участие в наднациональных правовых режимах, но позволяет государству сохранять способность оценивать внешние экономические и нормативные воздействия с точки зрения собственных конституционных оснований. Таможенные органы обеспечивают практическое функционирование данного фильтра, тогда как суды осуществляют его правовую настройку, не позволяя публичной власти выходить за пределы законности и соразмерности.

Можно констатировать, что таможенное регулирование обладает двойственной правовой природой. С одной стороны, оно служит защите государственного суверенитета, экономической безопасности и публичного порядка. С другой стороны, само оно подлежит конституционно-правовому ограничению. В этом заключается не противоречие, а нормальная логика правового государства: чем сильнее публичная власть вторгается в сферу частных интересов, тем более обоснованным, определенным и соразмерным должно быть ее действие.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд выводов.

Во-первых, таможенное регулирование имеет не только административно-правовое и финансово-правовое, но и конституционно-правовое значение. Оно связано с реализацией суверенных полномочий государства в сфере внешнеэкономической деятельности, обеспече-

нием экономической безопасности, защитой внутреннего рынка и устойчивостью национального правопорядка.

Во-вторых, таможенное регулирование может быть рассмотрено как один из внешних публично-правовых контуров государственного суверенитета. Посредством декларирования, таможенного контроля, платежей, запретов, ограничений и ответственности государство осуществляет правовую фильтрацию внешнеэкономических потоков и определяет условия их допустимости во внутреннем правопорядке.

В-третьих, категория суверенитета в данной сфере может быть раскрыта как конституционный фильтр. В таможенном регулировании эта функция приобретает особенно наглядное выражение, поскольку внешнее экономическое воздействие проходит через конкретные административные и правовые процедуры. Таможенные органы обеспечивают первичную практическую реализацию данного фильтра, а суды контролируют пределы их усмотрения.

В-четвертых, судебная практика показывает, что защита публичного интереса в таможенной сфере не должна осуществляться посредством чрезмерного формализма. Технические ошибки, не повлекшие фискального ущерба, длительное удержание товаров без оценки альтернативных мер обеспечения и несоразмерная конфискация

требуют конституционно-правовой оценки с позиции законности, справедливости, правовой определенности и баланса частных и публичных интересов.

В-пятых, сравнительно-правовой анализ евразийской и европейской моделей показывает, что интеграция изменяет соотношение национального и наднационального уровней таможенного регулирования, но не отменяет конституционно-правового измерения суверенитета. На примере Российской Федерации и Республики Болгария видно, что различие интеграционных конструкций проявляется прежде всего в основаниях, объеме и формах осуществления переданных полномочий, тогда как требование конституционной легитимации публичной власти сохраняет общее значение.

Следовательно, таможенное регулирование следует рассматривать как элемент конституционно-правового механизма защиты государственного суверенитета, обеспечивающий внешнеэкономическую безопасность государства при одновременном соблюдении принципов законности, соразмерности и правовой определенности. Его сущность состоит не только в защите государства от внешних экономических и нормативных воздействий, но и в правовом ограничении самой публичной власти, осуществляющей такую защиту.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 16.09.2026).
2. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза: приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11.04.2017 // Евразийская экономическая комиссия. — URL: eaeunion.org (дата обращения: 16.09.2026).
3. Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — URL: consultant.ru
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — URL: consultant.ru
5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 05.03.2024 № 9-П по делу о проверке конституционности части 2 статьи 16.2 КоАП РФ // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: pravo.gov.ru
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.11.2019 № 49 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике в связи с вступлением в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза» // Российская газета. — URL: rg.ru
7. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 14.10.2024 по делу № А55–32145/2023 // Картотека арбитражных дел. — URL: arbitr.ru
8. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 18.11.2025 по делу № А40–112044/2025 // Картотека арбитражных дел. — URL: kad.arbitr.ru
9. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 22.01.2025 по делу № А56–44102/2024 // Картотека арбитражных дел. — URL: arbitr.ru
10. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 12.03.2026 по делу № А41–7892/2024 // Картотека арбитражных дел. — URL: arbitr.ru
11. Цицерон М. Т. Речь о предоставлении империя Гнею Помпею (О Манилиевом законе), 7.17 // Речи: в 2 т. Т. 1 / изд. подгот. В. О. Горенштейн, М. Е. Грабарь-Пассек; отв. ред. М. Л. Гаспаров. М.: Наука, 1993. С. 412–413.
12. Цицерон М. Т. Об обязанностях. Кн. I, 10, 33 // О старости. О дружбе. Об обязанностях / пер. с лат. и коммент. В. О. Горенштейна; изд. подгот. В. О. Горенштейн, М. Е. Грабарь-Пассек, С. Л. Утченко. М.: Наука, 1974. 248 с.

13. Long G. Portorium // A Dictionary of Greek and Roman Antiquities / ed. by W. Smith. London: JohnMurray, 1875. P. 944–945.
14. Повесть временных лет / подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Наука, 1996. С. 25, 35–36. (Литературные памятники).
15. Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union. Arts. 3(1)(a), 28 // Official Journal of the European Union. 2016. С 202. P. 47–200. — URL: europa.eu
16. Конституция на РепубликаБългария: обн., ДВ, бр. 56 от 13.07.1991 г., с последващи изменения. Чл. 4, ал. 3 // Народно събрание на РепубликаБългария. — URL: parliament.bg
17. Regulation (EU) No 952/2013 of the European Parliament and of the Council of 9 October 2013 laying down the Union Customs Code (recast) // Official Journal of the European Union. 2013. L 269. P. 1–101. — URL: europa.eu
18. Закон за митниците: обн., ДВ, бр. 15 от 06.02.1998 г., в сила от 01.01.1999 г., с последващи изменения и допълнения, последно изм., ДВ, бр. 59 от 30.06.2026 г. // Агенция „Митници“. — URL: customs.bg

Проблемы исполнения договора поставки для государственных и муниципальных нужд

Нехорошева Наталья Васильевна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье автор разбирает основные проблемы, которые появляются на стадии исполнения договора поставки для государственных и муниципальных нужд. Отдельно рассматриваются приемка поставленного товара, проведение экспертизы, соблюдение сроков поставки и оплаты.

Но этим вопрос не ограничивается. Автор также затрагивает применение мер ответственности, исполнение гарантийных обязательств и изменение условий государственного или муниципального контракта. Специфику исполнения такого договора формирует сочетание общих норм гражданского законодательства о поставке и специальных требований законодательства о контрактной системе. На материале действующего законодательства и современной судебной практики автор показывает отдельные недостатки правового регулирования, и проблемы в правоприменении тоже. Речь идет о тех моментах, где сторонам не хватает более четких правил. Особенно на стадии приемки товара. И при фиксации выявленных недостатков тоже.

Ключевые слова: договор поставки, государственные нужды, муниципальные нужды, государственный контракт, муниципальный контракт, исполнение обязательств, приемка товара, неустойка, государственный заказчик, поставщик.

Поставка товаров для государственных и муниципальных нужд занимает отдельное место в договорных отношениях. Здесь гражданско-правовые механизмы работают не просто для обычного товарооборота, а для удовлетворения публичных потребностей. В отличие от стандартного хозяйственного оборота государственный или муниципальный заказчик покупает товар не только ради собственного экономического интереса. Он делает это и для решения задач, которые связаны с деятельностью публично-правового образования, государственного либо муниципального учреждения. Поэтому законодатель вводит специальные требования не только на этапе выбора поставщика и заключения контракта, но и дальше, когда стороны уже исполняют его условия.

Ст. 525 ГК РФ прямо закрепляет, что поставка товаров для государственных или муниципальных нужд идет на основе государственного или муниципального контракта, а в случаях, которые называет закон, — еще и договора поставки, заключаемого в соответствии с ним. К таким от-

ношениям применяют и общие нормы о поставке, если специальные правила не устанавливают иное. Государственный или муниципальный контракт возлагает на поставщика обязанность передать предусмотренный им товар заказчику либо указанному им лицу, а заказчик, в свою очередь, должен обеспечить оплату [1]. Действующая редакция ГК РФ сохраняет специальный блок норм о поставке для публичных нужд в ст. 525–534.

В современной литературе обоснованно пишут, что специфика такого договора состоит в соединении гражданско-правовой природы обязательства и довольно жесткой регламентации его содержания, а также порядка реализации [5, с. 121]. Свобода участников здесь заметно ограничивает законодательство о контрактной системе. Стороны не могут по своему усмотрению менять предмет, цену, сроки и другие условия уже заключенного контракта. Из-за этого стадия исполнения получает самостоятельное юридическое значение. Именно здесь особенно видно, где сталкиваются первоначально определенные условия за-

купки и реальные обстоятельства, в которых поставщик исполняет обязательство.

Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ понимает исполнение контракта как совокупность связанных действий сторон. Сюда входят приемка поставленного товара с проведением необходимой экспертизы, его оплата, а еще взаимодействие заказчика и поставщика при изменении и расторжении контракта, плюс применение мер ответственности. Поставщик должен вовремя сообщать заказчику достоверную информацию о ходе исполнения обязательства и о возникших сложностях. Заказчик, в свою очередь, обязан обеспечить надлежащую приемку предоставленного результата [2]. Что касается самой стадии исполнения — тут как раз и проявляется большая часть практических споров.

Именно на этом этапе и возникает значительная часть споров. Формально обязанность поставщика выглядит довольно простой: он должен поставить товар нужного наименования, количества и качества в установленный срок [8, с. 251]. Но в реальном исполнении все шире и сложнее. Поставщику нужно соблюсти требования к упаковке, маркировке, комплектности, месту и способу доставки, представить документы на товар, правильно оформить электронный документ о приемке. Заказчик должен обеспечить доступ к месту поставки, проверить товар и вовремя принять решение о его приемке либо подготовить мотивированный отказ.

Одной из главных проблем остается приемка поставленного товара. С. А. Тихомирова пишет, что именно вопросы приемки, качества и последующей оплаты образуют один из самых конфликтных участков исполнения поставочного обязательства для государственных нужд [9, с. 27]. Причина простая. Фактическая передача товара еще не означает, что обязательство уже исполнено до конца. Заказчик должен установить, соответствует ли полученный товар условиям контракта. Он проверяет не только количество, но и качественные, функциональные и технические характеристики.

По действующему законодательству заказчик для проверки результатов исполнения обязан провести экспертизу. Он может сделать это своими силами либо привлечь эксперта или экспертную организацию. Если выявленное нарушение условий контракта не мешает приемке и поставщик его устранил, заказчик вправе не отказывать в принятии товара. Законодатель здесь фактически допускает разграничение недостатков по их характеру и по возможности устранения [2]. Но тут остается вопрос, где именно проходит граница между нарушением устранимым и уже существенным.

Дело № А03-17837/2022 хорошо это показывает. Поставщик строительных материалов нарушил срок поставки, который закреплял государственный контракт, и заказчик из-за этого начислил неустойку. Суд подтвердил сам факт просрочки. Но он одновременно учел, что контракт поставщик исполнил полностью, и посмотрел на размер начисленной санкции. В итоге суд при-

менил специальное регулирование о списании неустойки. Арбитражный суд Западно-Сибирского округа постановлением от 30 августа 2023 г. оставил эти судебные акты в силе [3].

Институт договорной ответственности в сфере государственных закупок поэтому устроен сложнее, чем обычное взыскание санкции за нарушение обязательства. Заказчик должен учитывать не только условия договора и ст. 330 ГК РФ. Ему нужно смотреть и на специальные нормы Закона № 44-ФЗ, и на подзаконные акты [2].

С исполнением гарантийных обязательств тоже возникает немало сложностей. Передача и приемка товара еще не всегда закрывают правоотношение полностью. Если контракт устанавливает гарантийный срок, поставщик сохраняет часть обязанностей и после основной поставки. Именно поэтому при оценке полного исполнения нужно разграничивать основное обязательство по передаче товара и последующие гарантийные обязанности. Это разграничение нужно, потому что обязанности тут разные. И последствия нарушения тоже разные [7, с. 157].

С этим связана и проблема обеспечения исполнения контракта. Закон № 44-ФЗ допускает два основных варианта: независимая гарантия либо внесение денежных средств. В отдельных случаях закон требует и обеспечение гарантийных обязательств. Сейчас общее обеспечение исполнения контракта определяется в пределах, которые прямо задает закон. Размер обеспечения гарантийных обязательств, в свою очередь не может превышать десяти процентов начальной максимальной цены контракта или соответствующей цены, которую закон использует для расчета [2].

Исследование обеспечительных механизмов показывает, что они работают не только как способ компенсации. Их наличие дисциплинирует поставщика и снижает риск того, что нарушение обязательства останется без имущественных последствий [6, с. 109]. Но слишком большой объем обеспечения увеличивает финансовую нагрузку на участника закупки. Это тоже нужно учитывать, когда формируют условия конкретного контракта.

В целом анализ практики позволяет увидеть еще одну системную проблему — расхождение между формальным и фактическим исполнением государственного контракта. Контрактная система требует строгого документального оформления действий участников. Но чрезмерно формальный подход иногда приводит к ситуации, когда заказчик фактически получил и использует товар, а обязательство все равно считают неисполненным только из-за недостатков в документации. Обратная крайность тоже недопустима [4, с. 14]. Само по себе фактическое использование товара не должно автоматически узаконивать существенное отступление от обязательных характеристик объекта закупки. Результат тут неоднозначен.

Проблемы исполнения договора поставки для государственных и муниципальных нужд носят комплексный характер. Они возникают на разных стадиях: от непо-

средственной доставки товара до его приемки, оплаты и гарантийного обслуживания. Наиболее сложными остаются вопросы квалификации недостатков поставленного

товара, проведения экспертизы, соблюдения сроков, взыскания и списания неустойки, изменения условий контракта, а также исполнения гарантийных обязательств.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 09.06.2026).
2. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (ред. от 04.08.2026).
3. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 30 августа 2023 г. № Ф04–4548/2023 по делу № А03–17837/2022.
4. Алексеенцова В. А. Особенности договора поставки для государственных или муниципальных нужд // Актуальные исследования. — 2025. — № 3 (238). — Ч. III. — С. 12–15.
5. Базанова Н. Н. Особенности договора поставки для государственных или муниципальных нужд // Молодой ученый. — 2026. — № 13 (616). — С. 120–122.
6. Гайнутдинов А. К. Обеспечение исполнения государственных и муниципальных контрактов: дис.... канд. юрид. наук. — Казань, 2023. — 219 с.
7. Присяженко Д. А. Правовые особенности процедуры исполнения государственных (муниципальных) контрактов // Молодой ученый. — 2024. — № 14 (513). — С. 157–159.
8. Тарасова И. А. Проблемы правовой природы государственного (муниципального) контракта // Молодой ученый. — 2026. — № 25 (628). — С. 250–253.
9. Тихомирова С. А. Основные проблемы исполнения обязательств по договору поставки для государственных нужд: анализ судебной практики // Правовой альманах. — 2024. — № 9 (40). — С. 25–32.

Коррупция в сфере государственного управления: понятие, причины и предупреждение

Новикова Анастасия Александровна, студент

Научный руководитель: Иванов Александр Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

В статье рассматриваются теоретико-правовые аспекты коррупции как социально-негативного явления в системе государственного управления. На основе анализа действующего российского законодательства, в частности Федерального закона № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [1], раскрывается понятие и существенные признаки коррупционных правонарушений. Исследуются ключевые экономические, институционально-правовые и социокультурные причины, способствующие распространению коррупции в органах власти. Особое внимание уделяется комплексу превентивных мер по предупреждению коррупции, включая совершенствование нормативно-правовой базы, институциональные реформы, кадровую политику на государственной службе и механизмы общественного контроля. Делается вывод о необходимости системного подхода к борьбе с коррупцией для обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития государства.

Ключевые слова: коррупция, государственное управление, противодействие коррупции, антикоррупционная политика, злоупотребление служебным положением, взяточничество, превентивные меры, институциональные реформы, общественный контроль.

Коррупция представляет собой одну из наиболее серьезных угроз для эффективного функционирования государственных институтов. Она подрывает доверие граждан к власти, искажает экономические механизмы и препятствует устойчивому развитию общества. Изучение этого феномена требует комплексного подхода, включающего анализ его правовой природы, глубинных причин возникновения и системы мер по противодействию.

Тема коррупции является одной из наиболее актуальных и широко исследуемых проблем современного государства. Несмотря на значительное количество научных работ, посвященных данной проблематике, вопрос остается недостаточно изученным применительно к специфическим аспектам российского государственного аппарата.

В последние годы данная тема приобрела особую значимость. Масштаб распространения этого явления

в сфере государственного управления позволяет характеризовать коррупцию как глобальную проблему.

Коррупция угрожает национальной безопасности, реально противостоит конституционному и общественному строю, является причиной небывалого роста в стране теневой экономики, проникает во властные институты.

Высоко оценивая значимость имеющихся в науке исследований, нельзя не отметить, что многие вопросы до настоящего времени продолжают оставаться не решенными, затрудняющими борьбу с коррупцией.

Коррупция в государственном управлении является наиболее критикуемым общественным явлением. Критика общества возникла не случайно, практически ежедневно в средствах массовой информации появляются новости о коррумпированности должностных лиц в сферах государственного управления.

Так, например, согласно информационным источникам было установлено, что за последние пять лет в России осудили более 60 тысяч чиновников за коррупцию. Генпрокурор РФ Александр Гуцан заявил, что за пять лет в России по делам о коррупции осуждены более 60 тыс. чиновников, стоимость арестованного имущества обвиняемых по этим делам превысила 800 млрд рублей. «Принципиальный подход прокуроров стал одним из ключевых факторов увеличения числа осужденных за коррупцию должностных лиц», — сообщил А. Гуцан. Более того, за полтора года у коррупционеров в доход государства изъяли имущество на сумму более трех трлн рублей. Гуцан добавил, что сейчас в мошеннических схемах все чаще фигурируют виртуальные деньги, с изъятием которых возникают сложности. Генпрокурор также назвал законным изъятие нелегальных доходов у наследников коррупционера.

Искоренить коррупцию возможно только в идеалистическом обществе, но предупреждать ее нужно, а для этого необходимо оперировать терминологическим аппаратом и знать причины этого негативного явления.

Противодействие коррупции — это комплексная деятельность государственных органов, которая включает в себя (п. 2 ст. 1 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ) [1]:

- предупреждение коррупции, а также выявление ее причин;
- выявление, предупреждение, раскрытие и расследование уже свершившихся деяний;
- минимизацию и ликвидацию последствий коррупционных правонарушений.

Выявление причин коррупции и ее предупреждение называют «профилактикой коррупции». Например, возложение на госслужащих обязанности по предоставлению сведений о доходах, расходах и имуществе, а также проверка претендента перед назначением его на должность.

Предупреждению коррупции и устранению ее причин государство уделяет особый приоритет. Причина в том, что, если пресечь коррупционные преступления до того,

как они будут совершены, ущерб экономике нанесен не будет.

Борьбой с коррупцией в РФ занимаются (ст. 5 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ) [1]:

Президент РФ — определяет основные направления антикоррупционной политики и устанавливает компетенции федеральных органов исполнительной власти в этой сфере;

Федеральное Собрание РФ — отвечает за разработку и принятие федеральных законов, направленных на борьбу с коррупцией, и контроль за деятельностью органов исполнительной власти;

Правительство РФ — распределяет антикоррупционные функции между федеральными органами;

Генеральный прокурор РФ — координирует антикоррупционную деятельность органов внутренних дел, ФСБ, таможни и других правоохранительных органов;

Счетная палата РФ — противодействует коррупции в пределах своих полномочий, установленных ФЗ от 05.04.2013 № 41-ФЗ. [2],

Также противодействием коррупции занимаются непосредственно федеральные органы, органы госвласти, а также органы местного самоуправления. Для этого создают специальные отделы или назначают конкретных должностных лиц, ответственных за профилактику и выявление коррупционных преступлений.

Кроме того, антикоррупционной деятельностью в России занимаются общественные организации и объединения, которые оказывают помощь и содействие гражданам, столкнувшимся с коррупционными действиями со стороны госслужащих.

Целью антикоррупционной политики является снижение уровня коррупции и обеспечение защиты прав и законных интересов граждан, общества и государства от угроз, связанных с коррупцией.

Из всего широчайшего комплекса проблем, существующих в мире, ни одна не приносит столько вреда, сколько коррупция. Если коррупция пускает корни в органах власти, возможность эффективно работать со всеми другими проблемами резко сокращается. В результате коррупции парализуются два существенных элемента любой стратегии, направленной на улучшение работы органов: общественное доверие и способность руководителей контролировать и направлять деятельность подчиненных им должностных лиц.

Изучением проблем противодействия коррупции, средств и способов борьбы с ней активно занимаются российские учёные. Причём эта проблема становится областью интересов не только юристов и экономистов, но и, особенно в связи с разработкой информационных систем в антикоррупционной сфере, специалистов технических профессий.

В юридических науках, рассматривающих коррупцию как разновидность противоправных действий должностных лиц, следует отметить исследования [6] [7] [8] [9] Т. В. Бекена, И. И. Бикеева, Я. И. Гилинского,

К. И. Головщинского, П. А. Кабанова, А. В. Куракина, П. А. Скобликова.

Среди социологических работ по этой проблеме необходимо отметить исследования М. Н. Афанасьева, Н. А. Ахметовой, З. Б. Дзюгиевой, Д. К. Казымбетовой, В. Л. Римского, Г. А. Сатарова. Здесь большое значение имеет проблема возникновения коррупции как результата дисфункциональных процессов в социальной структуре общества, вопрос о характере взаимосвязи между особенностями неформальных контактов и отношений чиновников и уровнем развития коррупционных практик.

Особое значение для нашего исследования представляют работы [4] [5] В. Н. Агеева, А. С. Быстровой, М. В. Сильвестроса, Т. К. Сиссенера. В этих трудах сделан акцент на изучении социокультурных факторов, способствующих воспроизводству коррупционных практик в системе государственной службы. Именно социокультурный аспект исследования коррупции, по нашему мнению, является наиболее важным при анализе причин возникновения коррупционных действий и выработке соответствующих мер противодействия для современного российского общества.

Изучение коррупциогенных сфер даёт возможность моделировать системы мер специального и индивидуального предупреждения коррупционных преступлений, вскрывать факты уже совершённых деяний. В реальности это позволит противодействовать коррупционным проявлениям на уровне конкретной организации, органа публичной власти, должностного лица, вырабатывать антикоррупционные программы применительно к конкретной ситуации, индивидуально определённом подразделению государственного или муниципального учреждения.

В качестве методологической основы исследования выступают общенаучные методы познания (анализ, синтез, обобщение, аналогия и классификация), диалектический и системный методы, историко-сравнительный анализ предмета исследования. Подходы были использованы в контексте выявления места коррупции в социальной системе, особенностей взаимного влияния между состоянием социальной структуры общества и уровнем развития коррупционных отношений.

Правовой основой исследования является Федеральный закон «О противодействии коррупции» [1].

Ведущим методом исследований коррупции остаются опросы, которые послужили основой для создания первых индексов коррупции в 90-е годы XX века. Опросы являются источником информации по таким темам, как общественное мнение, оценка уровня коррупции, выявление конкретных форм нарушений, оценка экономического объёма теневых действий, определение наиболее коррумпированных регионов или секторов и т. п.

Однако метод опросов имеет множество ограничений (неискренность респондентов, нерепрезентативность выборок, зависимость ответов от нюансов поставленного вопроса и др.).

Работа по внедрению цифровых и информационных технологий в различные сферы государственного управления и государственных услуг с целью сделать их максимально прозрачными ведётся не первый год.

Указом Президента Российской Федерации от 25 апреля 2022 [3], года была создана и внедрена государственная информационная система в области противодействия коррупции «Посейдон». Эта информационная система имеет своей целью анализ и проверку соблюдения установленных нормативно-правовыми актами ограничений, запретов и требований для государственных, муниципальных служащих и иных лиц, замещающих государственные должности, или должности, приравненные к ним.

ГИС «Посейдон» базируется на программном обеспечении «Справка-БК», которое уже несколько лет используется государственными и муниципальными служащими для заполнения отчётных документов.

Создан ряд платформ, оказывающих государственные услуги, которыми активно пользуются граждане России, в результате чего, личный контакт с чиновниками различного уровня становится минимальным, либо вообще исключается, а оказание целого ряда государственных услуг с момента подачи заявления, до их полного исполнения занимает не больше пяти минут. Это, в первую очередь, цифровые продукты платформы «Электронное правительство» — это и единый портал государственных услуг (ЕПГУ) — Госуслуги, и единая система идентификации и аутентификации (ЕСИА), досудебное обжалование и др.; и официальное интернет представительство Президента Российской Федерации, и портал Правительства России — Цифровое правительство. Кроме того, каждое ведомство имеет свои порталы, либо интернет-приёмные, в которые граждане могут обратиться для решения своих проблем.

Безусловно, указанные информационные системы и цифровые продукты благоприятно воздействуют на снижение уровня коррупции в органах государственной и муниципальной власти, а также в органах, оказывающих государственные услуги населению.

Кроме того, что цифровые инструменты «работают» на соблюдение принципа публичности и открытости деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, установленного 3 статьёй Федерального закона «О противодействии коррупции» [1].

Заключение

Коррупция в системе государственного управления — это сложное явление, обусловленное переплетением экономических, правовых и социальных факторов. Эффективное противодействие ей невозможно без политической воли, последовательных институциональных реформ и активного участия гражданского общества. Только системный подход, сочетающий жесткие санкции за совершенные деяния с мерами по устранению их первопричин, способен привести к снижению уровня коррупции и укреплению правового государства.

Литература:

1. Федеральный закон № 273-ФЗ от 25 декабря 2008 года «О противодействии коррупции»//https://lcey3-kras.gosuslugi.ru/netcat_files/userfiles/2025_AntiKor/Federalnyy_zakon_O_protivodeystvii_korrupsii.pdf;
2. Федеральный закон от 05.04.2013 № 41-ФЗ называется «О Счетной палате Российской Федерации»//base.garant.ru; Федеральный закон от 05.04.2013 № 41-ФЗ «О Счетной... | ГАРАНТ;
3. Указ от 25 апреля 2022 года № 232 «О государственной информационной системе в области противодействия коррупции „Посейдон“»//base.garant.ru; Указ Президента РФ от 25.04.2022 N 232... | ГАРАНТ;
4. Агеев В. Н. «Антикоррупционная политика России в сфере государственной службы».
5. Агеев В. Н. «Способы ограничения прав государственных служащих как средство борьбы с коррупцией в системе государственной службы».
6. Бикеев И. И. «Коррупциогенность и коррупциогенные сферы в современном российском обществе».
7. Головщинский К. И. «Диагностика коррупциогенности законодательства».
8. Куракин А. В. «Административно-правовые средства предупреждения и пресечения коррупции в системе государственной службы (история и современность)».
9. Скобликов П. А. «Актуальные проблемы борьбы с коррупцией и организованной преступностью в современной России».

Особенности оперативно-розыскной деятельности при расследовании уголовных дел о взяточничестве

Петрова Мария Вячеславовна, студент магистратуры

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Санкт-Петербург)

В статье рассмотрены правовые основания проведения оперативно-розыскных мероприятий по делам о получении и даче взятки, посредничестве во взяточничестве и мелком взяточничестве, а также типичные ошибки и риски, возникающие на стыке оперативно-розыскного и уголовно-процессуального законодательства. Отдельное внимание уделено проблеме провокации взятки, значению взаимодействия следователя с защитой и практическому применению разъяснений Пленума Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: взяточничество, оперативно-розыскная деятельность, оперативный эксперимент, провокация, доказывание, следователь, защитные версии.

Коррупционные сделки совершаются скрытно. Стороны, стремясь сохранить тайну сделки, редко оставляют прямых свидетелей передачи взятки. Поэтому статьи 290–291.2 Уголовного кодекса РФ почти никогда не расследуются без обращения к материалам оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) — прослушиванию переговоров, наблюдению, оперативному эксперименту, проверочной закупке. Применение негласных методов порождает, однако, целый пласт процессуальных споров — о законности оснований для их проведения, о границе между выявлением преступления и провокацией, о допустимости полученных материалов в качестве доказательств.

Уголовная ответственность за взяточничество формировалась не одномоментно. Получение и дача взятки вошли в Уголовный кодекс с самого начала, тогда как посредничество во взяточничестве и мелкое взяточничество появились в законе значительно позже — спустя пятнадцать и двадцать лет соответственно. Все четыре состава объединяет, впрочем, общий объект и предмет посягательства, что и позволяет рассматривать их совместно применительно к оперативному сопровождению расследования.

Предварительное следствие по статьям 290–291.1 УК РФ отнесено к подследственности Следственного комитета, тогда как дела о мелком взяточничестве (ст. 291.2 УК РФ) расследуются в форме дознания органами внутренних дел. Разделение подследственности напрямую влияет на организацию оперативного сопровождения. По «крупным» составам оперативные подразделения работают в тесной связке со следователями Следственного комитета, а по мелкому взяточничеству нередко ограничиваются материалами, собранными ещё до возбуждения дела. Расследование здесь во многом сводится к процессуальному закреплению уже полученных сведений, тогда как особый порядок судебного разбирательства дополнительно снижает потребность в развёрнутом доказывании.

Среди оперативно-розыскных мероприятий, применяемых по делам о взяточничестве, ведущее место занимает оперативный эксперимент — именно с его помощью фиксируется момент передачи предмета взятки. Закон, однако, прямо запрещает подстрекать, склонять или иным образом побуждать лицо к совершению противоправных действий. Часть 8 статьи 5 Федерального закона «Об опе-

ративно-розыскной деятельности» устанавливает границу, за которой законная проверка информации превращается в провокацию.

Наиболее острой в правоприменительной практике остаётся проблема отграничения оперативного эксперимента от провокации — грань здесь тонкая. Основанием для проведения негласного мероприятия должен служить конкретный, проверяемый факт, свидетельствующий о готовящемся или совершаемом преступлении, а не предположение оперативного сотрудника.

Отдельного внимания заслуживает организационный аспект расследования — характер взаимодействия следователя с адвокатом на досудебной стадии. Опрос тридцати следователей Следственного управления Следственного комитета РФ по Приморскому краю, проводимый И. М. Поляковым, дал неоднозначную картину. «Десять из них вовсе не считают нужным обсуждать с защитой спорные вопросы, полагая, что адвокаты искажают информацию в интересах доверителя» [1, с. 52]. Пятнадцать готовы к диалогу лишь по инициативе самого защитника. И только пятеро — как правило, с опытом работы свыше пяти лет — сами выступают инициаторами таких обсуждений. Опрос сорока пяти адвокатов той же палаты выявил обратную сторону проблемы — многие следователи прямо отказываются от содержательного диалога, предлагая знакомиться с материалами дела лишь в порядке статьи 217 УПК РФ.

Между тем именно своевременная проверка доводов защиты о провокации или об иных нарушениях закона при проведении ОРМ способна предотвратить оправдательный приговор. Предложенная модель тактической операции по проверке версии о невиновности состоит из пяти этапов:

1. аналитическая работа следователя, предполагающая критическое осмысление материалов обвинения;
2. изучение позиции защиты и переговоры с адвокатом;
3. проведение следственных действий, направленных на проверку контрверсии, — включая повторные допросы участников оперативного мероприятия и очные ставки;
4. использование специальных знаний, в частности судебно-лингвистических исследований переписки на предмет побудительного или подстрекательского характера сообщений;
5. необязательная, но полезная оценка судебной перспективы дела на межведомственном совещании с участием прокурора и руководителя следственного отдела.

Пятиэтапная модель органично дополняет работу с результатами ОРД. Если сведения о преступном умысле лица сформировались независимо от деятельности оперативных сотрудников, они пригодны для доказывания; если же умысел спровоцирован, использование таких материалов недопустимо.

Расследование взяточничества осложняется многообразием возможных объяснений произошедшего со стороны обвиняемого. Ю. П. Гармаев предложил типологию

из двенадцати групп защитных версий, включающую свыше шестидесяти конкретных формулировок — «от отрицания статуса специального субъекта до указания на нарушения при производстве экспертиз» [2, с. 170]. Ценность классификации не только в помощи защите — она служит ориентиром и для следователя: своевременное прогнозирование возможных возражений позволяет заранее спланировать оперативно-розыскные и следственные действия, закрывающие соответствующие пробелы в доказывании.

Применительно к сфере ОРД наибольшую практическую значимость имеет десятая группа версий — о нарушениях законодательства об оперативно-розыскной деятельности. Сюда относятся утверждения об отсутствии законных оснований для проведения мероприятия, о проведении оперативного эксперимента по преступлению небольшой тяжести, а также о многочисленных нарушениях порядка подготовки, документирования и представления результатов ОРД следователю. Прогнозирование таких возражений на самом раннем этапе расследования — ещё до возбуждения дела — способно предотвратить процессуальные потери, схожие с описанными выше.

Анализ статистики предварительного расследования взяточничества за 2015–2022 годы, проведённый В. А. Данько, выявляет ряд устойчивых закономерностей [3, с.46]. Доля преступлений о взяточничестве, зарегистрированных именно органами внутренних дел, стабильно составляет 68–86 процентов от общего числа, что подтверждает ведущую роль подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции в выявлении коррупционных деяний. Остаток же нерасследованных дел на конец отчётного периода остаётся значительным — в среднем свыше половины зарегистрированных преступлений о получении взятки и посредничестве во взяточничестве переходит на следующий отчётный период, а по посредничеству этот показатель достигает шестидесяти одного процента.

Оперативно-розыскное сопровождение расследования взяточничества сочетает, однако, высокую практическую эффективность с повышенными рисками процессуальных нарушений. Ключевыми направлениями совершенствования этой работы представляются:

1. строгое соблюдение требования о наличии конкретного и проверяемого основания для проведения оперативного эксперимента;
2. исключение любых форм подстрекательства со стороны привлекаемых к содействию граждан и оперативных сотрудников;
3. выстраивание конструктивного диалога следователя с защитой на самых ранних этапах производства;
4. системное прогнозирование типичных защитных версий как инструмент планирования доказывания.

Разработка межведомственной инструкции, регламентирующей взаимодействие органов, осуществляющих ОРД, Следственного комитета и подразделений дознания, могла бы способствовать снижению доли приостанов-

ленных и незавершённых дел о взяточничестве — не выходя при этом за пределы законности, очерченные нацио-

нальным законодательством и практикой Европейского Суда по правам человека.

Литература:

1. Поляков И. М. Тактическая операция по проверке версии о невиновности по уголовным делам о взяточничестве // Евразийская адвокатура. — 2023. — №. 3 (62). — С. 50–53.
2. Гармаев Ю. П. Перечень защитных версий по делам о взяточничестве и его практическое использование // Вестник Сибирского юридического института МВД России. — 2025. — №. 4 (61). — С. 168–174.
3. Данько В. А. Оперативно-розыскные меры, применяемые органами внутренних дел на стадии предварительного расследования взяточничества // Вестник Сибирского юридического института МВД России. — 2023. — №. 4 (53). — С. 40–48.

Оскорбление представителя власти: соотношение уголовно-правового и административно-правового подходов

Пось Сергей Игоревич, студент магистратуры

Научный руководитель: Анощенко Светлана Владимировна, доктор юридических наук, доцент, профессор Санкт-Петербургский университет МВД России

В статье рассматриваются особенности и проблемы квалификации преступления, предусмотренных статьей 319 Уголовного кодекса РФ. Указанная статья посвящена анализу состава преступления, предусмотренного статьей 319 УК РФ, как ключевого механизма противодействия посягательствам на честь достоинство представителя власти. Статья содержит не только уголовно-правовую характеристику указанного состава преступления, в ней поднимаются проблемы правоприменения с позиций уголовного и административного права, и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: посягательство, честь и достоинство, представитель власти, оскорбление, публичное оскорбление, уголовная ответственность, административная ответственность.

Введение

Уголовный кодекс РФ 1996 г. (далее — УК РФ) содержит статью 319, устанавливающую ответственность за оскорбление особого круга лиц, которые уголовный закон обозначает как представители власти.

Общественная опасность анализируемого состава преступления, а также наличие спорных вопросов, связанных с квалификацией данных посягательств, предопределили появление 1 июня 2023 г. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 УК РФ» (далее — постановление Пленума № 14). При этом, несмотря на принятие указанного руководящего и разъясняющего постановления Пленума, конструкция данных составов преступлений далека от совершенства и нуждается в осмысленных изменениях.

Основная часть

Изначально нам представляется целесообразным рассмотреть вопросы, связанные с содержанием самого понятия оскорбления представителя власти.

В п. 17 Постановления № 14 раскрыто содержание оскорбления представителя власти, предусмотренного ст. 319 УК РФ. При этом указано, что данное преступление состоит в публичном унижении чести и достоинства представителя власти, затрагивающем его личностные и (или) профессиональные (служебные) качества, совершённом при исполнении или в связи с исполнением потерпевшим своих должностных обязанностей, и выраженном в неприличной или иной форме, унижающей честь и достоинство потерпевшего.

Диспозиция ст. 319 УК РФ не содержит указания на форму оскорбления представителя власти, вместе с тем соответствующее уточнение, сделанное Пленумом, исходит из сложившейся судебной практики применения этой статьи и направлено на ограничение сферы её действия только теми случаями, которые представляют криминальную степень общественной опасности. То есть не любое оскорбительное высказывание подпадает под действие этой нормы, а только то, которое действительно серьёзно нарушает порядок управления и представляет угрозу для авторитета власти. Если человек в пылу спора из возникших неприязненных отношений высказал полицейскому что-то грубое, это может не охватываться статьей 319 УК РФ. Но если оскорбление было публичным,

было связано с исполнением обязанностей представителя власти, оно может быть расценено как преступление.

Пленум Верховного Суда РФ уточнил, что статья 319 УК РФ применяется только к оскорблениям, которые представляют серьёзную общественную опасность, а не к любым словам, сказанным в адрес представителя власти. Кроме того, это разъяснение позволяет уяснить социально-правовую сущность оскорбления представителя власти и обеспечить единообразное применение ст. 319 УК РФ.

В связи с развитием информационно-телекоммуникационных технологий, понятие признака публичности расширяется, в том числе за счет использования соответствующих технологий. Поэтому оскорбление представителя власти в социальных сетях также рассматривается как совершенное публично.

Указание на две возможные формы оскорбления, на наш взгляд, способствует более полной и надёжной уголовно-правовой охране порядка управления, чести и достоинства представителей власти (посредством публичного высказывания в адрес потерпевшего ругательств либо размещения унижающих потерпевшего сведений в средствах массовой информации или в сети «Интернет» без ограничения доступа к соответствующим сведениям других лиц, а равно иных публичных действий, унижающих честь и достоинство потерпевшего (например, срывание форменного головного убора или погон), при условии, что они не причинили физическую боль либо вред его здоровью).

Отметим, что уголовный закон устанавливает ответственность исключительно за публичное оскорбление представителя власти. Случаи непубличного оскорбления представителей власти на практике преследуются по ст. 5.61 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ). Применение указанной нормы в полной мере не обеспечивает защиту нормальной управленческой деятельности представителей власти ввиду очевидной мягкости санкции (штраф за совершение указанного административного правонарушения составляет до 5 000 рублей).

Разумеется, при очном общении сотрудник полиции может потребовать от нарушителя прекратить происходящее оскорбление и, в случае отказа выполнить данное законное требование, привлечь нарушителя к ответственности по ст. 19.3 КоАП РФ.

На наш взгляд, указанная правовая охрана не учитывает важной роли представителей власти в управлении государством и охране общественного порядка. Отметим, что норма статьи 5.61 КоАП РФ при непубличном оскорблении представителя власти является низкоэффективным механизмом ввиду того, что многие представители власти ввиду отсутствия свободного времени не обращаются в уполномоченные органы с целью привлечения виновного лица к административной ответственности.

Низкий общепреventивный потенциал административно-правовых норм, включая их весьма мягкие санкции за непубличное оскорбление представителя власти может

вызвать весьма негативные последствия, в частности, подрыв авторитета власти ввиду того, что самой властью объективно не могут быть приняты меры для достойного противодействия.

Устранение обнаруженного нами пробела в законодательстве можно осуществить несколькими способами, в зависимости от отношения власти к ценности нарушаемых общественных отношений. Например, оскорбление представителя власти в связи с исполнением должностных полномочий квалифицировать как административное правонарушение против порядка управления (гл. 19 КоАП РФ).

При определении наказания за это деяние сделать акцент на большие штрафные санкции от 5000 до 15000 рублей для оскорбления представителя власти, совершенного впервые, предусмотрев альтернативой административный арест. Повторное совершение аналогичного деяния можно наказывать строже по части второй анализируемой статьи.

С другой стороны, возможно в гл. 19 КоАП РФ преследовать первое оскорбление представителя власти в связи с исполнением должностных полномочий, не прибегая к уголовной ответственности. Иными словами, первое непубличное оскорбление остаётся административным правонарушением, а уголовная ответственность по ст. 319 УК РФ наступает лишь при условии, что лицо ранее уже было подвергнуто административному наказанию за аналогичное деяние. Именно такой механизм именуется административной преюдицией: сам факт повторности «превращает» административный проступок в преступление.

Совершение этого проступка повторно лицом, уже единожды подвергнутым административному наказанию за аналогичное нарушение, можно преследовать, соответствующим образом изменив ст. 319 УК РФ или предусмотрев в гл. 32 УК РФ самостоятельно статью, например ст. 319.1, по примеру ст. 116.1 УК РФ.

Заключение

Таким образом, уголовно-правовые механизмы, устанавливающие ответственность за посягательства на честь и достоинство представителей власти, нуждаются в совершенствовании. Нами предложены пути модернизации административной ответственности путём увеличения штрафных санкций за совершение административного правонарушения, предусмотренного статьей 5.61 КоАП РФ.

В качестве варианта повышения авторитета власти нами также предлагается установление административной преюдиции в статье 319 УК РФ.

Совершенствование квалифицирующих признаков: включение интернета и СМИ в качествеотягчающих обстоятельств

В настоящее время основной состав преступления, предусмотренного ч.1 ст. 319 УК РФ, не содержит специальных квалифицирующих признаков для деяний, совер-

шённых с использованием интернета или СМИ. В проекте поправок к ст. 319 УК РФ, подготовленном главой комитета Государственной Думы по безопасности и противодействию коррупции В. И. Пискарёвым, предлагалось включить «совершение с использованием интернета или СМИ» в качестве отягчающего обстоятельства и установить более суровые санкции.

Представляется целесообразным: статью 319 УК РФ дополнить частью 2, предусматривающей квалифицирующий признак «совершённые с использованием СМИ или информационно-телекоммуникационных сетей (включая Интернет)», установив более строгое по сравнению с санкцией ч. 1 ст. 319 УК РФ наказание.

Существенное повышение размеров уголовных наказаний

По действующему законодательству максимальный штраф по статье 319 УК РФ составляет 40 тысяч рублей, обязательные работы — до 360 часов, исправительные работы — до одного года. Результаты показывают, что новый законопроект предусматривает существенное повышение этих санкций.

Предложение В. И. Пискарёва:

Повышение максимального размера штрафа: с 40 тысяч рублей до 80 тысяч рублей

Увеличение срока обязательных работ: с 360 часов до 460 часов

Продление срока исправительных работ: с одного года до двух лет

Введение наказания в виде лишения свободы на определённый срок.

В действующем законодательстве по статье 319 УК РФ не предусмотрено наказания в виде лишения свободы. Согласно законопроекту, за квалифицированный состав (совершение с использованием интернета или СМИ) может быть установлено наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет.

На наш взгляд, указанные изменения заслуживают поддержки, поскольку действующие санкции не в полной мере отражают общественную опасность посягательства на авторитет представителя власти. Мы также полагаем целесообразным дополнить ст. 319 УК РФ частью 2, предусматривающей квалифицирующий признак «совершённые с использованием СМИ или информационно-телекоммуникационных сетей (включая Интернет)», установив более строгое по сравнению с санкцией ч. 1 ст. 319 УК РФ наказание.

Предложение: за преступление, предусмотренное частью 2 (совершённое с использованием интернета или СМИ), в качестве максимального наказания установить лишение свободы на срок до двух лет, с возможностью одновременного лишения права занимать определённые должности на срок до трёх лет или без такового.

Другие предлагаемые механизмы совершенствования

Помимо вышеуказанных предложений, в доктрине уголовного права и среди законодательных инициатив обсуждаются более радикальные подходы к совершенствованию ст. 319 УК РФ.

Криминализация. Непубличного оскорбления. В отдельных научных исследованиях высказывается предложение включить непубличное оскорбление представителя власти в число уголовно наказуемых деяний и изложить ст. 319 УК РФ в новой редакции, установив публичность в качестве квалифицирующего, а не конструктивного признака состава преступления. По мнению сторонников такого подхода, это позволило бы обеспечить более надёжную защиту авторитета государственной власти и предотвратить преступления в отношении сотрудников полиции. Данная позиция, однако, не является бесспорной, поскольку расширение уголовной репрессии за счёт непубличных форм унижения создаёт риск чрезмерного вмешательства государства в сферу межличностного общения.

Декриминализация. Ряд депутатов Государственной Думы выступали за исключение ст. 319 УК РФ из Уголовного кодекса и перевод соответствующих деяний исключительно в сферу административной ответственности. Аргументация сторонников данной позиции сводится к тому, что санкции в виде штрафа, обязательных работ и исправительных работ, предусмотренные ст. 319 УК РФ, по своей сути не отличаются от административных наказаний, а наличие судимости за оскорбление создаёт несоразмерные правовые последствия для виновного лица. Сторонники декриминализации также указывают, что уголовная репрессия за оскорбление представителя власти может использоваться как инструмент давления на граждан, критически высказывающихся о деятельности органов власти.

Позиция С. В. Анощенковой и А. И. Антипова позволяет предложить дополнительный аргумент в пользу сохранения уголовной ответственности за публичное оскорбление представителя власти. Если признак публичности — это не формальный, а сущностный признак, определяющий повышенную общественную опасность деяния, то декриминализация ст. 319 УК РФ означала бы отказ от уголовно-правовой охраны именно тех форм посягательства, которые наиболее опасны для авторитета власти. В то же время криминализация непубличного оскорбления не учитывала бы различий в механизме причинения вреда: при непубличном оскорблении отсутствует воздействие на сознание неопределённого круга лиц, а следовательно, и тот общественный резонанс, который оправдывает уголовную репрессию.

Вывод по предложениям

Изложенные позиции представляют собой две крайности, ни одна из которых, на наш взгляд, не может быть признана оптимальной.

Полная декриминализация ст. 319 УК РФ не учитывает того обстоятельства, что публичное оскорбление представителя власти — это посягательство не только на личное достоинство конкретного сотрудника, но и на порядок управления как таковой. Унижение представителя власти в присутствии других граждан подрывает доверие к институтам государственной власти и создаёт предпосылки для дальнейшего противоправного поведения в отношении сотрудников правоохранительных органов. Перевод таких деяний исключительно в административную плоскость несоразмерен их общественной опасности.

В то же время криминализация непубличного оскорбления представляет собой чрезмерное расширение уголовной репрессии. Непубличное оскорбление, даже если оно затрагивает честь и достоинство представителя власти, не создаёт того общественного резонанса и не подрывает авторитет власти в глазах неопределённого круга лиц, который характерен для публичных форм посягательства. Кроме того, криминализация непубличных деяний создала бы значительные сложности в право-

применении, связанные с необходимостью доказывания факта оскорбления в условиях отсутствия свидетелей и фиксации.

Оптимальным представляется срединный подход, который мы и предлагаем в настоящей работе. Суть его состоит в следующем: публичное оскорбление представителя власти (в том числе совершённое с использованием интернета или СМИ) остаётся уголовно наказуемым деянием с разграниченной санкцией, включающей квалифицированный состав для деяний, совершённых в цифровой среде. Непубличное оскорбление остаётся в сфере административной ответственности, однако санкция ст. 5.61 КоАП РФ должна быть существенно усилена, а повторное совершение такого деяния — влечь уголовную ответственность по механизму административной преюдиции (по аналогии со ст. 116.1 УК РФ). Такой подход позволяет, с одной стороны, сохранить уголовно-правовую охрану наиболее опасных форм посягательства, а с другой — не допустить необоснованного расширения сферы уголовной репрессии.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 8, август, 2023.
3. Сотникова В. В., Тедеев Г. А. Оскорбление представителя власти: проблемы уголовной ответственности // Военное право. — 2018. — № 2 (48). — С. 207–211.
4. Токарчук Р. Е. Проблемы законодательной регламентации ответственности за оскорбление представителей власти в связи с исполнением служебных задач // В сборнике: Преступление: сущность и содержание. Материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 95-летию со дня рождения Заслуженного деятеля науки Российской Федерации доктора юридических наук, профессора А. И. Марцева. Омск, 2025. — С. 51–55.
5. Анощенкова С. В., Антипов А. И. Публичность как обязательный признак преступления, предусмотренного статьей 319 Уголовного кодекса Российской Федерации «Оскорбление представителя власти» // Научный портал МВД России. — 2025. — № 2 (70). — С. 79–88.

Пределы изменения обвинения на стадии предварительного следствия: проблемы правоприменения

Радыгина Елена Петровна, студент магистратуры
Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)

В статье исследуются пределы изменения обвинения на стадии предварительного следствия в российском уголовном процессе. Автор анализирует правовые позиции Конституционного суда РФ и Верховного суда РФ, определяющие границы корректировки обвинения на досудебной и судебной стадиях, и показывает, что именно качество следственного обвинения задаёт рамки судебного разбирательства. Рассматривается сравнительно-правовой опыт Республики Беларусь и Республики Молдова, в которых законодатель допускает утяжеление обвинения непосредственно в судебном разбирательстве, в отличие от российской модели, жёстко разделяющей стадии. В России выделяются четыре ключевые проблемы правоприменения: нечёткость критериев разграничения изменения обвинения и частичного прекращения преследования; использование ст. 219 УПК РФ для утяжеления обвинения после окончания следственных действий; от-

существование требования о мотивированности решения об изменении обвинения; неконтролируемая переквалификация на более тяжкий состав после возвращения дела прокурору.

Ключевые слова: изменение обвинения, предварительное следствие, переквалификация, прекращение уголовного преследования, возвращение дела прокурору, право на защиту, УПК РФ.

Конституционный суд РФ в Постановлении от 8 декабря 2003 года № 18-П указал, что процессуальные нарушения, для устранения которых суд возвращает уголовное дело прокурору, не должны касаться ни фактических обстоятельств, ни вопросов квалификации действий и доказанности вины обвиняемых, а их устранение не предполагает дополнения ранее предъявленного обвинения. Иными словами, возвращение дела прокурору для устранения недостатков обвинительного заключения не может служить основанием для предъявления нового, более тяжкого обвинения.

Верховный суд РФ в Постановлении Пленума от 29 ноября 2016 года № 55 «О судебном приговоре» разъяснил, что суд вправе изменить обвинение и квалифицировать действия подсудимого по другой статье уголовного закона, по которой подсудимому не было предъявлено обвинение, лишь при условии, что действия подсудимого, квалифицируемые по новой статье закона, вменялись ему в вину, не содержат признаков более тяжкого преступления и существенно не отличаются по фактическим обстоятельствам от поддержанного обвинителем обвинения, а изменение не ухудшает положения подсудимого и не нарушает его права на защиту.

Эти разъяснения, касающиеся судебной стадии, опосредованно определяют и пределы изменения обвинения на следствии: поскольку именно следственное обвинение задаёт рамки судебного разбирательства, качество его формулирования приобретает решающее значение. Если следствие не выявит обстоятельств, требующих переквалификации на более тяжкий состав, суд не сможет сделать это самостоятельно — ему придётся возвращать дело прокурору в порядке п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2024 года № 39 уточнено, что уголовное дело не подлежит возвращению прокурору, если допущенное нарушение может быть устранено в судебном заседании, когда это не влечёт изменения обвинения на более тяжкое либо существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам, не ухудшает положения обвиняемого и не нарушает его права на защиту. Данное разъяснение дополнительно подчёркивает значимость правильного и своевременного изменения обвинения именно на досудебной стадии.

Конституционный суд РФ в Постановлении от 2 июля 2013 года № 16-П признал не соответствующими Конституции РФ положения ч. 1 ст. 237 УПК РФ в той мере, в какой они препятствуют самостоятельному и независимому выбору судом подлежащих применению норм уголовного закона в случаях, когда фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, свидетельствуют о наличии в действиях обвиняемого при-

знаков более тяжкого преступления. Тем самым был сделан важный шаг к обеспечению прав потерпевшего, однако проблема своевременной и корректной квалификации на стадии следствия остаётся актуальной.

Интерес представляет и опыт зарубежных стран. Так, УПК Республики Беларусь (ч. 2 ст. 301) предусматривает следующее: при возникновении в ходе судебного следствия потребности в изменении обвинения на более тяжкое суд по ходатайству государственного обвинителя объявляет перерыв на срок до 10 суток для составления нового постановления о привлечении в качестве обвиняемого, копия которого вручается обвиняемому и защитнику с предоставлением времени для подготовки к защите.

УПК Молдовы (ст. 326) идёт ещё дальше, наделяя прокурора правом изменить обвинение на более тяжкое своим постановлением в ходе судебного разбирательства, если исследованные доказательства неопровержимо свидетельствуют о совершении более тяжкого преступления.

Российское законодательство, напротив, жёстко разделяет стадии: утяжеление обвинения возможно только на предварительном следствии, а в суде — лишь через возвращение дела прокурору.

Существует ряд проблем, касающихся данной темы.

Первая проблема — нечёткость критериев разграничения изменения и дополнения обвинения, с одной стороны, и частичного прекращения уголовного преследования — с другой. На практике следователи нередко применяют ч. 2 ст. 175 УПК РФ (прекращение преследования в части) в ситуациях, когда требуется не прекращение, а переквалификация. Как отмечается в литературе, квалификация действий уголовно преследуемого лица не является частью обвинения в том смысле, который заложен ч. 2 ст. 175 УПК РФ. Представляется целесообразным дополнить ст. 175 УПК РФ разъяснением о том, что переквалификация деяния оформляется новым постановлением о привлечении в качестве обвиняемого без вынесения отдельного постановления о прекращении преследования по прежней статье.

Вторая проблема — использование ст. 219 УПК РФ для изменения обвинения после окончания следственных действий. Несмотря на позицию Конституционного суда РФ, этот вопрос остаётся дискуссионным. Целесообразно законодательно запретить проведение в порядке ч. 1 ст. 219 УПК РФ следственных действий, направленных на увеличение объёма обвинения, утяжеление обвинения или изменение существенных обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии со ст. 73 УПК РФ.

Третья проблема — отсутствие в законе требования о мотивированности решения об изменении обвинения.

В отличие от судебной стадии, когда «всякое изменение обвинения в суде должно быть обосновано в описательно-мотивировочной части приговора», для стадии предварительного следствия аналогичного требования не предусмотрено. Представляется разумным закрепить в ст. 175 УПК РФ обязанность следователя указывать в новом постановлении о привлечении в качестве обвиняемого мотивы, по которым ранее предъявленное обвинение изменено.

Четвёртая проблема связана с возвращением уголовного дела прокурору после судебного разбирательства. Как показывает практика, после возвращения дела прокурору в порядке п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ для устранения конкретных нарушений, допущенных при составлении обвинительного заключения, органы следствия иногда производят переквалификацию на более тяжкий состав, хотя основанием для возвращения это не являлось. Верховный суд РФ однозначно ориентирует правоприменителя на то, что возвращение дела прокурору по п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ не может быть основанием для переквалификации на более тяжкий состав: для этого требуется специальное основание по п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ.

Пределы изменения обвинения на стадии предварительного следствия в российском уголовном процессе характеризуются принципиальным отличием от судебной стадии: на следствии закон не устанавливает запрета на

поворот к худшему, тогда как в суде изменение обвинения допустимо лишь в сторону смягчения и при условии сохранения права на защиту (ч. 2 ст. 252 УПК РФ). Это различие отражает функциональное назначение досудебного производства — всестороннее и полное исследование обстоятельств дела.

Вместе с тем отсутствие прямых ограничений не означает безграничности усмотрения следователя. Пределы изменения обвинения определяются требованиями достаточности доказательств, обеспечения права на защиту, связи с расследуемым деянием, а также процессуальным порядком, установленным главой 23 УПК РФ.

Анализ правоприменительной практики выявляет необходимость совершенствования законодательного регулирования, в частности уточнения критериев разграничения изменения, дополнения обвинения и частичного прекращения преследования; запрета на утяжеление обвинения в порядке ст. 219 УПК РФ после окончания следственных действий; закрепления требования о мотивированности решения об изменении обвинения. Реализация этих предложений позволит более точно определить границы корректировки обвинения на стадии предварительного следствия и обеспечит баланс между эффективностью уголовного преследования и защитой прав участников процесса.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 26.07.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 26.07.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» (в ред. от 09.12.2025) // Верховный Суд Российской Федерации: официальный сайт. — URL: https://www.vsrfr.ru/Show_pdf.php?Id=11139 (дата обращения: 24.09.2026).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 № 39 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2025. — № 2.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999 № 295-З (в ред. от 17.07.2023) // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. — URL: <https://pravo.by/document/?guid=11031&p0=НК9900295> (дата обращения: 24.09.2026).
6. Килина И. В. Поворот к худшему при пересмотре приговоров и иных итоговых решений суда в апелляционном порядке: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Ульяновск, 2019. — 30 с.

Пределы изменения обвинения на стадии предварительного следствия

Радыгина Елена Петровна, студент магистратуры
Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)

В статье исследуется проблема пределов изменения обвинения на стадии предварительного следствия в российском уголовном процессе. Анализируется содержание ст. 175 УПК РФ, разграничиваются понятия изменения, дополнения обвинения и частичного прекращения уголовного преследования. Рассматриваются правовые позиции Конституционного суда РФ и Верховного суда РФ, а также доктринальные подходы к определению границ корректировки обвинения в досудебном производстве. Выявляются пробелы в правовом регулировании и предлагаются пути их восполнения.

Ключевые слова: обвинение, изменение обвинения, предварительное следствие, переквалификация преступления, уголовное преследование, право на защиту, УПК РФ.

Обвинение является стержневым элементом уголовного судопроизводства, определяющим пределы исследования обстоятельств дела и границы судебного разбирательства. Именно обвинение, сформулированное на стадии предварительного расследования, впоследствии становится предметом судебного рассмотрения и задаёт рамки, в которых суд разрешает дело по существу. От того, насколько точно и обоснованно сформулировано обвинение, зависит реализация права обвиняемого на защиту, а также достижение назначения уголовного судопроизводства, закреплённого в ст. 6 УПК РФ, а именно защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

В ходе предварительного следствия нередко возникают ситуации, в которых первоначально предъявленное обвинение требует корректировки. Причиной может стать установление новых фактических обстоятельств, получение дополнительных доказательств, изменение уголовного закона, выявление ошибок в квалификации. Процессуальный механизм реагирования на такие ситуации предусмотрен ст. 175 УПК РФ, однако его применение на практике сопряжено с рядом теоретических и прикладных проблем. Одной из них является определение пределов, в которых следователь вправе изменять обвинение, и разграничение смежных процедур, таких как изменение, дополнение обвинения и частичное прекращение уголовного преследования.

Статья 175 УПК РФ предусматривает три самостоятельных процессуальных решения, которые могут быть приняты следователем в ходе предварительного следствия: изменение обвинения, дополнение обвинения и частичное прекращение уголовного преследования. Несмотря на то что все три решения объединены в одной норме, их правовая природа и процессуальные последствия различны.

Изменение обвинения связано с установлением фактических обстоятельств преступления, отличных от изложенных в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого. Это может выражаться в уточнении объективной стороны (например, изменение размера причинённого ущерба), формы вины, мотивов деяния, а также в изменении квалификации содеянного — переквалификации на другую статью или часть статьи УК РФ. Причиной может стать как получение новых доказательств, о которых ранее не было известно следователю, так и переоценка уже имеющихся.

Дополнение обвинения связано с установлением новых фактов, имеющих уголовно-правовое значение, — за счёт них увеличивается объём обвинения. Это происходит, в частности, при обнаружении другого преступления, со-

вершённого обвиняемым, либо при установлении дополнительных квалифицирующих признаков (например, при выяснении, что убийство совершено не одним, а двумя лицами, действовавшими из корыстных побуждений).

Частичное прекращение уголовного преследования применяется тогда, когда отдельные эпизоды преступной деятельности или квалифицирующие признаки не нашли подтверждения в ходе следствия. В этом случае следователь выносит постановление о прекращении преследования в соответствующей части и уведомляет об этом обвиняемого, защитника и прокурора (ч. 2 ст. 175 УПК РФ).

Важно отграничивать изменение квалификации от частичного прекращения преследования. Как справедливо отмечается в литературе, переквалификация действий обвиняемого на другую статью УК РФ сама по себе не является «частью обвинения» в том смысле, который заложен в ч. 2 ст. 175 УПК РФ, и не требует принятия решения о прекращении преследования. Однако на практике следователи нередко оформляют переквалификацию посредством двух самостоятельных документов, в частности постановлением о прекращении преследования по прежней статье и новым постановлением о привлечении в качестве обвиняемого — по другой статье. Такой подход не всегда обоснован и может создавать избыточную процессуальную волокиту.

Согласно ч. 1 ст. 175 УПК РФ, при появлении оснований для изменения предъявленного обвинения следователь выносит новое постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого и предъявляет его обвиняемому в порядке, установленном ст. 172 УПК РФ. Таким образом, изменение обвинения осуществляется по общим правилам предъявления обвинения, предусмотренным главой 23 УПК РФ. Прежнее постановление о привлечении в качестве обвиняемого утрачивает юридическую силу, но остаётся в материалах дела и может быть предметом оценки законности и обоснованности.

Выраженное в новом постановлении обвинение следователь переносит в обвинительное заключение, тем самым переопределяя пределы дальнейшего судебного разбирательства. Это обстоятельство подчёркивает особую значимость процедуры изменения обвинения. От её правильности зависит, в каких границах будет рассматриваться дело в суде.

Одним из наиболее дискуссионных является вопрос о том, существуют ли ограничения для изменения обвинения на стадии предварительного следствия. Как отмечается в учебной литературе, «из факультативной по отношению к предъявлению обвинения процедуры, предусмотренной ст. 175 УПК, следует заключить, что в стадии предварительного следствия первоначально предъявленное обвинение может быть изменено без каких-либо ограничений». Действительно, в отличие от судебной стадии, когда изменение обвинения допускается лишь при

условии, что им не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту (ч. 2 ст. 252 УПК РФ), УПК РФ не содержит аналогичных ограничений для досудебного производства.

На стадии предварительного следствия переквалификация преступления возможна как в сторону смягчения, так и в сторону ужесточения обвинения. Если первоначально неверно квалифицированы действия обвиняемого, следователь вправе предъявить новое, более тяжкое обвинение при наличии достаточных доказательств. Это соответствует логике досудебного производства, задача которого — всестороннее и полное исследование обстоятельств дела.

Однако отсутствие прямых законодательных ограничений не означает, что изменение обвинения на стадии предварительного следствия абсолютно произвольно. Пределы такого изменения обусловлены рядом факторов.

В соответствии со ст. 171 УПК РФ постановление о привлечении в качестве обвиняемого выносится лишь при наличии достаточных доказательств, дающих основание для предъявления обвинения. Новое обвинение, в том числе более тяжкое, должно быть обосновано совокупностью доказательств, собранных по делу.

При изменении обвинения следователь обязан выполнить процедуру предъявления обвинения, включая разъяснение существа обвинения и предоставление возможности для защиты. Это особенно важно при утяжелении обвинения: обвиняемый должен иметь достаточно времени и возможностей для подготовки к защите от нового обвинения.

Новое обвинение должно относиться к тому же деянию, которое является предметом расследования. Если выявляются признаки совершенно иного преступления, не связанного с первоначальным, должна применяться процедура возбуждения нового уголовного дела с последующим соединением производств.

Особую практическую значимость приобретает вопрос об изменении обвинения в период ознакомления участников с материалами уголовного дела (после выполнения требований ст. 215 УПК РФ). Статья 219 УПК РФ позволяет следователю на основании ходатайства од-

ного из участников дополнить материалы дела после объявления об окончании следственных действий. Однако в правоприменительной практике эта норма стала использоваться для фактического дорасследования, включая перепредъявление обвинения с его утяжелением.

Конституционный суд РФ в 2016 году фактически поддержал такую практику, указав, что протокол, составленный в соответствии со ст. 215 УПК РФ, подтверждает лишь окончание следственных действий, а не предварительного следствия в целом; дополнительные следственные действия позволяют принимать по их результатам соответствующие процессуальные решения, касающиеся содержания и объема обвинения.

Вместе с тем в литературе справедливо отмечается, что ч. 1 ст. 219 УПК РФ нацелена на исключительное правоприменение — для обеспечения прав участников процесса, а не для осуществления базовых процессуальных действий, направленных на привлечение лица к уголовной ответственности. Предъявление обвинения в условиях окончательного следствия нарушает права обвиняемого, поскольку он не может в полной мере реализовать свои процессуальные права по сравнению с ситуацией, когда обвинение предъявляется в процессе неоконченного следствия. Признание следователем необходимости изменения обвинения после выполнения требований ст. 215 УПК РФ означает, что он изменил мнение о достаточности доказательств, а потому для предъявления нового обвинения обязан возобновить предварительное следствие.

В настоящее время судами активно нарабатывается практика вынесения реабилитирующих судебных актов, чему немало способствуют решения вновь созданных и функционирующих кассационных судов общей юрисдикции, которые весьма критично оценивают выводы нижестоящих судебных инстанций и подвергают их ревизии. Это, в свою очередь, вынуждает суды проявлять особую осторожность в применении рассмотренных нами достаточно спорных норм закона, потенциал которых на сегодняшний день в полной мере не раскрыт. Изложенное требует от прокуроров более активного внедрения практики реализации ими своих прав по изменению обвинения и распространения положительного опыта в этой сфере.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 26.07.2026) // СПС КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 24.09.2026).
2. Бурмагин С. В. Правовые модели изменения обвинения в суде С. В. Бурмагин, П. К. Барабанов // Международная ассоциация содействия правосудию. — 2023. — URL: <https://www.iauaj.net/node/3219> (дата обращения: 24.09.2026).
3. Зарбабян М. Переквалификация обвинения на более тяжкий состав после возвращения дела прокурору / М. Зарбабян // Адвокатская газета. — 2025, 15 апр. — URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/perekvalifikatsiya-obvineniya-na-bolee-tyazhkiy-sostav-posle-vozvrashcheniya-dela-prokuroru/> (дата обращения: 24.09.2026).

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 39 (642) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 07.10.2026. Дата выхода в свет: 14.10.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.